

ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

ISSN 2949-5113 (print)

2024 / № 4

ISSN 2949-5105 (online)

серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Психологические науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки» включён Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по следующим научным специальностям: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки); 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки); 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychology” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” on the following scientific specialities: 5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology (psychological sciences); 5.3.3. Labor psychology, human engineering, cognitive ergonomics (psychological sciences); 5.3.4. Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment (psychological sciences); 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences). (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 2949-5113 (print)

2024 / № 4

ISSN 2949-5105 (online)

series

PSYCHOLOGY

BULLETIN
OF FEDERAL STATE UNIVERSITY
OF EDUCATION

Учредитель журнала
«Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки»:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шульга Т. И. – д-р психол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Нестерова А. А. – д-р психол. наук, доц., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Филинкова Е. Б. – к. психол. н., доц., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Иванников В. А. – академик Российской академии образования, д-р психол. наук, проф., заслуженный профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Карабанова О. А. – д-р психол. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Карри К. – д-р психол. наук, Православный институт святого Иоанна Богослова (г. Москва)

Марцинковская Т. Д. – д-р психол. наук, проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва), Российский государственный гуманитарный университет

Овсяник О. А. – д-р психол. наук, доц., Государственный университет просвещения

Митина Л. М. – д-р психол. наук, проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва)

Слайтер Э. – д-р психол. наук, профессор, Салемский государственный университет (Массачусетс, США)

Утлик Э. П. – д-р психол. наук, проф., Государственный университет управления

Фирсов М. В. – д-р ист. наук, проф., Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова

Шнейдер Л. Б. – д-р психол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный университет

Эрнер И. – д-р психол. наук, проф., Городской университет Нью-Йорка (США)

ISSN 2949-5113 (print)

ISSN 2949-5105 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по общей психологии, социальной психологии, психологии личности, психологии труда, инженерной психологии.

Журнал адресован психологам, докторантам, аспирантам и всем интересующимся достижениями в области психологии и смежных с ней наук.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73333.

Индекс серии «Психологические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40717

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайте Вестника Государственного университета просвещения (www.psumgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Государственного университета просвещения» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. – 2024. – № 4. – 152 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.psumgou.ru

Founder of journal
“Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences”
Federal State University of Education

————— Issued 4 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. I. Shulga – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Federal State University of Education

Deputy editor-in-chief:

A. A. Nesterova – PhD in Psychology, Assoc. Prof., Federal State University of Education

Executive secretary:

Y. B. Filinkova – PhD in Psychology, Assoc. Prof., Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

V. A. Ivannikov – Full member (academician) of the Russian Academy of Education, honored professor

O. A. Karabanova – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Lomonosov Moscow State University

Ch. Currie – PhD in Psychology, Orthodox Institute of Saint John the Divine (Moscow)

T. D. Martsinkovskaya – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow); Russian State University for the Humanities

O. A. Ovsyanik – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Federal State University of Education

L. M. Mitina – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow)

E. Slayter – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Salem State University (Massachusetts, USA)

E. P. Utlik – Dr. Sci. (Psychology), Prof., State University of Management

M. V. Firsov – Dr. Sci. (History), Prof., I. M. Sechenov First Moscow State Medical University

L. B. Shneider – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow)

I. Earner – PhD in Psychology, Prof., City University of New York (USA)

ISSN 2949-5113 (print)

ISSN 2949-5105 (online)

The reviewed scientific journal “Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological Sciences” is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about general psychology, social psychology, personality psychology, labor psychology, and engineering psychology.

The journal is addressed to psychologists, doctoral students, PhD students and all those interested in achievements in psychology and related sciences.

The series “Psychology” of the Bulletin of the State University of Education is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-73333

Index of series “Psychology” according to the Union catalog “Press of Russia” 40717

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library “CyberLeninka” (www.cyberleninka.ru), as well as at the site of the State University of Education (www.psymgou.ru)

At citing the reference to a particular series of “Bulletin of the State University of Education” is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences. – 2024. – no. 4. – 152 p.

© Federal State University of Education, 2024.

The Editorial Board address:

10A build. 2 Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

site: www.psymgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 6

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

- Вакарина Е. А., Васильева И. В.* Эмоциональный компонент образа психологического благополучия у художников на основе их ассоциаций 7
- Валеева Г. В., Тюмасева З. И.* Методологическая основа психологической безопасности личности 19
- Зекерьяев Р. И.* Психологические особенности волевой сферы личности с различным уровнем рекламной суггестивности 38
- Латынов В. В.* Психологические основания выбора способа реагирования на пандемию COVID-19 51
- Нурмухаметов Э. А., Нурмухаметова И. Ф.* Взаимосвязь видов патриотизма и стратегий семейного воспитания 64

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Кузнецова Д. А.* Особенности компонентов установок по отношению к профессиональной деятельности у сотрудников с разным стажем 82

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

- Бершедова Л. И., Морозова Т. Ю.* Динамические преобразования совладающего поведения в ситуации самоопределения в юношеском возрасте 97

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГНОМИКА

- Егоренко Т. А., Хобта Ю. А.* Особенности личностно-профессионального становления сотрудника полиции 110
- Абдулина Ю. А., Алдашева А. А.* Особенности личности специалистов по организации оказания многопрофильной помощи, имеющих разный уровень удовлетворённости трудом 123
- Баркова Е. В., Емельяненко А. В.* Особенности психологического благополучия и удовлетворённости трудом респондентов с различными формами занятости . . 141

CONTENTS

Editor's Column.	6

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

<i>E. Vakarina, I. Vasileva.</i> Emotional Component of the Psychological Well-Being Image in Artists Based on Their Associations	7
<i>G. Valeeva, Z. Tyumaseva.</i> Methodological Basis of Psychological Personal Security . . .	19
<i>R. Zekeriaev.</i> Psychological Features of the Volitional Sphere of a Person with Different Levels of Advertising Suggestiveness.	38
<i>V. Latynov.</i> Psychological Reasons for Choosing a Way to Respond to the COVID-19 Pandemic.	51
<i>E. Nurmukhametov, I. Nurmukhametova.</i> Interrelation of Patriotism Forms and Family Upbringing Strategies	64

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

<i>D. Kuznetsova.</i> Features of Components of Attitudes Towards Professional Activities in Employees with Different Levels of Experience	82

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

<i>L. Bershedova, T. Morozova.</i> Dynamic Transformations of Coping Behavior in the Situation of Self-Determination in Adolescence.	97

LABOR PSYCHOLOGY, HUMAN ENGINEERING, COGNITIVE ERGONOMICS

<i>T. Egorenko, Ju. Khobta.</i> Features of the Personal and Professional Development of a Police Officer	110
<i>Yu. Abdulina, A. Aldasheva.</i> Personality Specialities of Multiprofile Help Organization Specialists with Different Level of Job Satisfaction	123
<i>E. Barkova, A. Emelyanenkova.</i> Features of Psychological Well-Being and Job Satisfaction of Respondents with Different Forms of Employment	141

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

**Уважаемые коллеги, авторы, читатели и друзья!
Поздравляем вас с наступающим Новым 2025 годом!**

Подводя итоги работы «Вестника Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки» в 2024 году, объявленном в январе на международной выставке-форуме «Россия» президентом России Владимиром Путиным «Годом семьи», мы надеемся, что всё происходящее в эти месяцы помогло вам обрести силы, мудрость, зародить желание оказывать помощь семье в воспитании и образовании детей, решении межличностных отношений в семьях.

Прошедший 2024 год был напряжённым годом. Он потребовал от всех нас терпения, сострадания, проявления доброты и заботы о каждом члене семьи, поиска путей улучшения взаимоотношений, понимания, поддержки!

В этот год редакционная коллегия получила интересные научные статьи, которые во многом повышают роль и значения главного института социализации человека – семьи. Ваши статьи, в которых Вы поделились с научным психологическим сообществом своими новыми находками, открытиями, позволяют лучше понимать друг друга, определять актуальные проблемы научных исследований, которые проводятся в разных вузах РФ.

Каждый Наступающий Новый год у нас традиционно ассоциируется с приятными переменами и надеждами на лучшее. Пусть всё задуманное Вами непременно сбудется! Пусть в следующем году мы все станем счастливее, добрее и внимательнее к окружающим нас людям, мир откроет нам новые возможности!

Надеемся, что Новый 2025 год будет годом новых открытий, находок и достижений в науке. Поздравляем с Новым 2025 годом! Желаем, чтобы будущий год принёс всем больше радости, улыбок и добра!

Дорогие друзья! Примите самые искренние пожелания здоровья, счастья, благополучия и благодарности за ваш вклад в развитие психологической науки как суверенной науки РФ.

Пусть ваши начинания наполняются энергией и преодолевают любые преграды! Пусть этот год будет наполнен новыми возможностями, радостью и достижениями! Счастья, здоровья и больших научных успехов вам в будущем году!

Мы приглашаем вас к сотрудничеству и ждём новых интересных научных статей, которые направлены на возможность решения новых вызовов, которые стоят перед психологией!

*Редакционная коллегия «Вестника Государственного университета просвещения.
Серия: Психологические науки» поздравляет Вас с наступающим 2025 годом!*

Главный редактор и редакционная коллегия

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Научная статья

УДК 159.9.07, 159.923

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-7-18

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ОБРАЗА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У ХУДОЖНИКОВ НА ОСНОВЕ ИХ АССОЦИАЦИЙ

Вакарина Е. А.¹, Васильева И. В.^{1,2}

¹ Тюменский государственный университет, 625003, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6, Российская Федерация; e-mail: e.a.vakarina@utmn.ru

² Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625000, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, Российская Федерация

Поступила в редакцию 27.05.2024

После доработки 07.06.2024

Принята к публикации 10.06.2024

Аннотация

Цель. Выявить эмоциональный компонент образа психологического благополучия в тезаурусе художников.

Процедура и методы. Для составления профиля использован тезаурус эмотивной лексики Л. Г. Бабенко. В исследовании участвовали 120 художников. Сбор данных осуществлялся методом направленных ассоциаций. Задача респондентов: дать девять ассоциаций в форме основных частей речи (по три глагола, существительных, прилагательных) на словосочетание «психологическое благополучие». В результате была выявлена частота этих ассоциаций по категориям эмотивной лексики и сформирован рейтинг этих категорий.

Результаты. Наиболее частотными по количеству используемых ассоциаций являются категории эмотивной лексики: спокойствие, любовь, влечение. Эти эмотивные категории характеризуют эмоциональную составляющую образа психологического благополучия в тезаурусе художников. Анализ денотативно-идеографических групп с учётом функционально-семантических категорий показывает, что в ассоциациях художников данные категории представлены относительно равномерно. Наиболее выражены категории эмоционального состояния и отношения и наименее выраженными являются категории эмоционального качества и человека как сосредоточия и носителя эмоций. Построен рейтинг

денотативно-идеографических групп по частоте используемых респондентами ассоциаций о психологическом благополучии.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в установлении эмоционального компонента образа психологического благополучия в тезаурусе художников. Применение лингвистического подхода позволяет выявить ключевые конструкты для эмоциональной регуляции и поддержки оптимального уровня психологического благополучия художников. Полученные результаты могут быть использованы специалистами помогающих профессий (психологами и преподавателями) для разработки психокоррекционных и психопрофилактических программ, направленных на сохранение или улучшение текущего состояния художников.

Ключевые слова: психологическое благополучие, психосемантика, художники, частотный анализ, эмотивная лексика

Для цитирования: Вакарина Е. А., Васильева И. В. Эмоциональный компонент образа психологического благополучия у художников на основе их ассоциаций // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. №4. С. 7–18. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-7-18

Original Research Article

EMOTIONAL COMPONENT OF THE PSYCHOLOGICAL WELL-BEING IMAGE IN ARTISTS BASED ON THEIR ASSOCIATIONS

E. Vakarina¹, I. Vasileva^{1,2}

¹University of Tyumen; ul. Volodarskogo, 6, Tyumen, 625003, Tyumen Region, Russian Federation; e-mail: e.a.vakarina@utmn.ru

²Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, ul. Amurskaya, 75, Tyumen, 625000, Tyumen Region, Russian Federation

Received by the editorial office 27.05.2024

Revised by the author 07.06.2024

Accepted for publication 10.06.2024

Abstract

Aim. To identify the emotional component of the image of psychological well-being in the artists' thesaurus.

Methodology. L. G. Babenko's thesaurus of emotive vocabulary was used for profiling. The study involved 120 artists. Data collection was carried out by the method of directed associations. The respondents' task was to give nine associations in the form of basic parts of speech (three verbs, nouns, adjectives each) to the word combination "psychological well-being". As a result, the frequency of these associations by categories of emotive vocabulary was revealed and a rating of these categories was formed.

Results. The most frequent in terms of the number of associations used are the categories of emotive vocabulary: calmness, love, attraction. These emotive categories characterise the emotional component of the image of psychological well-being in the thesaurus of artists. The analysis of the denotative and ideographic groups taking into account functional-semantic cat-

egories shows that these categories are relatively evenly represented in the artists' associations. The most expressed are the categories of emotional state and attitude and the least expressed are the categories of emotional quality and a person as a focus and carrier of emotions. The rating of denotative-ideographic groups by the frequency of associations about psychological well-being used by respondents is constructed.

Research implications. The study reveals the features of the emotional component of the image of psychological well-being in the artists' thesaurus. The application of the linguistic approach allows to identify key constructs for emotional regulation and support of the optimal level of artists' psychological well-being. The results obtained can be used by specialists of helping professions (psychologists and teachers) to develop psycho-corrective and psycho-prophylactic programmes aimed at preserving or improving the current state of artists.

Keywords: psychological well-being, psycho-semantics, artists, frequency analysis, emotive vocabulary

For citation: Vakarina E. A., Vasilyeva I. V. Emotional component of the psychological well-being image in artists based on their associations. In: Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2024, no. 4, pp. 7–18. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-7-18

Введение

Исследование посвящено изучению эмоциональной составляющей психологического благополучия в тезаурусе художников. Растущий интерес к данной проблеме связан с глобальными изменениями или вызовами, происходящими в окружающей среде. Художники как социальная группа становятся эмоционально зависимыми и чрезмерно чувствительными, когда их стабильный образ мира нарушают условия нестабильности, неопределённости, сложности и неоднозначности [10].

Ассоциативный эксперимент, который применялся для получения представлений художников о психологическом благополучии, фиксирует актуальные смыслы. Применение ассоциативного эксперимента (метода направленных ассоциаций) воссоздаёт образы мира художников, их контекстную среду и помогает определить основные компоненты их психологического благополучия.

Методологическая база исследования представлена с помощью идеи

Л. Г. Бабенко о системной организации эмотивной лексики [2]. Поэтому становится возможным изучать языковое поле в целом: в него включены денотативно-идеографические группы и функционально-семантические категории, образующие семантическое поле изучаемого явления. Вследствие чего, цель исследования – выявить эмоциональный компонент образа психологического благополучия в тезаурусе художников.

Исследование психологического благополучия художников

Исследователи, изучая проблему благополучия, опираются на традиционные подходы, такие как гедонистический и эвдемонистический. Гедонистический подход рассматривает, прежде всего, субъективное благополучие, т. к. предполагает наличие зависимости от эмоционального состояния человека, т. е. уровня удовольствия и удовлетворённости собственной жизнью [11; 13]. Э. Динер и Н. М. Брэдбёрн придерживались мне-

ния, что субъективное благополучие складывается из положительного (PA) и отрицательного аффектов (NA) [11; 13]. При этом один аффект, что может проявляться у человека, не имеет прямой связи с интенсивностью и частотой другого [14]. Наличие аффектов, а также удовольствия являются одними из множества ориентиров в жизни человека, т. к. чрезмерный поиск смысла в наслаждении приводит к иллюзорному решению текущих ситуаций, разочарованию, игнорированию трудностей, страданий и боли [3]. Вследствие чего, важным фактором в поддержке психологического благополучия становится развитие личности и реализация её потенциала [12; 17]. Поэтому эвдемонистический подход старается основываться на тех аспектах, которые рассматривают человека как личность [7].

М. Аргайл, И. Бонивелл, представители эвдемонистического подхода, предлагают изучать благополучие как внутреннее ощущение счастья [1; 4]. М. Чиксентмихайи отмечает, что ощущение счастья напрямую связано со способностью человека интерпретировать события и ситуации, происходящие вокруг [9]. В то же время М. П. Селигман предложил отказаться от понятия «счастье» как такового, т. к. оно ограничивается получением удовольствия [18]. Исключение эмоционального компонента из психологического благополучия не представляется возможным, потому что человек включается в социальные процессы и переживает своё непосредственное участие в них. Л. В. Карапетян и Г. А. Глотова предлагают понятие «эмоционально-личностное благополучие», при котором допустимо переживание человеком состояния гармонии между двумя

мирами (внутренним и внешним), возникающего в процессе жизнедеятельности [7].

Исследовательский интерес усиливается не только в отношении проблемы психологического благополучия и одного из его компонентов, но и сосредоточении на конкретной социальной группе – художниках, в деятельность которой включена эмоциональная составляющая. Динамичность арт-рынка, быстро возникающие изменения спроса на художественную продукцию, оценка профессионального сообщества результатов труда, обратная связь от целевой аудитории становятся источниками эмоционального напряжения, т. к. являются неконтролируемыми факторами [6; 8]. Эти факторы остаются для художников рисками для поддержки оптимального уровня психологического благополучия, но вместе с тем характеризуют контекстную среду и специфику их профессиональной деятельности [6].

Данное исследование опирается на денотативно-идеографические и функционально-семантические группы, выделенные при помощи лингвистического анализа. Недавно проведенное исследование И. В. Васильевой и М. В. Чумакова показывает, что эмоциональная лексика как предмет психологического анализа раскрывает содержание тезауруса респондентов, а также признаки деятельности, выполняемой ими [5]. Рассмотрение семантических категорий в качестве единиц анализа позволит описать эмоциональную составляющую образа психологического благополучия в тезаурусе профессиональной группы – художников. Выяснение категорий становится важным этапом в уточнении структуры

изучаемого явления и последующего его описания.

Процедура и методы исследования

Метод сбора данных: метод направленных ассоциаций. Инструкция для участников состояла в том, что на словосочетание «психологическое благополучие» следовало дать по три ассоциации в форме основных частей речи: существительного, глагола, прилагательного. Использование основных частей речи связано с тем, что эмоциональная составляющая представлений проявляется в действиях и оценках, а также в объектах и субъектах взаимодействия.

Участники исследования дали 1080 слов-ассоциаций на стимул «психологическое благополучие». Впоследствии слова-ассоциации рассортировывались по частотности. Использовался прототипический анализ П. Вержеса, который позволяет избежать смыслового «шума». Граница учёта начиналась с десяти упоминаний в выборке. Наиболее частотных ассоциаций оказалось 429. Не все из этих частотных ассоциаций были в дальнейшем использованы в анализе и интерпретации.

Участниками исследования выступили 120 человек в возрасте от 18 до 70 лет. В критерии формирования выборки входило наличие профильного художественного образования, полученного в среднем специальном или высшем учебном заведении. В исследовании приняли участие художники различных специализаций: педагоги-художники, живописцы, графики, иллюстраторы, оформители, реставраторы и др. из Москвы, Санкт-

Петербурга, Краснодара, Севастополя, Омска, Тюмени и др.

Сбор данных проводился асинхронно, посредством онлайн-сервиса Google forms. Состояние участников не оценивалось и не контролировалось; условия, в которых респонденты отвечали на задания, не задавались и не стандартизировались. Это ограничение данного исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

На следующем этапе наиболее частотные ассоциации были сопоставлены с категориями словаря-тезауруса эмотивной лексики (табл. 1) [2]. Те ассоциации, которые не соотносились с эмотивной лексикой, из дальнейшего рассмотрения были исключены, таким образом анализировалось только 243 слова (56,6% от наиболее частотных ассоциаций).

Вследствие чего, категории «спокойствие», «любовь», «влечение» встречаются по 2 раза, категории «вера», «радость», «счастье», «дружба», «уважение», «вдохновение» – по 1 разу. Некоторые ассоциации относятся одновременно к нескольким категориям эмотивной лексики. Например, ассоциации «любить» и «жить» относятся одновременно к двум категориям эмотивной лексики: «любовь» и «влечение». Ассоциация «радость» – к таким категориям как «радость» и «счастье», в свою очередь, ассоциация «принимать» – к группам «дружба» и «уважение».

В некоторых случаях в одну категорию эмотивной лексики входит несколько групп ассоциаций. Так в категорию эмотивной лексики «спо-

Таблица 1 / Table 1

Соотнесение ассоциаций художников на словосочетание «психологическое благополучие» с категориями эмотивной лексики / Correlation of artists' associations to the word "psychological well-being" with categories of emotive vocabulary

Ассоциации	Частота встречаемости	Категории эмотивной лексики
Спокойствие (спокойный, покой)	76	Спокойствие
Уверенность (уверенный)	43	Вера
Любить (любовь, любимый, любящий)	40	Любовь, влечение
Радость (радостный, радовать, радоваться)	38	Радость, счастье
Уравновешенный	15	Спокойствие
Жить	11	Влечение, любовь
Принимать	10	Дружба, уважение
Вдохновение	10	Вдохновение

Источник: данные авторов.

койствие» входят ассоциации, связанные с покоем и уравновешенностью. Для формирования рейтинга категорий эмотивной лексики некоторые ассоциации впоследствии используются несколько раз (табл. 2).

Наиболее частотными с точки зрения ассоциаций являются категории эмотивной лексики: «спокойствие», «любовь» и «влечение». Эти группы характеризуют эмоциональную составляющую образа психологического

Таблица 2 / Table 2

Ранжирование встречаемости категорий эмотивной лексики / Ranking the occurrence of categories of emotive vocabulary

Ранг	Категории эмотивной лексики	Частота встречаемости
1	Спокойствие	91
2,5	Любовь	51
2,5	Влечение	51
4	Вера	43
5,5	Радость	38
5,5	Счастье	38
8	Дружба	10
8	Уважение	10
8	Вдохновение	10

Источник: данные авторов.

благополучия в тезаурусе художников. Они как профессиональная группа подвержены влиянию неконтролируемых факторов или вызовов окружающей среды, поэтому часто наблюдается у художников высокий уровень тревожности и напряжения, что приводит к их эмоциональной нестабильности. В этом случае, искусство выступает способом, которое помогает справиться с трудностями и регулировать собственное состояние [15]. Спокойствие, умиротворённость, эмоциональное равновесие выступают ресурсами для художников и не позволяют отвлекаться от творческого процесса и создания произведений искусства. Любовь и влечение, в свою очередь, говорят, как о плотности и частоте контактов с окружением, так и степени вовлечённости в профессиональную деятельность.

В качестве дополнительных, менее частотных категорий эмотивной лексики выступают категории «вера», «радость», «счастье», «дружба», «уважение» и «вдохновение». Категория «вера», по мнению художников, связана с уверенностью в себе, самооценкой, личным вкладом в развитие культуры, а также сохранением психологической безопасности. Категории «радость» и «счастье», несмотря на трудности в профессиональной деятельности, говорят об общей удовлетворённости жизнью и творчеством [15]. Группы «дружба» и «уважение» объединяются по своему смысловому значению с категориями «любовь» и «влечение». Художники стараются развивать социальную компетентность, т. к. выстраивание продуктивных отношений с окружением помогает продвигать их творчество. При этом важным для них

становится не только укрепление полезных контактов, но и обратная связь от публики и профессионального общества [16]. Категория «вдохновение» для художников является движущей силой к совершению действий, которые сопровождаются их желанием заниматься творчеством и проявлением интереса к деятельности.

Подгруппы денотативно-идеографической эмотивной лексики являются универсальными функционально-семантическими категориями: 1) эмоциональное состояние; 2) эмоциональное отношение; 3) становление эмоционального становления и отношения; 4) эмоциональное воздействие; 5) внешнее выражение эмоций; 6) эмоциональная характеристика; 7) эмоциональное качество; 8) человек как средоточие и носитель эмоций [2]. В таблицу 3 включены все функционально-семантические категории, т. к. они встречались в конкретных денотативно-идеографических группах тезауруса психологического благополучия художников.

Денотативно-идеографические подгруппы эмотивной лексики различным образом представлены в ассоциациях художников о психологическом благополучии. Наиболее выражены в ассоциациях функционально-семантические категории «эмоциональное состояние» (5 индикаторов) и «эмоциональное отношение» (5 индикаторов). Следующими по частоте встречаемости являются категории «становление эмоционального состояния и отношения» и «эмоциональная характеристика» (по 4 индикатора). За ними следуют функционально-семантические категории «эмоциональное воздействие» и «внешнее выражение

Таблица 3 / Table 3

Денотативно-идеографическая группа с учётом функционально-семантических категорий эмотивной лексики / Denotative-ideographic groups, taking into account the functional-semantic categories of emotive vocabulary

ДИГ	Функционально-семантические категории	Ассоциации
Спокойствие	Эмоциональное состояние	Спокойствие, покой
	Эмоциональное качество	Спокойствие
	Внешнее выражение эмоций	Спокойный, спокойная, спокойной
	Эмоциональная характеристика	Спокойный, спокойная, спокойной
Любовь	Эмоциональное состояние	Любить, любовь
	Эмоциональное отношение	Любить, любовь, любящий, любящее
	Человек как сосредоточие и носитель эмоций	Любовь, любимый, любимое, любимая
	Внешнее выражение эмоций	Любимый, любимое, любимая, любящий, любящее
	Эмоциональная характеристика	Любимый, любимое, любимая, любящий, любящее
	Становление эмоционального состояния и отношения	Жить
Влечение	Эмоциональное состояние	Любить, любовь
	Эмоциональное отношение	Любить, любовь, жить
	Человек как сосредоточие и носитель эмоций	Любовь
	Становление эмоционального состояния и отношения	Жить
Вера	Эмоциональное отношение	Уверенность, уверенный, уверенная, уверенное
	Эмоциональное качество	Уверенность
	Эмоциональная характеристика	Уверенный, уверенная, уверенное
Радость	Эмоциональное состояние	Радость, радоваться, радостный, радостная, радостное
	Становление эмоционального состояния и отношения	Радоваться
	Внешнее выражение эмоций	Радостный, радостная, радостное
	Эмоциональная характеристика	Радостный, радостная, радостное
	Эмоциональное воздействие	Радовать
Счастье	Эмоциональное воздействие	Радовать
Дружба	Эмоциональное отношение	Принимать
Уважение	Эмоциональное отношение	Принимать
Вдохновение	Эмоциональное состояние	Вдохновение
	Становление эмоционального состояния и отношения	Вдохновляться
	Эмоциональное воздействие	Вдохновлять, вдохновляющее

Источник: данные авторов.

эмоций» (по 3 индикатора). Наименее выраженными являются категории «эмоциональное качество и «человек как сосредоточие и носитель эмоций (по 2 индикатора).

Таким образом, наблюдается относительная равномерность использования функционально-семантических категорий эмотивной лексики в отношении психологического благополучия. Это обусловливается спецификой профессиональной деятельности художников и говорит о том, что эмоциональная составляющая является одним из компонентов их психологического благополучия. В процессе своей профессиональной деятельности художники пользуются ресурсами для поддержки психологической устойчивости и эмоционального состояния. Они могут восполнять ресурсы самостоятельно, например, при помощи собственных способностей, навыков адаптации и саморегуляции, а также им может содействовать их окружение (семья, друзья, профессиональное сообщество) [16]. Художники воспринимают свою жизнь эмоционально напряжённой и подвержены чрезмерной погружённости во внутренний мир переживаний [6]. Поэтому опора на отношения с окружением является неотъемлемой частью их благополучия, потому что они нуждаются в способах для стабилизации своего состояния. По мнению художников, искусство – одно из средств, способствующее эмоциональной «разрядке», но у них как профессиональной группы отмечаются проблемы с психическим здоровьем. Предположительно эмоциональная возбудимость, высокий уровень невротизма и тревожности, низкий уровень адаптации связаны с креатив-

ностью и являются следствием профессиональной деятельности художников [15]. Тем не менее художники склонны испытывать высокую степень удовлетворённости своей профессией и оптимальный уровень психологического благополучия, несмотря на факторы, связанные как с вызовами окружающей среды, так и с собственными переживаниями.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Категории эмотивной лексики «спокойствие», «любовь», «влечение» проявляются наиболее часто в тезаурусе художников и составляют образ их психологического благополучия.

2. Наиболее выраженными функционально-семантическими категориями в ассоциациях художников стали «эмоциональное состояние» и «эмоциональное отношение». В эти категории входят ассоциации, которые связаны общими номинативными функциями и образуют функционально-семантическое поле психологического благополучия художников.

3. Выделенные категории эмотивной лексики показали, что эмоциональная составляющая отражается в профессиональной деятельности художников. В силу особенностей своей профессии, художники испытывают затруднения в управлении своего эмоционального состояния из-за возможной чрезмерной чувствительности.

Полученные результаты могут быть использованы в практической деятельности психологов и преподавателей с целью разработки психопрофилактических программ по поддержке оптимального уровня пси-

психологического благополучия художников. Перспектива дальнейших исследований заключается в том, чтобы более точно определить компоненты образа психологического благополучия художников. Это станет возможным при применении метода свободных ассоциаций, который позволит зафиксировать значимые смыслы для конкретной социальной группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргайл М. Психология счастья / пер. с англ. А. Лисицыной. СПб.: Питер, 2003. 332 с.
2. Бабенко Л. Г. Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики. Екатеринбург; М.: Кабинетный учёный, 2021. 432 с.
3. Батуева А. Ц. Проблема гедонизма в современном российском обществе // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2020. №3. С. 77–87.
4. Бонивелл И. Ключи к благополучию: что может позитивная психология / пер. с англ. М. Бабичевой. М.: Время, 2009. 192 с.
5. Васильева И. В., Чумаков М. В. Эмоциональная составляющая образа волонтерства в представлениях студентов психолого-педагогических направлений // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46. №4. С. 248–271. DOI: 10.11621/LPJ-23-47.
6. Горская Г. Б., Егорова В. С. Социально-средовые регуляторы включения художника в процесс творческой самореализации // Южно-российский журнал социальных наук. 2014. №4. С. 103–117.
7. Карапетян Л. В., Глотова Г. А. Структурная модель эмоционально-личностного благополучия // Национальный психологический журнал. 2018. №2 (30). С. 46–56. DOI: 10.11621/npj.2018.0206.
8. Магидович М. Л. Профессиональная идентичность художника // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. №3. С. 139–152.
9. Чиксентмихайи М. Поток. Психология оптимального переживания / пер. с англ. М.: Альпина Нон-фикшн, 2013. 464 с.
10. Ясько Б. А., Покуль В. О., Бабичкова Е. С. Личность в глобальном вуса-вызове периода пандемии // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. №22 (3). С. 85–98.
11. Bradburn N. M. The structure of psychological well-being. Chicago: Aldine Publishing Company, 1969. 319 p.
12. Deci E. L. The Effects of Contingent and Noncontingent Rewards and Controls on Intrinsic Motivation // Organizational Behavior and Human Performance. 1972. №8. P. 217–229. DOI: 10.1016/0030-5073(72)90047-5.
13. Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. №95 (3). P. 542–575. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542>.
14. Diener E., Horwitz J., Emmons R. Happiness of the Very Wealthy // Social Indicators. 1985. №16. P. 263–274.
15. Loveday C., Musgrave G., Gross S. A. Predicting Anxiety, Depression, and Wellbeing in Professional and Nonprofessional Musicians // Psychology of Music. 2023. №51 (2). P. 508–522. DOI: <https://doi.org/10.1177/03057356221096506>.
16. Pérez-Ibáñez M., López-Aparicio I. Art and Resilience: The Artist's Survival in the Spanish Art Market – Analysis from a Global Survey // Sociology and Anthropology. 2018. №6 (2). P. 221–236. DOI: 10.13189/sa.2018.060204.
17. Ryff C. D. Psychological Well-Being in Adult Life // Current Directions in Psychological Science. 1995. №4. P. 99–104. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-8721.EP10772395>.
18. Seligman M. P. Flourish. A Visionary New Understanding of Happiness and Well-Being. NY: Simon & Schuster, 2012. 372 p.

REFERENCES

1. Argyle M. Psychology of happiness (Russ. ed., E Lisitstyna transl. Psihologiya schast'ya. St. Petersburg, Piter Publ., 2003. 332 p.).
2. Babenko L. G. *Alfavit emocij: slovar'-tezaurus emotivnoj leksiki* [Alphabet of Emotions: Dictionary-Thesaurus of Emotive Lexicon]. Yekaterinburg, Kabinetnyj uchyonyj Publ., 2021. 432 p.
3. Batueva A. C. [Problem of Hedonism in Modern Russian Society]. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya* [Bulletin of Buryat State University. Philosophy], 2020, no. 3, pp. 77–87.
4. Boniwell I. Positive Psychology: Theory, Research and Applications (Rus. ed., Babicheva M., transl. Klyuchi k blagopoluchiyu: Chto mozhet pozitivnaya psihologiya. Moscow, Vremya Publ., 2009. 192 p.).
5. Vasileva I. V., Chumakov M. V. [Emotional component of the image of volunteering in the perceptions of students in psychology and peducation]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya* [Lomonosov Psychology Journal], 2023, vol. 46, no. 4, pp. 248–271. DOI: 10.11621/LPJ-23-47.
6. Gorskaya G. B., Egorova V. S. [Social and environmental modulators of an artist's involvement into the process of creative self-realization]. In: *Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], 2014, no. 4, pp. 103–117.
7. Karapetyan L. V., Glotova G. A. [Structural model of emotional and personal well-being]. In: *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [National Psychological Journal], 2018, no. 2 (30), pp. 46–56. DOI: 10.11621/npj.2018.0206.
8. Magidovich M. L. [Professional identity of the artist]. In: *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2004, vol. 7, no. 3, pp. 139–152.
9. Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience (Rus. ed., transl. Potok. Psihologiya optimal'nogo perezhivaniya. Moscow, Al'pina Non-fikshn Publ., 2013. 464 p.).
10. Yasko B. A., Pocol V. O., Babichkova C. S. [Personality in the global VUCA challenge in the pandemic]. In: *Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], 2021, no. 22 (3), pp. 85–98.
11. Bradburn N. M. The structure of psychological well-being. Chicago, Aldine Publishing Company, 1969. 319 p.
12. Deci E. L. The Effects of Contingent and Noncontingent Rewards and Controls on Intrinsic Motivation. In: *Organizational Behavior and Human Performance*, 1972, no. 8, pp. 217–229. DOI: 10.1016/0030-5073(72)90047-5.
13. Diener E. Subjective well-being. In: *Psychological Bulletin*, 1984, no. 95 (3), pp. 542–575. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542>.
14. Diener E., Horwitz J., Emmons R. Happiness of the Very Wealthy. In: *Social Indicators*, 1985, no. 16, pp. 263–274.
15. Loveday C., Musgrave G., Gross S. A. Predicting Anxiety, Depression, and Wellbeing in Professional and Nonprofessional Musicians. In: *Psychology of Music*, 2023, no. 51 (2), pp. 508–522. DOI: <https://doi.org/10.1177/03057356221096506>.
16. Pérez-Ibáñez M., López-Aparicio I. Art and Resilience: The Artist's Survival in the Spanish Art Market – Analysis from a Global Survey. In: *Sociology and Anthropology*, 2018, no. 6 (2), pp. 221–236. DOI: 10.13189/sa.2018.060204.
17. Ryff C. D. Psychological Well-Being in Adult Life. In: *Current Directions in Psychological Science*, 1995, no. 4, pp. 99–104. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-8721.EP10772395>.
18. Seligman M. P. Flourish. A Visionary New Understanding of Happiness and Well-Being. New York, Simon & Schuster Publ., 2012. 372 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вакарина Елена Алексеевна – аспирант, ассистент кафедры общей и социальной психологии Тюменского государственного университета;

e-mail: e.a.vakarina@utmn.ru; ORCID: 0000-0003-3508-8690

Васильева Инна Витальевна – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Тюменского государственного университета; профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России;

e-mail: i.v.vasilieva@utmn.ru; ORCID: 0000-0003-0740-7260

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Vakarina – Postgraduate Student, Lecturer Assistant at Department of General and Social Psychology of University of Tyumen;

e-mail: e.a.vakarina@utmn.ru; ORCID: 0000-0003-3508-8690

Inna V. Vasileva – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Head of the Department of General and Social Psychology, University of Tyumen; Dr. Sci. (Philosophy), Foreign Languages and Humanitarian Training of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; e-mail: i.v.vasilieva@utmn.ru; ORCID: 0000-0003-0740-7260

Научная статья

УДК 151.8

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-19-37

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Валеева Г. В., Тюмасева З. И.

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический

университет, 454080, Челябинская область, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 69, Российская

Федерация; e-mail: valeevagv@cspu.ru

Поступила в редакцию 26.08.2024

После доработки 08.10.2024

Принята к публикации 09.10.2024

Аннотация

Цель. Выявить и обосновать методологию изучения психологической безопасности личности как психологического феномена.

Процедура и методы. На основе теоретического анализа философских и психологических работ определён комплекс методологических подходов: диалектический (общефилософский), системный (общенаучный) и субъектный (специально научный). Эмпирическое исследование, выстроенное на основе комплекса методологических подходов, опирается на систему диагностики, включающую проективную моторно-экспрессивную методику и стандартизованные методы изучения, которые позволяют дать качественные и количественные характеристики психологической безопасности личности.

Результаты. Обоснован комплекс методологических подходов (диалектический, системный и субъектный) как основы для изучения природы психологической безопасности личности, в соответствии с которым психологическая безопасность личности понимается как *система*, состоящая из однородных, разнонаправленных структурных элементов, не существующих друг без друга, закономерно зависящих от факторов, которые управляют их развитием; проходящая процесс преобразований, управляемый субъектом. Понятие «безопасность» характеризуется субъективными и объективными показателями здоровья в пределах нормы; «субъективная опасность» – субъективные показатели здоровья в переходной или дезадаптивной зоне, а объективные показатели здоровья в пределах нормы. Если субъективные и объективные показатели в зоне дезадаптации, то речь идёт об объективной опасности, если субъективные показатели в норме, а объективные показатели в зоне дезадаптации – «иллюзия безопасности».

Теоретическая и/или практическая значимость. Определён и обоснован комплекс методологических подходов, раскрывающий природу психологической безопасности личности как составляющей безопасной жизнедеятельности человека.

Ключевые слова: диалектический, системный, субъектный, подход, принципы, декомпозиция, детерминизм, развитие, системность и субъектность, психологическая безопасность личности, методология

Для цитирования: Валеева Г. В., Тюмасева З. И. Методологическая основа психологической безопасности личности // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. №4. С. 19–37. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-19-37

Original Research Article

METHODOLOGICAL BASIS OF PSYCHOLOGICAL PERSONAL SECURITY

G. Valeeva, Z. Tyumaseva

South Ural State Humanitarian Pedagogical University,

pr. Lenina, 69, Chelyabinsk region, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation;

e-mail: valeevagv@cspu.ru

Received by the editorial office 26.08.2024

Revised by the author 08.10.2024

Accepted for publication 09.10.2024

Abstract

Aim. To identify and substantiate the methodology of studying the psychological security of a person as a psychological phenomenon.

Methodology. Based on the theoretical analysis of philosophical and psychological works, a set of methodological approaches is defined: dialectical, systemic and subjective. Empirical research includes a projective motor-expressive technique and standardized methods. The analysis of empirical data on the study of psychological security of the individual based on the principles of methodological approaches is carried out.

Results. A set of methodological approaches is substantiated: dialectical, systemic and subjective as the basis for studying the nature of psychological security of the individual.

Research implications. A set of methodological approaches has been defined and substantiated, revealing the nature of psychological security of a person as constituting a safe human life activity.

Keywords: dialectical, systemic, subjective, approach, principles, decomposition, determinism, development, consistency and subjectivity, psychological security of personality, methodology

For citation: Valeeva G. V., Tyumaseva Z. I. Methodological basis of psychological personal security. In: Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2024, no. 4, pp. 19–37. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-19-37

Введение

Развитие протекает как коадаптация личности и среды, результатом которой является опасная или безопасная жизнедеятельность. Во многих исследовательских работах (И. А. Баева, Н. Н. Баев, О. Ю. Зотова, Л. В. Карапетян, П. И. Костенок,

Г. П. Коняхина, Е. А. Сергиенко, К. Седикидес) рассматривается способность личности сохранять устойчивость в процессе своего развития, связывая её с безопасностью жизнедеятельности. Развивая данную парадигму, мы понимаем безопасную жизнедеятельность как осознанные отношения

человека с Миром, которые обеспечивают стабильное и полное проявление таких характеристик жизни, как организация, метаболизм, рост, адаптация, реакция на раздражители и воспроизводство [3]. Психологический уровень взаимодействия человека с Миром, интегрируя личность в целое, как раз и обеспечивает эти устойчивые отношения. Поэтому, выстраивая иерархию внутрисистемных связей, психологическую безопасность личности рассматриваем как составляющую безопасной жизнедеятельности человека и, соответственно, как результат коадаптации личности и природно-социальной среды. Однако безопасность личности противоречит процессу её развития, поскольку происходящие изменения неизбежно повлияют на отношения личности с Миром, на её устойчивость и приведут к нарушению психологической безопасности личности. С целью разрешения этого противоречия считаем необходимым выявить и обосновать методологию изучения психологической безопасности личности.

В основе нашего исследования лежит гипотеза: определение комплекса методологических подходов: диалектического (общефилософского), системного (общенаучного) и субъектного (специально научного) как основы изучения психологической безопасности личности позволит исследовать и описать природу этого психологического феномена.

Задачи исследования:

- 1) проанализировать основные положения диалектического, системного и субъектного подходов и их принципы;
- 2) уточнить основные понятия темы исследования;

3) эмпирически обосновать использование комплекса методологических подходов как основы для изучения психологической безопасности личности.

Психологическая безопасность личности как составляющая безопасной жизнедеятельности, являясь результатом процесса коадаптации личности и природно-социальной среды, постоянно изменяется, поэтому имеет смысл рассматривать её через призму диалектического подхода как способа научного познания, основанного на представлении об закономерно меняющихся объектах и предметах окружающего мира, позволяющего познать общие закономерности её становления и развития.

Диалектический подход позволяет понимать и разрешать противоречия, возникающие в науке; понимать эволюционные явления в различных областях знания [16]. В современных работах учёные применяют диалектику для изучения таких проблем безопасности жизнедеятельности, как патриотизм, экономическое неравенство и неравноценный обмен в рамках международных отношений [11]. Расширение применения диалектического подхода связано с тем, что он позволяет обосновать причинно-следственные связи, процессы дифференциации и интеграции, разрешать противоречие между сущностью и явлением, содержанием и формой, объективностью и субъективностью в оценке действительности [9].

Реализация принципов диалектики в исследовании психологической безопасности личности предполагает постановку и решение следующих задач:

- 1) выявление и анализ внутренних ис-

точников и механизмов развития, связанных со структурно-функциональными особенностями психологической безопасности личности и определением внутренних оппозиций; 2) оценку количественных и качественных изменений и диагностику переходных состояний (скачков), приводящих к появлению нового качества психологической безопасности личности; 3) изучение преимущества, связи нового со старым, повторяемости на новых стадиях развития некоторых свойств предшествующих состояний [9].

Принцип декомпозиции [1; 13] предполагает существование двух однородных, но разнонаправленных частей психологической безопасности личности, не существующих друг без друга («опасность: отношения человека с Миром, обеспечивающие нарушение проявлений характеристик жизни; безопасность: отношения человека с Миром, которые обеспечивают стабильное и полное проявление характеристик жизни»). В этом контексте полярность «опасность – безопасность» раскрывается через полярность «здоровье – болезнь», проявляющихся в иерархическом, по принципу соответствия («Я-концепция» – субъектность – психологическая безопасность личности) и синергетическом взаимодействии по принципу дополнения: субъективная и объективная составляющие здоровья личности. Синергетическое взаимодействие субъективной и объективной составляющих здоровья личности определяет стратегию её жизнедеятельности.

Целевой установкой и критериями развития безопасной жизнедеятельности как метасистемы психологической безопасности личности являются

осознанные отношения человека с Миром, которые обеспечивают проявление характеристик жизни и определяют взаимодействие описанных выше полярностей.

Исходя из принципа декомпозиции, психологическую безопасность личности характеризуют:

1. *Целеустремлённость*, которая проявляется в стремлении минимизировать разницу между субъективным отражением самоосознанным и целостным индивидом объективной реальности самого себя; выстраивать иерархию приоритетов своего развития на основе своих ресурсов; формировании осознанных отношений, обеспечивающих стабильное и полное проявление характеристик жизни.

2. *Управленческое воздействие*, исходящее от субъекта управления системы безопасности жизнедеятельности, направленное на объект управления психологическую безопасность личности. Управленческое воздействие заключается в развитии психологической безопасности личности как состояния, необходимого для формирования осознанных отношений, обеспечивающих максимально стабильное и полное проявление характеристик жизни.

3. *Избирательность (стохастичность)*, заключающаяся в том, что психологическая безопасность личности в своём развитии проходит точки бифуркации, в которых определяется выбор пути её развития: прогресс – субъективно безопасная стратегия жизнедеятельности (свой жизненный путь воспринимается субъектом целостно и сознательно моделируется) или разрушение – субъективно опасная стратегия жизнедеятельности (только конкретная тактика реагиро-

вания в отдельных жизненных ситуациях).

4. *Иерархичность целевой ориентации системы* психологической безопасности личности делает её открытой системой, поддерживающей своё существование, функционирование и развитие благодаря обмену энергией и информацией с жизнедеятельностью в целом и субъектностью личности в конкретных условиях природно-социальной среды.

5. *Мультифакторность* – развитие системы психологической безопасности личности – объясняется воздействием комплекса внутренних факторов субъектности «Я-концепция», «Смысл жизни», «Иерархия приоритетов развития», «Технология построения отношений с Миром» и объективных показателей здоровья как условий жизнедеятельности, каждый из которых может рассматриваться как управляющее воздействие, способное изменять направленность развития психологической безопасности личности.

6. *Взаимосвязанность компонентов.* В результате взаимосвязи факторов субъектности и объективных показателей здоровья как условий жизнедеятельности возникает пространственно-временная структура – «Стратегии жизнедеятельности» как вариативность коадаптации личности и среды.

Принцип детерминизма предполагает закономерную зависимость явлений от порождающих причин как совокупности факторов, управляющих развитием системы, которые доступны системно-логическому объяснению и опытной проверке [5; 13]. Под причиной понимается совокупность факторов, которыми формируется управ-

ляющее воздействие на систему, а следствие представляет пространство, которое реагирует на это управляющее воздействие. Переходный процесс – это многоуровневое структурированное пространство, обеспечивающее взаимодействие между причиной и следствием.

«Причина» психологической безопасности личности в самой жизнедеятельности человека как неизбежном процессе, а «следствие» в субъективном отражении самоосознанным и целостным индивидом объективной реальности самого себя – «Я-концепции». «Переходный процесс», возникающий при взаимодействии «причины» и «следствия» выражен как субъектность – состояние, возникающее в результате субъективного отражения самоосознанным и целостным индивидом объективной реальности самого себя («Я-концепция»), позволяющее ему выстраивать иерархию приоритетов своего развития на основе своих ресурсов [3].

Принцип развития позволяет рассматривать систему психологической безопасности личности, последовательно проходящей полиморфный процесс прогрессивных преобразований, трансформаций или разрушения неэффективных форм психической организации личности [3]. Интегрирующие и дифференцирующие процессы могут быть дестабилизированы противоречиями во внутренней системе факторов субъектности («Я-концепция», «Смысл жизни», «Технология построения отношений с Миром»), что приводит к неустойчивости системы.

Стимулом развития психологической безопасности личности является

единство противоположно направлен- ных тенденций «безопасность (целост- ность) – опасность (конфликтность)», создающих необходимое напряжение. Индивидуализация развития психо- логической безопасности личности обуславливается субъективными при- чинно-следственными связями между факторами субъектности; субъектив- ной и объективной составляющей здо- ровья личности, а преемственность – постепенным переходом количествен- ных изменений в качественно новое состояние субъектности и объектив- ного здоровья личности, при этом но- вый опыт формируется только на ос- нове осознания и принятия прошлого опыта достижения состояния психо- логической безопасности.

Принцип развития дополняется и расширяется *принципами неопреде- лённости, субъектности и альтерна- тивности* [14], что означает осново- полагающую роль субъекта, базовыми свойствами которого являются це- лостность, единство, интегральность в выборе опасной-безопасной жизнеде- ятельности, принципиальную откры- тость, способность к диалогу с самим собой и возможность саморазвития.

Психологическая безопасность личности является динамической си- стемой, существующей в рамках про- странства и времени. Поэтому пси- хологическая безопасность личности исследуется с позиций прошлого (воз- никновение: родительские установки, сценарии, объективные показатели здо- ровья), настоящего («Я-концепции», «отношения с Миром», «Стратегия жизнедеятельности») и будущего («Смысл жизни», «Иерархия приори- тетов развития»), а её показатели всег- да рассматриваются в динамике.

Всеобъемлющий характер понятия жизнедеятельности, как общего, и пси- хологической безопасности личности, как части этого общего, требует при- менения системного подхода как спо- соба научного познания, согласно ко- торому мы можем исследовать явление как множество структурных элемен- тов, объединённых определёнными со- отношениями и связями между ними.

Системный подход решает задачу синтеза различных знаний об объекте, разработки новых принципов подхода к объекту изучения, создания целост- ной картины выделяемого объекта. Системный подход позволяет рассма- тривать различные психологические явления не изолированно, а в их со- вокупности и совместно с порожда- ющими причинами, в соответствии с которым любой продукт психической деятельности всегда является след- ствием многих явлений объективного и субъективного характера, а также устанавливать законы развития слож- ных систем физической, биологиче- ской и социальной природы, на ос- нове объединения в единое различных научных направлений, концепций и школ. Поэтому, по утверждению А. Г. Асмолова, в иерархии уровней ме- тодологии системный подход выступа- ет как связующее звено между фило- софской методологией и методологией специальных наук [4].

Таким образом, сочетание диалекти- ческого и системного подходов позво- ляет при моделировании системы пси- хологической безопасности личности выявить её состав, внутрисистемные и межсистемные связи, соотношения частей и целого (иерархичность), ди- намических характеристик, эволюции системы (целесообразность),

а также факторы, детерминирующие возникновение и формирование объекта.

Принцип системности как основной принцип системного подхода определяет психологическую безопасность личности, как систему, обладающую внутренней целостностью и динамикой.

Её характеризуют:

1. *Целостность*. Система обладает «надсуммарными» свойствами и качествами, которые не присущи «Я-концепции», «Иерархии приоритетов развития и ресурсов», «Отношения с миром», но возникают в результате их взаимодействия. Целостность системы психологической безопасности личности проявляется в субъектности, развивающейся на основе внутренней системы факторов («Я-концепция», «Смысл жизни», «Иерархия приоритетов развития», «Технология построения отношений с Миром»), определяющей характеристики динамического равновесия между адаптационными возможностями субъекта и изменяющейся объективной составляющей жизнедеятельности. Эти характеристики существуют как стратегии жизнедеятельности: субъективно безопасная стратегия жизнедеятельности (свой жизненный путь воспринимается субъектом целостно и сознательно моделируется) и субъективно опасная стратегия жизнедеятельности (выстраивается конкретная тактика реагирования в отдельных жизненных ситуациях).

2. *Структурность*, которая подчёркивает значение формы организации системы психологической безопасности личности, местоположение её частей.

3. *Многоуровневость*. Каждый компонент системы психологической безопасности личности может рассматриваться как система меньшего уровня, в которую входит другая система. Многоуровневость создаёт универсальную архитектуру систем и, как следствие, «универсальный принцип функционирования».

«Субъектность», формируется на основе взаимодействия в системе внутренних факторов «Я-концепция», «Смысл жизни», «Иерархия приоритетов развития», «Технология построения отношений с Миром». Взаимодействие показателей субъектности и объективных показателей состояния здоровья личности определяет четыре стратегии жизнедеятельности: «истинная безопасность» – субъективно и объективно безопасная жизнедеятельность; «истинная опасность» – субъективно и объективно опасная жизнедеятельность; «иллюзия безопасности» – субъективно безопасная, но объективно опасная жизнедеятельность; «иллюзия опасности» – субъективно опасная, но объективно безопасная жизнедеятельность, характеризующих психологическую безопасность личности, которая, в свою очередь, определяет характер жизнедеятельности в целом как безопасный (здоровый), фрагментарно опасный (фрагментарное здоровье) и опасный, определяющий качество процесса коадаптации личности и среды.

Психологическая безопасность личности является нелинейной системой. Для такой системы характерна непропорциональность причин и следствий. Процессы, протекающие в ней, неодинаковы при разных внешних воздействиях или взаимодействиях между

элементами, что может привести к качественным изменениям. Именно нелинейность приводит к необходимости применения *субъектного подхода* при изучении психологической безопасности личности как способа научного познания, исследующего способность личности взаимодействовать с собой, находясь в диалоге двух суверенных субъектов, что приводит к тому, что она познаёт и меняет свою жизнедеятельность. Согласно этому подходу, психическое объективно существует как субъективное, а личность имеет значение как субъект собственной активности.

Е. А. Сергиенко и С. Л. Рубинштейн рассматривают субъекта не только как носителя активности, но и как источника причинности бытия [14]. Сознание, обеспечивая познание мира субъектом, определяет не только его отражение, но и выражение отношения к нему субъекта – созерцательности. Деятельность преобразует объект в целях субъекта, а созерцание сохраняет и раскрывает для субъекта его ценность.

Таким образом, человек, выступая в своей сущности как субъект психической активности, непосредственно оказывает регулятивное воздействие на свою психику и опосредствованно воздействует на окружающий мир [2]. Человек как субъект способен превращать собственную жизнедеятельность в предмет своего познания практического преобразования, относиться к самому себе, оценивать способы деятельности, контролировать её ход и результаты, изменять её приёмы. Чтобы стать субъектом, человек должен постоянно превращать свою биопсихосоциальную природу в субъектность, реализующую субъектное отношение

к миру, превращать предпосылки и условия своей природно-социальной среды в свой жизненный путь. С позиций субъектного подхода ни биологические (физиологические, соматические), ни социокультурные факторы сами по себе не определяют хода и результатов развития, становления человека как личности и индивидуальности. Однако и социальные факторы не переходят прямо в содержание субъектности, в способности субъекта. Человек как субъект есть биопсихосоциальная уникальность. Реализация понятия субъекта в принципе субъектности позволяет перейти от анализа отдельных характеристик, его индивидуальных способностей, особенностей его деятельности, к изучению целостного субъекта собственной жизнедеятельности [14].

В настоящее время в психологической науке под субъектностью понимают уровень активности влияния субъекта на внешние и внутренние процессы развития и рассматривают «субъектность» как способность субъекта ставить цели и актуализировать, развивать, направлять свои ресурсы для их достижения [3].

Разделяя вышеизложенные интерпретации понятия «субъектность» и рассматривая его в аспекте субъективных факторов развития, считаем, что, субъектность – это понимание самоосознанным, целостным индивидом самого себя (Я-концепция), позволяющее ему выстраивать иерархию приоритетов своего развития на основе своих ресурсов. Субъектность определяется внутренней системой факторов («Я-концепция», «Смысл жизни», «Технология построения отношений с Миром»), обеспечивающих динами-

ческое равновесие между адаптационными возможностями субъекта и изменяющимися условиями природно-социальной среды. «Я-концепция» – это системообразующий фактор субъектности. А анализ взаимодействия между элементами «Я-концепции» позволяет выявить «смысл жизни», а анализ взаимодействие «Я-концепции» со «смыслом жизни» позволяет выстроить «иерархию приоритетов и ресурсов развития», которые характеризуют развитость субъектности, регулирующей «отношения с Миром» [3].

Рассматривая комплекс методологических подходов – диалектический, системный и субъектный, мы понимаем психологическую безопасность личности как *систему*, включающую множество объединённых однородных, но разнонаправленных структурных элементов, не существующих друг без друга, закономерно зависящих от совокупности факторов, управляющих их развитием, и последовательно проходящих полиморфный процесс прогрессивных и регрессивных преобразований, управляемый субъектом.

Психологическая безопасность личности реализуется в процессе жизнедеятельности и осознаётся субъектом как *состояние*, возникающее в результате субъективного отражения самосознанным и целостным индивидом объективной реальности самого себя, позволяющее ему выстраивать иерархию приоритетов своего развития на основе своих ресурсов, которая приводит к формированию осознанных отношений, обеспечивающих стабильное и полное проявление следующих характеристик жизни: организация, метаболизм, рост, адаптация, реакция на раздражители и воспроизводство.

Методы эмпирического обоснования комплекса методологических подходов как основы исследования

Методологической основой диагностического исследования, направленного на обоснование использования методологических подходов, выступили идиографический подход, который позволяет исследовать систему факторов субъектности, и номотетический подход, который позволил исследовать психологическую готовность к оздоровительной деятельности и стрессонапряжённость (стрессоустойчивость) как показатели развития субъектности.

Для изучения внутренней системы факторов субъектности в рамках идиографического подхода использовались «Технология личностного развития «Психология образа», направленная на исследование «Я-концепции», «Технологии построения отношений с Миром» и выявления «Смысла жизни». Изучение факторов субъектности базируется на взаимосвязи между моторикой человека и его психическими и психофизиологическими состояниями. Для получения диагностического рисунка используется «техника фрактального рисунка». Авторское название рисунка является метафорическим выражением его «Я-концепции», а существенные признаки понятий, отражённых в названии рисунка, переносятся на психологическую сферу. От первого лица главного героя (авторское название) автором составляется сказка по плану: мечта, страх, сила главного героя. Анализ авторской сказки и рисунка позволяет определить проблемные зоны «Я-концепции» и «Смысла жизни», определить варианты отношений человека с Миром [3; 5].

В рамках номотетического подхода применялась программа комплексной диагностики субъективной составляющей здоровья «Гармония» (свидетельство № 2014661107, 2014 г.) [4], включающая: «Методику определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Раге» [7]; «Методику оценки удовлетворённости физическим состоянием» (модификация опросника Гиссенского, адаптированного в психоневрологическом институте им. В. М. Бехтерева), исследующую уровень выраженности жалоб на костно-мышечную и сердечно-сосудистую системы (психофизический компонент психологической готовности к оздоровительной деятельности) и уровень выраженности истощаемости, входящей в психоэмоциональный компонент психологической готовности к оздоровительной деятельности; «Методику самооценки психического состояния (по Айзенку)», исследующую уровень выраженности тревожности, фрустрации ригидности, которые входят в состав психоэмоционального компонента и агрессии, входящей в состав ценностно-мотивационного компонента; «Методику «Ценностные ориентации» (М. Роккич), изучающую иерархию ценностей, образующих ценностно-мотивационный компонент; анкету «Потребностное напряжение в отношении оздоровления» (З. И. Тюмасева, А. А. Цыганков, И. Л. Орехова, 2003 г.), используемую регулярно для исследования состояния потребностного напряжения студентов в отношении оздоровления, входящего в психофизический и когнитивный компоненты психологической готовности к оздоровительной деятельности; анкету

«Уровень развития представления об оздоровительной деятельности» (Г. В. Валева, В. С. Мишарина, 2006 г.), применяющуюся регулярно для изучения уровня сформированности представления об оздоровлении, как расширении адаптационных возможностей субъекта (когнитивный компонент) [4].

Уровни сформированности психологической готовности к оздоровительной деятельности определяются на основе тестовых норм по каждому показателю [4]. Расчётное время диагностического этапа с использованием программы «Гармония» составляет 30 мин.

Экспресс-оценка уровня физического здоровья [3] использовалась для изучения объективного состояния здоровья как объективной характеристики среды, в которой развивается субъект.

Определение стратегии жизнедеятельности личности основывается на соотношении объективных (Экспресс-оценка уровня физического здоровья (по Г. Л. Апанасенко)) и субъективных («Методика оценки удовлетворённости физическим состоянием (модификация опросника Гиссенского, адаптированного в психоневрологическом институте им. В. М. Бехтерева)») показателей физического состояния; уровня развития психологической готовности к оздоровительной деятельности (программа комплексной диагностики субъективной составляющей здоровья «Гармония»); объективных (динамика общего количества пропусков занятий и динамика качественной успеваемости) и субъективных («Методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и

Page») показателей социальной адаптации [3].

Безопасную зону составляют только сформированная психологическая готовность к оздоровительной деятельности и показатели социальной адаптации и физического состояния, находящиеся в норме. Если психологическая готовность к оздоровительной деятельности не выражена или не сформирована, и субъективные показатели повышены или являются высокими, то констатируется субъективная опасность, если субъективные и объективные показатели в зоне дезадаптации – «объективная опасность»; если субъективные показатели в норме, а объективные показатели в зоне дезадаптации – «иллюзия безопасности» [3].

Наше исследование, направленное на эмпирическое обоснование комплекса методологических подходов и их принципов изучения психологической безопасности личности, проводилось на базе Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета в 2019–2023 гг. В нём приняли участие 65 студентов в возрасте от 18 до 19 лет и 2 респондента 19 и 26 лет участвовали в исследовании особенностей развития психологической безопасности личности в естественных условиях и в процессе консультативного воздействия.

Эмпирическое обоснование методологических подходов и принципов к изучению психологической безопасности личности

В ходе исследования мы определяли возможность применения принципов методологических подходов к анализу эмпирических данных. Разделение

эмпирических данных по выделенным принципам носит условный характер, так как все рассматриваемые принципы работают как единая система на каждом этапе анализа эмпирических данных.

Принцип декомпозиции.

В соответствии с данным принципом мы рассматривали все факторы и характеристики психологической безопасности личности как однородные, но разнонаправленные, не существующие друг без друга, смещающиеся в сторону опасности: отношения человека с Миром, обеспечивающие нарушение проявления характеристик жизни или безопасности: отношения человека с Миром, обеспечивающие стабильное и полное проявление характеристик жизни, раскрывающиеся через полярность «здоровье – болезнь» в субъективной и объективной составляющих здоровья личности, и в соответствии с этим определяющие стратегии жизнедеятельности личности.

Принцип детерминизма.

«Следствием» конфликтности между составляющими «Я-концепции» у 70–75% респондентов является неразвитая субъектность, приводящая к нарушению психологической безопасности личности – дезадаптивному состоянию, возникающему в результате неадекватного субъективного отражения самоосознанным и целостным индивидом объективной реальности самого себя (нарушения «Я-концепции»), не позволяющего ему выстраивать иерархию приоритетов своего развития на основе своих ресурсов (неразвитая субъектность), которая приводит к формированию отношений не обеспечивающих стабильное и полное проявление характеристик жизни: организация, метаболизм, рост, адаптация,

реакция на раздражители и воспроизводство [3].

Принцип системности.

Анализ пилотажных исследований психологической готовности студентов к оздоровлению (2014–2023 гг.) показывает, что *всегда* преобладает переходная зона развития психологической готовности к оздоровлению, однако её качественные и количественные характеристики зависят от особенностей контингента.

Ежегодные пилотажные исследования стрессоустойчивости (стрессонапряжённости) говорят о том, что в различных студенческих группах *всегда* преобладает стрессонапряжённость в высокой и крайне высокой зоне, кроме того, отмечается постоянное повышение уровня стрессонапряжённости в период обучения в вузе.

Анализ субъектности респондентов в этом исследовании выявил, что её показатели: психологическая готовность к оздоровлению и стрессонапряжённость находятся в разных зонах.

Сформированность психологической готовности к оздоровлению¹ [4] соответствует переходной зоне: выраженность состояний «агрессия», «ригидность» составляет 9,8 балла (переходная зона: склонностью к «тихому» сопротивлению, средняя гибкость в изменениях); неудовлетворённость состоянием костно-мышечной системы (степень выраженности показателя 8 баллов – нижняя граница переходной зоны) говорит о постоянном мышечном напряжении. Иерархия ценно-

стей не сформирована (выраженность показателя составляет 12 баллов – граница между зонами); не сформировано представление об оздоровлении (0%) и потребность в нём как в метадеятельности (7,5% от максимально сформированного).

Стрессоустойчивость (стрессонапряжённость) респондентов находится в дезадаптивной зоне. У всех студентов крайне высокая стрессонапряжённость (выраженность показателя 503,7 балла).

79% респондентов хотят «быть понятым», что говорит о пассивной позиции в процессе взаимодействия со средой и осознаваемой субъективной опасности.

Анализ первичного запроса на консультирование отражает сферы жизнедеятельности, в которых осознаётся нарушение безопасности личности респондентов: межличностные отношения – 69%; психосоматические проявления – 45%; трудности самореализации – 16%.

Объективную составляющую здоровья можно характеризовать следующим образом: все респонденты имеют хронические проблемы с физической составляющей здоровья (2 группа). В качестве референтной группы не указывают профессиональную группу, что говорит о трудностях адаптации в профессиональной среде.

Рассматривая выявленные показатели через призму принципов детерминизма и системности, мы выявляем конфликтное взаимодействие между элементами «Я-концепции» у 70–75% респондентов, приводящее к неразвитой субъектности, проявляющейся в описанных выше показателях субъектности.

¹ Состояния психологических характеристик субъекта, обеспечивающие расширение адаптационных возможностей на основе субъект-субъектных отношений и оздоровительных технологий.

Анализируя нарушения в субъективной и объективной составляющей здоровья как системный комплекс, мы выявляем формирование стратегии жизнедеятельности «истинная опасность» у 70–75% респондентов, а у 25–30% – формирование стратегии «иллюзия безопасности», для которой характерен высокий уровень развития субъектности в сочетании с нарушением объективной составляющей здоровья [3].

Принцип развития.

Решая задачу изучения и описания природы психологической безопасности личности, мы изучили естественное развитие психологической безопасности личности и в процессе консультирования по вопросам субъективной составляющей здоровья¹.

В результате проведённого исследования естественного развития психологической безопасности личности в течение четырёх лет (2019–2023 гг.) были получены следующие результаты.

Начальный этап: 2019 г., девушка 19 лет.

«Я-концепция» «Иные размеры»: несформированная «Я-концепция» блокирует реализацию смысла жизни: респондент ощущает себя иным, но

не понимает каким, поэтому не может определить своё место в жизни, хотя и осознаёт свой ресурс как уникальность, но неясно, в чём конкретно. Смысл жизни: «поиск своего места в жизни на основе своей уникальности». Незрелая субъектность (показатели субъективной составляющей здоровья – агрессия, ригидность и стрессонапряжённость в зоне дезадаптации (14 б.; 300 б.). Несформированная иерархия приоритетов личного развития и личных ресурсов. Показатели объективной составляющей здоровья: 2 группа здоровья, нет референтных групп. Стратегия жизнедеятельности: «истинная опасность» – субъективно и объективно опасная жизнедеятельность.

Контрольный этап: 2023 г., девушка 23 года.

«Я-концепции» – «Грация (структура)», несформированная «Я-концепция» блокирует реализацию смысла жизни: респондент ощущает себя основой всего, ощущает и отстаивает свою индивидуальность, но не понимает, что именно ему нужно, проблема с осознанием ресурса усиливается: агрессию считает ресурсом, но из-за социального запрета заменяет на контроль, что говорит о внутреннем конфликте потребностей и установок. Смысл жизни: «на основе внутреннего контроля сохранить свою индивидуальность и быть востребованным». Незрелая субъектность – переход состояния «агрессия» в зону крайней дезадаптации (16 б.). Несформированная иерархия приоритетов личного развития и личных ресурсов. Показатели объективной составляющей здоровья не изменились. Стратегия жизнедеятельности: «истинная опасность». Таким образом, на-

¹ Консультирование по вопросам субъективной составляющей здоровья, представляющее собой организацию и сопровождение процесса осознания и разрешения субъектом страданий, вызванных нарушением динамического равновесия между пониманием самого себя, позволяющего выстраивать иерархию приоритетов своего развития на основе своих ресурсов и формировать осознанные отношения, обеспечивающие стабильное и полное проявление жизни (организация, метаболизм, рост, адаптация, реакция на раздражители и воспроизводство) и постоянно трансформирующейся социальной средой.

блюдается усиление психологической опасности личности.

В результате проведённого исследования развития психологической безопасности личности в процессе консультирования по вопросам субъективной составляющей здоровья в течение двух лет (2020–2022 гг.) были получены следующие результаты.

Начало консультирования: 2020 г., респондент – девушка 24 года.

«Я-концепция» – «Путь к любви».

«Я путь к любви, и у каждого я свой, сейчас я буду говорить о себе у конкретного человека. Как и любой путь в жизни, я тернист и не лишён приключений, положительных и отрицательных эмоций, а также спонтанных действий и решений.

Я мечтаю, чтобы я стал проще и легче, хочу, чтобы меня понимали и шли этой дорогой через всю свою жизнь. Ведь я знаю, как много хорошего и тёплого я могу подарить людям. Я боюсь того, что могу в любой момент жизни прекратиться и развести дороги двух влюблённых сердец. Ведь я так искренно прокладываю этот путь. А цветы мне в этом помогают, они являются моими друзьями, благодаря им я могу выразить свои чувства и просто сделать приятно, доставив положительный заряд эмоций человеку. Моя сила в том, что, я искренен, и мои намерения чисты, всё, что я хочу, это чтобы меня понимали, слушали и слышали, ну и, конечно, взаимности. Я верю, что такой путь любви есть у каждого человека, и даже если сейчас я полон препятствий и на грани разрушения, через определённое количество лет я снова буду проложен через самые красивые пейзажи, ведущие к любви – неважно, к человеку или к себе».

Смысл жизни – «постоянная борьба за обретение признания, на основе искренности и чистоты намерений, что позволит избежать саморазрушения».

Высокая степень неопределённости и зависимости от «внешнего» говорит о неразвитой субъектности (показатели субъективной составляющей здоровья в зоне дезадаптации (11–17 б.). Несформированная иерархия приоритетов личного развития и личных ресурсов, 2 группа здоровья. Стратегия жизнедеятельности: «истинная опасность» – субъективно и объективно опасная жизнедеятельность.

Завершение консультирования: 2022 г., респондент – девушка 26 лет.

«Я-концепция» – «Жизнерадостный мишка».

«Я, жизнерадостный мишка, я не всегда был таким ярким, чаще я был тусклым и серым, но в мою жизнь пришла осознанность многих моментов жизни, и я понял, что для меня лучше быть таким. Каждый мой цвет означает особое событие в жизни, которое принесло мне положительные эмоции; за последние полгода в моей жизни многое поменялось по отношению к людям и ситуациям. Я мечтаю, чтобы я как можно больше мог(ла) делиться своей жизнерадостностью, чтобы рядом были люди, которые действительно это ценят. Я мечтаю наладить контакт с миром, и чувствовать, что я нужен(а). Я боюсь того, что могу не выдержать натиска того негатива, что имеется рядом со мной. Боюсь быть грубым(ой), и мне не нравится то, что я не умею искренне дарить миру те эмоции, что во мне находятся. Моя сила в том, что (я ответственная), я стараюсь изо всех сил и не опускаю руки, сильный(ая) духом; несмотря на

всю тьму вокруг меня, я выношу уроки и делаю выводы из всего, что происходит, я принимаю всё, что сейчас даётся мне, с благодарностью. Моя сила в том, что я сама отвечаю за свою жизнь.

Смысл жизни – в том, чтобы получить признания благодаря тому, что сама отвечаю за жизнь».

Иерархия приоритетов личного развития респондента:

«Я хочу через 28 лет, когда мне будет 54. Хочу быть абсолютно счастливым человеком, жить в собственном доме с личной парковкой, баней, садом и террасой. Помогать маме. Делать своих близких счастливыми. Иметь хорошее здоровье и крепкое тело. Я хочу иметь любимое дело (в идеале бизнес, возможно, семейный).

– Я хочу через 7 лет, когда мне будет 33. Я хочу иметь своё прибыльное дело. Посетить 4 страны (Белоруссию, Германию, Чехию, Америку). Заниматься инвестициями. Быть известной личностью в своих кругах.

– Я хочу через 4 года, когда мне будет 30. Я хочу иметь достойную зарплату и высокую ценность себя как сотрудника. Я хочу иметь личный автомобиль. Ездить отдыхать за границу, а также путешествовать, знакомиться и открывать для себя красивые места в России. Помогать какому-либо фонду (склоняюсь к домам престарелых либо животным).

– Я хочу через 2 года и 6 месяцев, когда мне будет 28. Жить в собственной квартире с ремонтом моей мечты. Растить и развиваться в рабочей сфере. Иметь рядом верных и преданных друзей. Перевезти маму в Россию, поближе к себе. Уделять время семье и позволять себе находить для себя уединение.

– Я хочу каждый год. Я хочу видеться с близкими и родными, живущими в другой стране. Я открывать для себя что-то новое. Заводить новые знакомства. Не изменять стилю жизни (в плане питания и физической активности). Хочу становиться лучше.

– Я хочу каждые 6 месяцев проходить обследование состояния здоровья. Ездить в Казахстан. Обновлять предметы гардероба.

– Я хочу каждый месяц иметь налаженный режим сна. Выделять время на посещение кинотеатров, кафе, концертов, выставок. Финансовой стабильности.

– Я хочу каждый день чётко распределять задачи на день. Уделять время на занятия физической активностью. Успевать работать и пробовать различные хобби, которые могут перерасти в собственное дело».

Уровень сформированности субъектности повысился (показатели субъективной составляющей здоровья в норме (5–7 б.); ригидность и тревожность в переходной зоне (11 и 8 б.). Показатели объективной составляющей здоровья: 2 группа здоровья, но появилась референтная группа. Стратегия жизнедеятельности: «иллюзия безопасности» – субъективно безопасная, но объективно опасная жизнедеятельность.

Таким образом, наблюдается усиление психологической безопасности личности. Поскольку проблемы физической составляющей здоровья носят хронический характер, то «иллюзия безопасности» является высшим возможным результатом в этом случае.

Принцип субъектности отражает основополагающую роль субъекта, базовыми свойствами которого являются

ся: целостность, единство, интегральность.

Психологическая безопасность личности является нелинейной системой. Несмотря на то, что 70–75% респондентов имеет «неодушевлённую» «Я-концепцию» («Полёт фантазий», «Мир», «Домик»), а 25–30% имеют «одушевлённые» «Я-концепции» («Лебедь», «Мудрец», «Улитка»), конкретные качественные характеристики психологической безопасности личности как состояния, определяющие их коадаптацию, будут зависеть от уровня развития субъектности (содержания «Я-концепции» и уровня её принятия, как будет сформулирован «смысл жизни», какой «тип отношений с Миром»), и, соответственно, к каким показателям стрессонапряжённости и психологической готовности к оздоровлению приведут эти характеристики субъектности, а также как сформированы объективные показатели здоровья как условия развития субъектности.

Необходимо отметить, что при сформировавшейся 2 группе здоровья, даже при проведении специальной психологической работы, результатом которой стало снижение стрессонапряжённости до нормы и повышение уровня развития психологической готовности к оздоровлению, стратегия жизнедеятельности: «иллюзия безопасности» – субъективно безопасная, но объективно опасная жизнедеятельность будет максимально возможным результатом.

Заключение

Психологическую безопасность личности через комплекс методологических подходов, включающий диалектический, системный, субъектный

подходы, а также их принципы, необходимо рассматривать как *систему* объединённых, но разнонаправленных однородных структурных элементов, не существующих друг без друга, закономерно зависящих от факторов, управляющих их развитием, последовательно проходящую полиморфный процесс прогрессивных и регрессивных преобразований, управляемый субъектом. Субъект управляет развитием психологической безопасности личности как состоянием, возникающим в результате субъективного отражения объективной реальности самого себя, минимизируя разницу между субъективным и объективным, что позволяет ему выстраивать иерархию приоритетов и ресурсов своего развития, на основе которой формируются субъект-субъектные отношения с Миром, выраженные как стратегия жизнедеятельности – «истинная безопасность», т. е. стабильное и полное проявление характеристик жизни.

Практическая значимость использования комплекса методологических подходов (диалектического, системного, субъектного,) для понимания феномена психологической безопасности личности заключается в выявлении субъектности как мишени воздействия с целью повышения уровня безопасной жизнедеятельности. Следовательно, наиболее эффективны будут такие технологии развития психологической безопасности личности, как консультирование и психотерапевтическое научение, т. к. они позволяют устранить противоречия в системе внутренних факторов субъектности.

Синергетическое взаимодействие субъективной и объективной составляющих здоровья личности по

принципу дополнения, определяя стратегию её жизнедеятельности, ограничивает возможность изменений даже при проведении специальной психологической работы. В этом случае «иллюзия безопасности» – субъективно безопасная, но объективно опасная жизнедеятельность в этом случае будет максимально возможным результатом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцыферова Л. И., Завалишина Д. Н., Рыбалко Е. Ф. Категория развития в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука, 1988. С. 22–55.
2. Брушлинский А. В. Психология субъекта. М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.
3. Валеева Г. В., Тюмасева З. И. Взаимодействие субъективных и объективных характеристик жизнедеятельности как детерминанты психологической безопасности личности // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2023. №3. С. 6–23. DOI: doi.org/10.18384/2949-5105-2023-3-6-22.
4. Валеева Г. В., Тюмасева З. И. Психологическая готовность к оздоровительной деятельности: монография. Челябинск: Цицеро, 2014. 140 с.
5. Валеева Г. В., Тюмасева З. И. Технология консультирования в области субъективного здоровья. Челябинск: Южно-Уральский научный центр РАО, 2022. 238 с.
6. Гегель Г. Наука логики / пер. с нем. М.: Эксмо, 2020. Т. 1. 816 с.
7. Диагностика здоровья. Психологический практикум / под ред. проф. Г. С. Никифорова. СПб.: Речь. 2011. 950 с.
8. Зинченко Ю. П. Методологические проблемы психологии безопасности: личность, общество, государство: научная монография. М.: МГУ, 2011. 952 с.
9. Корнфорт М. Диалектический материализм / пер. с англ. М.: Советские учебники, 2021. 488 с.
10. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 487 с.
11. Михайлов Ф. Т. Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. Т. 2. 634 с.
12. Поппер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии. 1995. №1. С. 118–138.
13. Принцип развития в современной психологии / под. ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2015. 479 с.
14. Сергиенко Е. А. Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода: монография. М.: Институт психологии РАН, 2021. 278 с.
15. Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. 370 с.
16. Чеснокова М. Г. Диалектический метод и принцип восхождения от абстрактного к конкретному в теориях отечественной психологии // Журнал Высшей школы экономики. Психология. 2021. №3. С. 549–561.

REFERENCES

1. Ancyferova L. I., Zavalishina D. N., Rybalko E. F. [The category of development in psychology]. In: *Kategorii materialisticheskoy dialektiki v psihologii* [Categories of materialistic dialectics in psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 22–55.
2. Brushlinskij A. V. *Psihologiya subekta* [Psychology of the subject]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2003. 272 p.
3. Valeeva G. V., Tyumaseva Z. I. [Interaction of subjective and objective characteristics of life activity as determinants of psychological security of the individual]. In: *Vestnik*

- Gosudarstvennogo universiteta prosve-shcheniya. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological Sciences], 2023, no. 3, pp. 6–23. DOI: doi.org/10.18384/2949-5105-2023-3-6-22.
4. Valeeva G. V., Tyumaseva Z. I. *Psihologicheskaya gotovnost' k ozdorovitel'-noj deyatel'nosti: monografiya* [Psychological readiness for health-improving activities: monograph]. Chelyabinsk, Cicero Publ., 2014. 140 p.
 5. Valeeva G. V., Tyumaseva Z. I. *Tekhnologiya konsul'tirovaniya v oblasti sub"ektivnogo zdorov'ya* [Technology of consulting in the field of subjective health]. Chelyabinsk, outh Ural Scientific Center of the Russian Academy of Education Publ., 2022. 238 p.
 6. Hegel G. *Wissenschaft der Logik* (Rus. ed., transl. Nauka logiki. Moscow, Eksmo Publ., 2020. Vol. 1. 816 p.).
 7. *Diagnostika zdorov'ya. Psihologicheskij praktikum* [Psychological practices]. Nikiforov G. S., ed. St. Petersburg, Rech Publ., 2011. 950 p.
 8. Zinchenko Yu. P. *Metodologicheskie problemy psihologii bezopasnosti: lichnost', obshchestvo, gosudarstvo: nauchnaya monografiya* [Methodological problems of the psychology of security: personality, state, state: scientific social monograph]. Moscow, Moscow State University Publ., 2011. 952 p.
 9. Cornforth M. *Materialism and dialectical method* (Rus. ed., transl. Dialekticheskij materializm. Moscow, Sovetskie uchebniki Publ., 2021. 488 p.).
 10. Leontev D. A. *Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslo-voj real'nosti* [Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of semantic reality]. Moscow, Smysl Publ., 2003. 487 p.
 11. Mihajlov F. T. *Novaya filosofskaya enciklopediya* [New philosophical encyclopedia]. Moscow, Mysl Publ., 2010. Vol. 2. 634 p.
 12. Popper K. [What is dialectics?]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1995, no. 1, pp. 118–138.
 13. *Princip razvitiya v sovremennoj psihologii* [The principle of development in modern psychology]. In: Zhuravlev A. L., Sergienko E. A., ed. Moscow Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 479 p.
 14. Sergienko E. A. *Psihicheskoe razvitie s pozicij sistemno-sub"ektivnogo podhoda: monografiya* [Mental development from the positions of the system-subjective cabinet: monograph]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2021. 278 p.
 15. Frankl V. *Man's search for meaning* (Rus. ed., transl. Chelovek v poiskah smysla. Moscow, Progress Publ., 1990. 370 p.
 16. Chesnokova M. G. [The dialectical method and the principle of ascent from the abstract to the concrete in the theory of domestic psychology]. In: *Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. Psihologiya* [Journal of the Higher School of Economics. Psychology], 2021, no. 3, pp. 549–561.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Валеева Галина Валерьевна (Челябинск) – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности и медико-биологических дисциплин Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета; e-mail: valeevagv@cspu.ru; ORCID: 0000-0003-3140-1627

Тюмасаева Зоя Ивановна (Челябинск) – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой безопасности жизнедеятельности и медико-биологических дисциплин Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета; e-mail: zit@cspu.ru; ORCID: 0000-0001-5895-0605

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina V. Valeeva (Chelyabinsk) – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of life safety and biomedical disciplines of South Ural state University of Humanities and education; e-mail: valeevagv@cspu.ru; ORCID: 0000-0003-3140-1627

Zoya I. Tyumaseva (Chelyabinsk) – Dr. Sci. (Education), Prof., Manager of Department of Health and Safety and Medicobiological Disciplines of South Ural State Humanitarian Pedagogical University; e-mail: zit@cspu.ru; ORCID: 0000-0001-5895-0605

Научная статья

УДК 151.8

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-38-50

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ РЕКЛАМНОЙ СУГГЕСТИВНОСТИ

Зекерьяев Р. И.

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, 295015, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8, Российская Федерация; e-mail: ruslan51291@mail.ru

Поступила в редакцию 22.03.2024

После доработки 16.08.2024

Принята к публикации 04.09.2024

Аннотация

Цель. Выявить психологические особенности волевой сферы личности с различным уровнем рекламной суггестивности.

Процедура и методы. В исследовании приняли участие 150 респондентов: 65 мужчин и 85 женщин в возрасте от 16 до 40 лет. Использовались следующие методы и методики: констатирующий эксперимент (методика «Волевые качества личности» М. В. Чумакова, методика «Опросник волевого самоконтроля» А. Г. Зверкова и Е. В. Эйдмана, авторский исследовательский опросник «Рекламная суггестивность личности»); методы математико-статистической обработки данных (частотный анализ, Н-критерий Краскела-Уоллиса, корреляционный анализ). В ходе исследования было использовано прикладное программное обеспечение SPSS 22.0 и MS Excel 2021.

Результаты. Выявлено, что для респондентов, склонных к рекламной суггестивности, характерны низкая степень выраженности таких волевых качеств, как самостоятельность, выдержка, индекс волевой саморегуляции, индекс настойчивости и индекс самообладания.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты исследования могут быть использованы практическими психологами в ходе сопровождения процесса медиасоциализации личности.

Ключевые слова: рекламная суггестивность, волевая сфера, самостоятельность, выдержка, индекс волевой саморегуляции, индекс настойчивости, индекс самообладания

Для цитирования: Зекерьяев Р. И. Психологические особенности волевой сферы личности с различным уровнем рекламной суггестивности // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. №4. С. 38–50. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-38-50

Original Research Article

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE VOLITIONAL SPHERE OF A PERSON WITH DIFFERENT LEVELS OF ADVERTISING SUGGESTIVENESS

R. Zekeriaev

Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov, per. Uchebnyy 8, Simpheropol, 295015, Republic of Crimea, Russian Federation; e-mail: ruslan51291@mail.ru

Received by the editorial office 22.03.2024

Revised by the author 16.08.2024

Accepted for publication 04.09.2024

Abstract

Aim. To reveal the psychological features of the volitional sphere of a person with different levels of advertising suggestiveness.

Methodology. The study involved 150 Internet users: 65 men and 85 women aged 16 to 40 years. During the study the following methods were used: ascertaining experiment (method “Volitional personality qualities” by M. V. Chumakov, method “Volitional self-control questionnaire” by A. G. Zverkov and E. G. Eidman, the author’s research questionnaire “Advertising suggestiveness of personality”); methods of statistical data processing (frequency analysis, the Kruskal-Wallis H-test, correlation analysis). During the study was used the application software SPSS 22.0 and MS Excel 2021».

Results. It has been revealed that a person prone to advertising suggestiveness is characterized by a low-degree manifestation of such volitional qualities as independence, endurance, volitional self-regulation index, perseverance index and self-control index.

Research implications. The results of the study can be used by practical psychologists when the accompanying the process of media socialization of the person.

Keywords: advertising suggestiveness, volitional sphere, independence, endurance, volitional self-regulation index, perseverance index, self-control index

For citation: Zekeriaev R. I. Psychological features of the volitional sphere of a person with different levels of advertising suggestiveness. In: Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2024, no. 4, pp. 38–50. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-38-50

Введение

Современное общество характеризуется непрекращающимся развитием информационно-компьютерных технологий, которые способствуют вхождению личности в медиaprостранство. Одним из постоянно развивающихся феноменов медиасреды является реклама. Вместе с её основной функцией информирования потенциального реципиента о существовании товаров

или услуг не менее важную роль играет её способность конструировать новые ценности, установки, аффективные и поведенческие модели поведения. Современные исследования в области рекламы нацелены на объяснение её механизмов имплицитного воздействия на психоэмоциональное состояние личности потенциального зрителя. Несмотря на актуальность и значимость современных научных

работ, посвящённых рекламному влиянию, недостаточно изученным остаётся вопрос о психологических особенностях реципиентов с различным уровнем рекламной суггестивности. Одной из таких особенностей является волевая сфера личности, которая в целом может обуславливать особенности жизнедеятельности в медиапространстве. Таким образом, целью статьи является представление результатов исследования психологических особенностей волевой сферы личности с различным уровнем рекламной суггестивности.

Теоретический обзор литературы по проблеме исследования

На данном этапе развития научной мысли существует большое количество работ, посвящённых изучению рекламного воздействия на личность.

О. А. Ульянина в своих исследованиях отмечала, что современная реклама представляет собой распространённое явление в социуме, при этом она не только выполняет информационные функции, но и транслирует определённые нормы и особенности поведения. При этом учёный отмечал, что смысловое содержание рекламного контента иногда идёт вразрез с социально-приемлемыми ценностями, к тому же при достаточно частом количестве повторений оно часто провоцирует конструирование у реципиента стереотипных форм мышления. Более того, оказывая влияние на убеждения и социальные установки личности, реклама формирует общественное мнение в целом [10].

Учёные отмечали, что реклама обладает имплицитным характером влияния, навязывая реципиенту различные предпочтения, стереотипы и модели

поведения. По мнению исследователей, наиболее сильный эффект оказывает реклама, апеллирующая не к разуму потребителя, а его чувствам. При этом упор на негативные аффективные переживания вызывает даже больший отклик на рекламное воздействие, нежели такой упор на позитивные переживания. Также учёные отмечали, что в рекламе активно используется эффект незавершённости ситуации, который также создаёт эмоциональное напряжение у потенциального потребителя и формирует потребности в приобретении рекламируемого товара или услуги. Вместе с этим реципиенты отказываются признавать, что покупка чего-либо – это результат рекламного влияния, и демонстрируют убеждённость в том, что желание покупки было у них задолго до просмотра рекламы [5; 11].

А. М. Ромодина, А. А. Гизатулина, В. А. Никулин в ходе исследований выявили, что современная реклама для общества выступает в роли ориентира и источника информации о новых товарах и услугах. Учёные отмечали, что многие потребители позитивно относятся к рекламному контенту в интернет-пространстве и зачастую используют его при принятии решения о приобретении наиболее интересных для них вещей. Исследователи также выявили, что при выборе продукции в сети Интернет пользователи часто опираются на отзывы и мнения других покупателей, а также на предлагаемые к просмотру таргетированные рекламные сообщения [9].

Учёные в ходе исследований описывали рекламу как часть информационной картины мира, обосновывая это тем, что рекламные потоки передаются

через средства массовой информации. Исследователи считали, что рекламу можно рассматривать как культурную часть жизни, которая оказывает влияние на процессы социального-взаимодействия. Вместе с этим, по мнению учёных, целевой аудиторией рекламы могут выступать как малые группы, так и общества разных стран в целом. Допуская мысль, что картина мира формируется под воздействием социальных институтов, исследователи отмечали, что реклама также оказывает влияние на этот процесс, прививая реципиенту определённые символы благополучия, финансового достатка, счастья и т. д. Реклама также способствует возникновению у потребителя определённых шаблонов и норм восприятия мира и, соответственно, поведения, тем самым формируя социальные ценности как глобальные, так и присущие культурам отдельно взятых стран [3; 12].

С. В. Лыткин отмечал, что на современном этапе развития общества люди достаточно хорошо осведомлены обо всех классических рекламных инструментах и методах её воздействия, в связи с чем способны проводить её критический анализ. По мнению учёного, сознание личности обладает хорошей способностью фильтрации рекламного контента, однако несмотря на это реклама всё равно может оказывать воздействие. С. В. Лыткин утверждал, что она способна повлиять на реципиента в случае, когда её содержание соответствует сферам потребностей и мотивов потребителя. В таком случае воздействие рекламы заключается в побуждении человека к приобретению интересующего товара. В целом учёный отмечал, что поведенческие

реакции на рекламный контент могут зависеть от ряда таких факторов, как уровень жизни реципиента, его интересы, эмоциональные состояния и социальное окружение [8].

А. С. Баскакова в своих исследованиях выявляла, что основная функция рекламы как социального института заключается во влиянии на социально-значимые явления. Вместе с этим она выступает в роли индикатора уровня культурного и ценностного развития общества. Учёный также отмечал, что, отражая ценности социума, реклама также модифицирует их, вызывая изменения через воздействие на эмоциональную сферу реципиентов. Таким образом, смысловое поле рекламного контента, включённое в ценностную среду, приобретает функцию конструирования общественного мировоззрения [2].

Учёные в своих исследованиях пришли к выводу о том, что реклама как социальный феномен в ходе своего становления прошла длинный путь развития в технологическом и концептуальном плане. При этом основным направлением в этом процессе всегда выступало увеличение ресурсов для манипулирования сознанием и поведением реципиентов. Данная тенденция, по мнению учёных, продолжает сохраняться и сейчас, поэтому современный рекламный контент заключает в себе сильные раздражители, которые способны обходить или взламывать психологические барьеры в критическом мышлении потенциального потребителя, вызвав у него шок, с целью донести в неизменном виде свой первоначальный посыл, призывающий приобретать товары и услуги. При этом используемые рекламные

стратегии не только навязывают культуру потребления, но и модифицируют паттерны социального взаимодействия реципиентов путём изменения особенностей их ценностно-смысловой сферы [7; 13].

В. П. Коломиец в своих исследованиях акцентировал внимание на способность рекламного контента транслировать модели поведения и соответствующие образы, вследствие чего у реципиентов формируются ценности и стереотипы. Исследователь отмечал, что именно благодаря рекламе в современном обществе формируются модели потребительского поведения. Он также отмечал, что в процессе рекламного воздействия осуществляется также нивелирование социальной напряжённости. По мнению учёного, реклама также выполняет дифференцирующую функцию в связи с тем, что социум представляет собой комплексную систему, состоящую из разнообразных социальных страт. Данное явление находит своё отражение в процессе формирования желательных моделей потребления с учётом различий в социальных слоях, что приводит к идентификации элементов группы с помощью символических конструкций [6].

М. А. Веклич в своих исследованиях отмечала, что существует взаимосвязь между выраженностью самостоятельности и выдержки, уровнем саморегуляции и уровнем склонности личности к воздействию рекламы. В своей работе автор описывал феномен рекламной суггестии, которую понимал как внушаемость личности перед влиянием рекламы [2].

Несмотря на высокую актуальность и практическую значимость

существующих научных исследований, посвящённых феномену рекламы, можно отметить, что практически не затронутыми являются вопросы о психологических особенностях личности с различным уровнем рекламной суггестивности, которая может быть определена как повышенная степень некритичной восприимчивости личностью рекламного внушения, сопровождающаяся изменением её психоэмоционального состояния [4]. Одной из таких может выступать волевая сфера личности, которая определяет особенности поведения личности в медиапространстве.

Представление результатов исследования

В исследовании приняли участие 150 человек, половозрастное распределение которых – 65 мужчин и 85 женщин в возрасте от 16 до 40 лет. В роли респондентов выступили отобранные случайным образом пользователи сети Интернет, а также студенты ВУЗов г. Симферополь Республики Крым.

В ходе исследования были использованы следующие методы: констатирующий эксперимент (методика «Волевые качества личности» М. В. Чумакова, методика «Опросник волевого самоконтроля» А. Г. Зверкова и Е. В. Эйдмана, авторский исследовательский опросник «Рекламная суггестивность личности» [4]); методы математико-статистической обработки данных (частотный анализ, Н-критерий Краскела-Уоллиса, корреляционный анализ). В ходе исследования было использовано прикладное программное обеспечение SPSS 22.0 и MS Excel 2021. Испытуемым также предлагалось написать мини-сочине-

ния «Реклама в современном мире», которые в дальнейшем были подвергнуты контент-анализу.

В ходе исследования было обнаружено, что в выборке присутствуют респонденты с низким (35 человек: 21 мужчина и 14 женщин в возрасте от 16 до 38 лет), средним (85 человек: 30 мужчин и 55 женщин в возрасте от 16 до 40 лет) и высоким (30 человек: 14 мужчин и 16 женщин в возрасте от 18 до 40 лет) уровнями склонности к рекламной суггестивности по авторскому исследовательскому опроснику «Рекламная суггестивность личности».

Результаты исследования волевых качеств личности респондентов с различным уровнем рекламной суггестивности приведены на рис. 1.

Из рисунка 1 видно, что участники исследования, проявившие низкую самостоятельность и выдержку, отличаются высоким уровнем рекламной суггестивности.

Для подтверждения обнаруженных различий в исследуемых группах был использован Н-критерий Краскела-Уоллиса (рис. 2).

Из рисунка 2 видно, что для участников исследования с различным уровнем рекламной суггестивности характерны различия в проявлении таких волевых качеств, как самостоятельность ($H_{эмп} = 13,988$; $\rho < 0,05$) и выдержка ($H_{эмп} = 13,953$; $\rho < 0,05$), что было подтверждено в ходе статистической обработки данных.

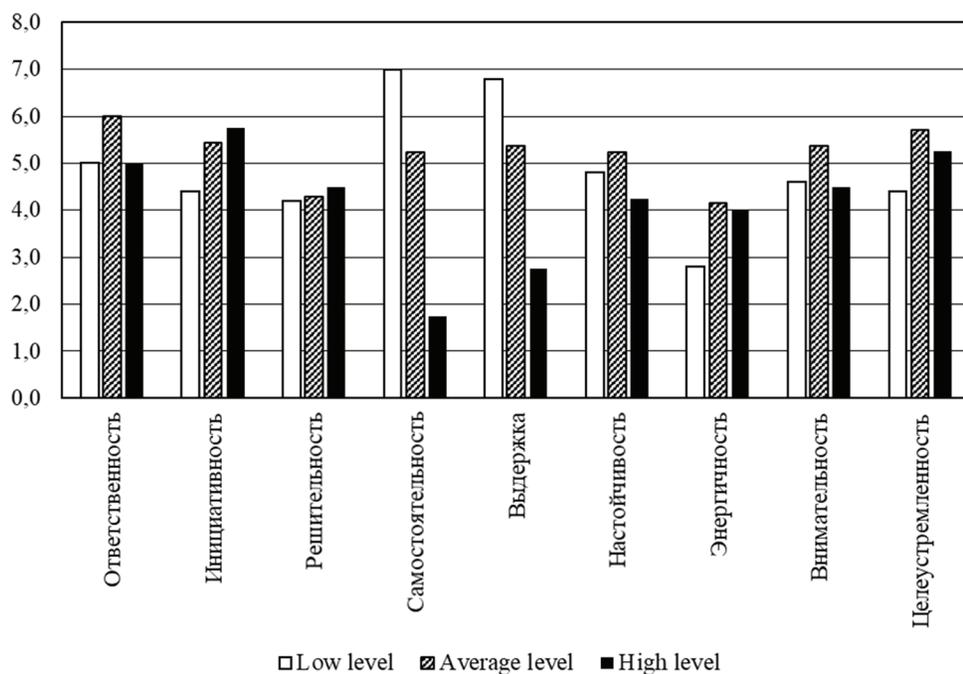

Рис. 1 / Fig. 1. Сравнение выраженности волевых качеств личности у групп респондентов с различным уровнем рекламной суггестивности / Comparison of the severity of volitional qualities of groups of respondents with different levels of advertising suggestiveness

Источник: данные автора.

Статистические критерии ^{a,b}					
	Ответственность	Инициативность	Решительность	Самостоятельность	Выдержка
Н эмп	,987	1,836	,052	13,988	13,953
Степень свободы	2	2	2	2	2
Асимптотическая значимость	,611	,399	,974	,001	,001

	Настойчивость	Энергичность	Внимательность	Целеустремленность
Н эмп	1,243	2,077	,389	1,898
Степень свободы	2	2	2	2
Асимптотическая значимость	,537	,354	,823	,387

a. Критерий Краскела-Уоллиса

b. Группирующая переменная: Уровень рекламной суггестивности

Рис. 2 / Fig. 2. Результаты обоснования статистической значимости различий в выраженности волевых качеств у респондентов с различным уровнем рекламной суггестивности / Results of substantiating the statistical significance of differences in the severity of volitional qualities among respondents with different levels of advertising suggestiveness

Источник: данные автора.

Результаты анализа взаимосвязи между уровнем рекламной суггестивности участников исследования и показателями их волевых качеств с помощью корреляционного анализа Спирмена приведены на рис. 3.

Из рисунка 3 видно, корреляционный анализ подтвердил наличие обратной взаимосвязи между уровнем рекламной суггестивности и выраженностью показателей самостоятельности ($r = -0,600$) и выдержки ($r = -0,643$).

Данный феномен проявляется в том, что со снижением уровня самостоятельности и выдержки личность теряет способность самостоятельно принимать решения о необходимости приобретения того или иного товара. При этом ей становится сложнее сопротивляться убеждениям, призывам

и манипулятивным методам воздействия, используемым при создании рекламы Данное явление также нашло своё отражение в ходе контент-анализа мини-сочинений респондентов: «Обычно сложно удержаться, когда тебе показывают в рекламе что-то, что ты давно хотел купить. Просто в какой-то момент начинаешь думать о том, а почему бы и нет? Ну и идёшь покупать» (молодой человек, 20 лет, высокий уровень рекламной суггестивности); «Я не люблю заниматься долгим выбором, сравнивать между собой разные товары на площадках типа Ozon. Для меня это слишком сложно в каком-то моральном плане. Из-за этого мне легче довериться отзывам, которые там пишут в комментариях, или описанию товара. Что красивее описано и набрало больше отзывов, то и беру (моло-

Корреляции		Балл рекламной суггестивности
Общий уровень саморегуляции	Коэффициент корреляции	,133
	Знач. (2-х сторонняя)	,484
	N	150
Ответственность	Коэффициент корреляции	-,003
	Знач. (2-х сторонняя)	,987
	N	150
Инициативность	Коэффициент корреляции	,139
	Знач. (2-х сторонняя)	,462
	N	150
Решительность	Коэффициент корреляции	-,037
	Знач. (2-х сторонняя)	,846
	N	150
Самостоятельность	Коэффициент корреляции	-,600**
	Знач. (2-х сторонняя)	,000
	N	150
Выдержка	Коэффициент корреляции	-,643**
	Знач. (2-х сторонняя)	,000
	N	150
Настойчивость	Коэффициент корреляции	,013
	Знач. (2-х сторонняя)	,946
	N	150
Энергичность	Коэффициент корреляции	,175
	Знач. (2-х сторонняя)	,354
	N	150
Внимательность	Коэффициент корреляции	-,082
	Знач. (2-х сторонняя)	,666
	N	150
Целеустремленность	Коэффициент корреляции	-,080
	Знач. (2-х сторонняя)	,674
	N	150

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

* . Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Рис. 3 / Fig. 3. Взаимосвязь уровня рекламной суггестивности и показателей волевых качеств личности / The relationship between level of advertising suggestiveness and indicators of volitional traits of personality

Источник: данные автора.

дой человек, 36 лет, высокий уровень рекламной суггестивности); «Я давно вывела для себя правило: чем настойчивее тебе предлагают что-то купить или убеждают, что именно эта продукция жизненно необходима, тем он хуже или некачественнее. Не понимаю тех, кто действительно вдохновляется такими призывами» (девушка, 35 лет, низкий уровень рекламной суггестивности); «Меня очень злит реклама, в которой чуть ли не насильно убеждают тебя что-то купить. В конце концов, зачем? Я взрослый человек и сам могу решить, что я хочу. Для меня идеальная реклама – это та, которая просто описывает технические характеристики товара. Всё, этого достаточно, остальное – это уже насилие» (молодой человек, 27 лет, низкий уровень рекламной суггестивности).

Результаты исследования волевой саморегуляции участников исследования с различной степенью выраженности показателей рекламной суггестивности приведены на рис. 4.

Из рисунка 4 видно, что участники исследования, проявившие низкие самообладание, настойчивость и волевую саморегуляцию, отличаются высоким уровнем рекламной суггестивности.

С целью подтверждения обнаруженных различий в данных показателях между изучаемыми группами был использован Критерий Краскела-Уоллиса (рис. 5).

Из рисунка 5 видно, что для участников исследования, проявивших различные уровни рекламной суггестивности, выявились статистически обоснованные различия в выраженности волевой саморегуляции

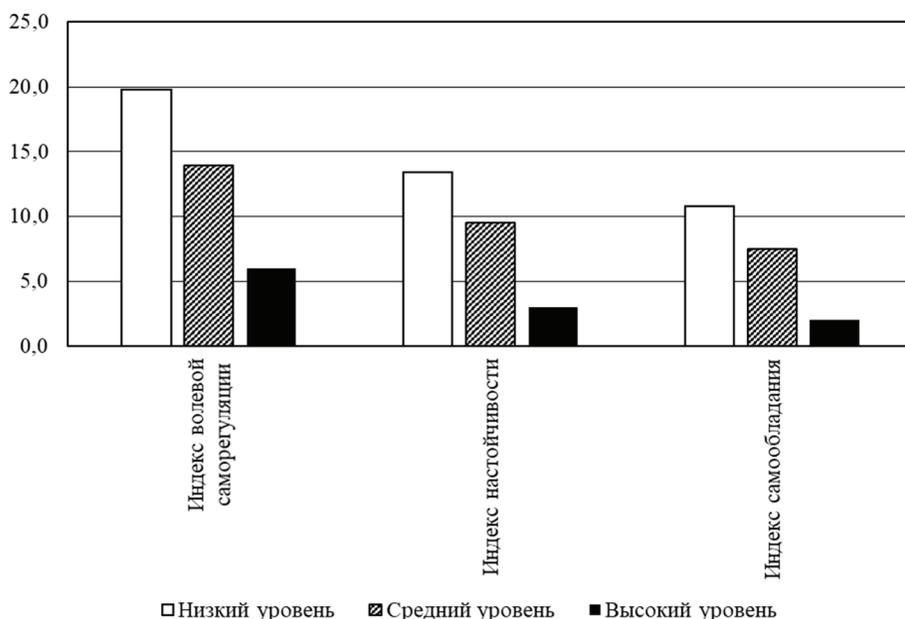

Рис. 4 / Fig. 4. Сравнение выраженности показателей волевой саморегуляции групп респондентов с различным уровнем рекламной суггестивности / Comparison of the severity of volitional self-regulation indicators of groups of respondents with different levels of advertising suggestiveness.

Источник: данные автора.

($H_{эмп} = 15,424$; $\rho < 0,05$), настойчивости ($H_{эмп} = 15,297$; $\rho < 0,05$) и самообладания ($H_{эмп} = 14,921$, $\rho < 0,05$).

Для обоснования существования взаимосвязи между степенью значи-

мости данных показателей волевой саморегуляции и уровнем рекламной суггестивности личности был использован корреляционный анализ Спирмена (рис. 6).

Статистические критерии ^{a,b}			
	Индекс волевой саморегуляции	Индекс настойчивости	Индекс самообладания
Н эмп	15,424	15,297	14,921
Степень свободы	2	2	2
Асимптотическая значимость	,000	,000	,001

а. Критерий Краскела-Уоллиса

б. Группирующая переменная: Уровень рекламной суггестивности

Рис. 5 / Fig. 5. Результаты обоснования статистической значимости различий в выраженности показателей волевой саморегуляции у респондентов с различным уровнем рекламной суггестивности / Results of substantiating the statistical significance of differences in the severity of volitional self-regulation indicators among respondents with different levels of advertising suggestiveness

Источник: данные автора.

Корреляции		
		Балл рекламной суггестивности
Индекс волевой саморегуляции	Коэффициент корреляции	-,711**
	Знач. (2-х сторонняя)	,000
	N	150
Индекс настойчивости	Коэффициент корреляции	-,620**
	Знач. (2-х сторонняя)	,000
	N	150
Индекс самообладания	Коэффициент корреляции	-,556**
	Знач. (2-х сторонняя)	,001
	N	150

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

* . Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Рис. 6 / Fig. 6. Взаимосвязь уровня рекламной суггестивности и показателей волевой саморегуляции личности / The relationship between level of advertising suggestiveness and indicators of volitional self-regulation of personality

Источник: данные автора.

Из рисунка 6 видно существование статистически обоснованной взаимосвязи между уровнем рекламной суггестивности и такими показателями волевой саморегуляции ($p = -0,711$), настойчивости ($p = -0,620$) и индекс самообладания ($p = -0,556$).

Данный феномен проявляется в том, что со снижением способности к волевой саморегуляции личность теряет способность противостоять волевым убеждениям, которые часто используются в рекламе товаров или услуг. Данное явление также нашло своё отражение в ходе контент-анализа самоотчётов респондентов: «На самом деле меня очень тревожит, когда мне начинают рассказывать в рекламе о том, что у человека могут быть внезапные инфаркты, инсульты и прочие заболевания. Редко, но всё же тревога может вырастать настолько, что я иду и правда покупаю рекламируемое лекарство, для профилактики» (девушка, 30 лет, высокий уровень рекламной суггестивности); «Я люблю читать отзывы на Ozon, потому что они вдохновляют. Рассказы о том, как покупатели довольны приобретённым товаром, прямо мотивируют купить эту вещь» (молодой человек, 24 года, высокий уровень рекламной суггестивности); «Часто реклама бьёт по эмоциям, иногда задаривает, иногда запугивает. Здесь важно не терять самообладание и держать голову включённой, чтобы не совершать ненужных или бесполезных приобретений» (молодой человек, 31 год, низкий уровень рекламной суггестивности); «Меня раздражает реклама, которая несёт в себе скрытую угрозу: не будешь чистить зубы нашей зубной пастой – будешь кариес, не будешь покупать наш ортопедический матрас –

будут проблемы со спиной. На кого рассчитана эта реклама? Нужно быть слишком впечатлительным, чтобы после просмотра такого контента бежать и что-то покупать» (девушка, 26 лет, низкий уровень рекламной суггестивности).

Заключение

Таким образом, в ходе исследования было определено, что существующие научные работы, посвящённые изучению рекламного воздействия, своей целью ставят объяснение его методов и изменений, происходящих в психоэмоциональном состоянии личности реципиентов. По мнению учёных, в ходе информационного влияния рекламы у потенциального потребителя может трансформироваться система отношений к себе, к другим людям и к миру в целом, что приводит также к изменению поведенческих особенностей, мировоззрения и т. д. Вместе с признанием актуальности и научной значимости данных работ, необходимо отметить недостаточность исследований, посвящённых изучению психологических свойств личности (в частности, её волевой сферы), которые определяют степень её рекламной суггестивности.

Было обнаружено, что у респондентов с различным уровнем рекламной суггестивности существуют различия в проявлении таких характеристик волевой сферы, как самостоятельность, выдержка, индекс волевой саморегуляции, индекс настойчивости и индекс самообладания. Этот феномен может быть объяснён тем, что при слабой проявленности волевой саморегуляции человек не может самостоятельно принимать решения, связанные с целе-

сообразностью покупки товаров или услуг, и противостоять волевым убеждениям и методам манипуляции, которые часто используются в рекламе.

Практическая значимость полученных в ходе данного исследования результатов заключается в том, что они могут применяться практически-

ми психологами в процессе психологического сопровождения личности в процессе её медиасоциализации. Перспектива дальнейших исследований заключается в поиске взаимосвязей между склонностью личности к рекламной суггестивности и прочими её психологическими особенностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскакова А. С. Влияние ценностных ориентаций на процесс трансформации рекламы как коммуникационной системы современного общества // Система ценностей современного общества. 2012. №22. С. 195–200.
2. Веклич М. А. Психологические особенности волевой сферы личности, подверженной рекламной суггестии // Обществознание и социальная психология. 2023. №1–3 (45). С. 67–76.
3. Гарипова Г. Р. Влияние современной рекламы на формирование информационной картины мира // Общество: философия, история, культура. 2023. №8 (112). С. 94–98.
4. Зекерьяев Р. И. Рекламная суггестивность личности в современном медиапространстве. Симферополь: ИП Хотеева Л. В., 2024. 152 с.
5. Козловская И. В., Лепехина И. В. Влияние рекламы на поведение человека // PR и реклама: традиции и инновации. 2011. №6–2. С. 83–84.
6. Коломиец В. П. Телевизионная реклама как средство конструирования смыслов // Мир России. Социология. Этнология. 1997. №1. С. 29–54.
7. Кузьмина О. В., Марков А. П. Антропоцентрированный характер рекламного дискурса // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. С. 383.
8. Лыткин С. В. Влияние интернет-рекламы на поведение потребителей // ИТ Арктика. 2022. №2. С. 29–36.
9. Ромодина А. М., Гизатуллина А. А., Никулин В. А. Влияние рекламы на пользователей, совершающих покупки через интернет // Управление в современных системах. 2019. №3 (23). С. 23–26.
10. Ульянина О. А. Проблема влияния рекламы на формирование ценностных ориентаций и интересов современного общества: социологический анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: исследования молодых учёных. 2010. №8–1. С. 65–68.
11. Akbari M. Different impacts of advertising appeals on advertising attitude for high and low involvement products // Global Business Review. 2015. №16 (3). P. 478–493.
12. Norman M. V., McFarlane-Alvarez S. Beyond colorblindness in advertising education: multiculturalism and advertising pedagogy since the 2020 racial reckoning // Journal of Advertising Education. 2023. №27 (2). P. 91–100.
13. Srivastava R., Gupta P. Research on unhealthy food and beverages advertising targeting children: Systematic literature review and directions for future research // Australian Journal of Management. 2022. №47 (4). P. 749–772.

REFERENCES

1. Baskakova A. S. [The influence of value orientations on the process of transformation of advertising as a communication system of modern society]. In: *Sistema cennostej sovremenogo obshchestva* [The system of values of modern society], 2012, no. 22, pp. 195–200.

2. Veklich M. A. [Psychological features of the volitional sphere of the individual subject to advertising suggestion]. In: *Obshchestvoznaniye i social'naya psikhologiya* [Social Science and Social Psychology], 2023, no. 1–3 (45), pp. 67–76.
3. Garipova G. R. [Influence of modern advertising on formation information picture of the world]. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], 2023, no. 8 (112), pp. 94–98.
4. Zekeryaev R. I. *Reklamnaya suggestivnost' lichnosti v sovremennom mediaprostranstve* [Advertising suggestibility of the individual in the modern media space]. Simferopol, Hoteeva L. V. Publ., 2024. 152 p.
5. Kozlovskaya I. V., Lepekhina I. V. [The influence of advertising on human behavior]. In: *PR i reklama: tradicii i innovacii* [PR and advertising: traditions and innovations], 2011, no. 6–2, pp. 83–84.
6. Kolomiets V. P. [Television advertising as a means of constructing meanings]. In: *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [The World of Russia. Sociology. Ethnology], 1997, no. 1, pp. 29–54.
7. Kuzmina O. V., Markov A. P. [Human-centred nature of advertising discourse]. In: *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2013, no. 4, p. 383.
8. Lytkin S. V. [The influence of Internet advertising on consumer behavior]. In: *IT Arktika*, 2022, no. 2, pp. 29–36.
9. Romodina A. M., Gizatullina A. A., Nikulin V. A. [The impact of advertising on users who shop online]. In: *Upravlenie v sovremennykh sistemah* [Management in modern systems], 2019, no. 3 (23), pp. 23–26.
10. Ulyanina O. A. [The problem of the influence of advertising on the formation of value orientations and interests of modern society: a sociological analysis]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9: issledovaniya molodykh uchyonykh* [Bulletin of Volgograd State University. Series 9: research of young scientists], 2010, no. 8–1, pp. 65–68.
11. Akbari M. Different impacts of advertising appeals on advertising attitude for high and low involvement products. In: *Global Business Review*, 2015, no. 16 (3), pp. 478–493.
12. Norman M. V., McFarlane-Alvarez S. Beyond colorblindness in advertising education: multiculturalism and advertising pedagogy since the 2020 racial reckoning. In: *Journal of Advertising Education*, 2023, no. 27 (2), pp. 91–100.
13. Srivastava R., Gupta P. Research on unhealthy food and beverages advertising targeting children: Systematic literature review and directions for future research. In: *Australian Journal of Management*, 2022, no. 47 (4), pp. 749–772.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зекерьяев Руслан Ильвисович (Симферополь) – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова;

e-mail: ruslan51291@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8366-0183

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan I. Zekeriaev (Simpheropol) – Cand. Sci. (Psychological Sciences), Assoc. Prof., Department of Psychology of Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov;

e-mail: ruslan51291@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8366-0183

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-51-63

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВЫБОРА СПОСОБА РЕАГИРОВАНИЯ НА ПАНДЕМИЮ COVID-19

Латынов В. В.

Институт психологии РАН, 129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1, Российская Федерация; e-mail: vladlat5@lenta.ru

Поступила в редакцию 03.06.2024

После доработки 10.09.2024

Принята к публикации 11.09.2024

Аннотация

Цель. Анализ психологических особенностей людей, занявших среднюю позицию в отношении принятия идеи вакцинации и выполнения рекомендаций по профилактике коронавирусной инфекции.

Процедура и методы. Участники онлайн-опроса (2786 человек) выполняли следующие методики: анкета «Представления о пандемии», Big Five Inventory-2, «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана, подшкала реактивной тревожности «Шкалы тревожности» Ч. Д. Спилбергера.

Результаты. Среди лиц, не очень активно соблюдающих профилактические рекомендации, было выделено три психологических типа: «ответственный», «средний», «тревожный». В группе занявших в отношении вакцинации нейтральную позицию также было выделено три типа: «ответственный», «неорганизованный», «тревожный». Для каждого типа характерен определённый набор личностных черт, стратегий совладания и представлений о пандемии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обнаруженная психологическая неоднородность групп с нейтральным отношением к профилактике COVID-19 важна в плане проведения будущих пропагандистских кампаний в области здравоохранения.

Ключевые слова: COVID-19, коронавирус, рекомендации по профилактике, вакцинация, личностные черты, стратегии совладания, представления о пандемии

Для цитирования: Латынов В. В. Психологические основания выбора способа реагирования на пандемию COVID-19 // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. №4. С. 51–63. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-51-63

Original Research Article

PSYCHOLOGICAL REASONS FOR CHOOSING A WAY TO RESPOND TO THE COVID-19 PANDEMIC

V. Latynov

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; ul. Yaroslavskaya, 13/1, Moscow, 129366, Russian Federation; e-mail: vladlat5@lenta.ru

Received by the editorial office 03.06.2024

Revised by the author 10.09.2024

Accepted for publication 11.09.2024

Abstract

Aim. To analyze the psychological characteristics of people who took a middle position in relation to the adoption of the idea of vaccination and the implementation of recommendations for the prevention of coronavirus infection.

Methodology. The participants of the online survey (2,786 people) performed the following methods: the questionnaire “Ideas about the pandemic”, Big Five Inventory-2, the Indicator of D. Amirkhan’s coping strategies, the scale of reactive anxiety of the C. D. Spielberger Anxiety Scale.

Results. Among those who do not actively follow the preventive recommendations, three psychological types have been identified: “responsible”, “average”, “anxious”. Three types were also identified in the group of those who took a neutral position on vaccination: “responsible”, “disorganized”, and “anxious”. Each type is characterized by a specific set of personality traits, coping strategies, and ideas about the pandemic.

Research implications. The revealed psychological heterogeneity of these groups is important in terms of conducting future public health campaigns.

Keywords: COVID-19, coronavirus, prevention recommendations, vaccination, personality traits, coping strategies, ideas about the pandemic

For citation: Latynov V. V. Psychological reasons for choosing a way to respond to the COVID-19 pandemic. In: *Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2024, no. 4, pp. 51–63. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-51-63

Введение

Важной задачей является изучение психологических предпосылок адаптивного поведения людей в ситуациях пандемий и эпидемий. Получены данные о связи ответственного, соответствующего профилактическим рекомендациям поведения с самыми разными индивидуально-психологическими особенностями: чертами личности, ценностями, особенностями

когнитивной сферы, мировоззренческими убеждениями, социальной идентичностью, эмоциональным состоянием, аттитюдами и убеждениями, касающимися пандемии (оценками её серьезности, самооэффективностью, субъективной уязвимостью и др.) [1; 5; 8; 11; 14].

Проведённые исследования позволили прояснить многие моменты, касающиеся индивидуально-психоло-

гических оснований выбора людьми того или иного варианта реагирования на пандемию. В большинстве работ по данной тематике изучались (как правило, при помощи корреляционного и регрессионного анализов) общие закономерности влияния психологических характеристик на поведение людей. Анализ же индивидуальных типов реагирования и их психологических коррелятов (психотипов) проводился существенно реже [2; 6; 9; 12].

Исследования, выполненные в рамках типологического подхода, позволили получить интересные данные, касающиеся детерминации поведения в ситуации пандемии. В частности, Т. А. Нестик, изучая особенности психологического реагирования на вакцинацию от COVID-19, с помощью кластерного анализа выделил семь групп (типов ожиданий в отношении вакцинации) респондентов, различающихся социально-демографическими и психологическими характеристиками [6].

Продемонстрирована неоднородность как группы сторонников активного выполнения рекомендаций по профилактике, так и группы его противников с точки зрения психологических особенностей их членов [2]. Выделено три психологических типа («рациональный», «уязвимый», «конформный») среди тех, кто активно выполнял меры профилактики и два типа («незащищённый», «неуязвимый») у слабо выполняющих эти меры [2]. Каждый тип обладал специфическим набором личностных особенностей и представлений о пандемии.

Ранее проведённые в рамках типологического подхода исследования были ориентированы в основном на анализ крайних, полярных групп (активно

соблюдающих профилактические рекомендации, негативно относящиеся к вакцинации и т. п.). Однако закономерно возникают вопросы: «Каковы же психологические особенности людей, занявших среднюю позицию в отношении выполнения рекомендаций по защите от COVID-19 и принятия идей вакцинации?» и «Насколько эти две группы (лица, не очень активно соблюдающие рекомендации; занявшие в отношении вакцинации среднюю позицию) психологически однородны?».

Эта проблема интересна не только с научной точки зрения, но имеет и важный прикладной аспект. Опыт борьбы с пандемией COVID-19 продемонстрировал важность задачи убеждения населения в необходимости выполнения профилактических рекомендаций [7]. Как известно, гораздо проще убедить людей, занимающих некую среднюю позицию, чем изменить мнения сторонников крайних точек зрения [3]. Кроме того, чтобы воздействие на представителей этой, так называемой, «средней» группы было более эффективным, необходимо знать об их психологических особенностях. Дело в том, что персонализированное (учитывающие индивидуально-психологические особенности человека – объекта воздействия) воздействие является особенно эффективным [13].

Цель исследования – анализ психологических особенностей людей, занявших под воздействием дискурса о пандемии COVID-19 среднюю позицию в отношении принятия идеи вакцинации и выполнения рекомендаций по защите от коронавирусной инфекции.

Основными задачами являлось:

– выделение многообразия психологических типов в группе лиц со средним

уровнем соблюдения профилактических рекомендаций;

– выделение многообразия психологических типов в группе лиц с нейтральным отношением к вакцинации от коронавируса;

– сравнение психологических типов, обнаруженных в двух указанных группах (со средним уровнем выполнения рекомендаций, с нейтральным отношением к вакцинации).

Выборка и методы исследования

В онлайн опросе, проведённом в 2021 г., приняли участие 2786 человек (33,1% мужчин и 66,9% женщин) в возрасте от 14 до 82 лет ($M=25,6$; $SD=10,8$). Участники опроса представляли различные регионы России.

Респондентам были предложены следующие методики:

– русскоязычная версия методики Big Five Inventory-2 [4];

– шкала реактивной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера в адаптации Ю. Л. Ханина (применялась подшкала «Реактивная тревожность»)¹;

– методика «Индикатор копинг-стратегий» Дж. Амирхана в адаптации Н. А. Сироты и В. М. Ялтонского².

– анкета «Представления о пандемии» (Т. А. Кубрак, В. В. Латынов), включающая девять шкал:

1. «Уязвимость по отношению к COVID-19» (4 пункта, α Кронбаха=0.696; пример вопроса: «Как

Вы считаете, насколько Вы уязвимы в отношении заражения COVID-19?»).

2. «Самоеффективность» («Насколько трудно или легко Вам избежать заражения COVID-19?»).

3. «Связанные со здоровьем последствия пандемии» (4 пункта, α Кронбаха=0.83; пример: «Возможность заражения вирусом моих близких»).

4. «Социальные последствия пандемии» (3 пункта, α Кронбаха=0.71; пример: «Потеря заработка или работы»).

5. «Меры профилактики» (5 пунктов, α Кронбаха=0.775; пример: «Мыли руки водой и мылом после посещения общественных мест»).

6. «Конспирологические причины появления коронавируса» (3 пункта, α Кронбаха=0.699; пример: «Коронавирус был создан китайскими учёными»),

7. «Естественное происхождение коронавируса» («Коронавирус в результате естественного процесса изменения стал передаваться человеку от диких животных (предположительно – от летучих мышей»).

8. «Отношение к вакцинации» (3 пункта, α Кронбаха=0.843; пример: «Я соглашусь на вакцинацию против COVID-19»).

9. «Информированность о COVID-19» (6 пунктов; пример: «Основные клинические симптомы COVID-19 – это повышенная температура, одышка, слабость, сухой кашель»).

Выделение психологических типов внутри групп, занявших среднюю позицию в отношении выполнения рекомендаций по профилактике коронавирусной инфекции и принятия идеи вакцинации, проходило следующим образом. По каждому из выбранных параметров (соблюдение рекомендаций, отношение к вакцинации) вся выборка,

¹ Ханин Ю. Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности. Л.: ЛНИИФК, 1976. 18 с.

² Психодиагностика стресса: Практикум / сост. Р. В. Куприянов, Ю. М. Кузьмина. Казань: Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2012. 212 с.

ранжированная по величине значения параметра, была разделена на три относительно равные части: группы с низкими, средними и высокими значениями. Группы с низкими и высокими значениями были исключены из анализа, а работа проводилась с группами со средними значениями: соблюдающими рекомендации на среднем уровне (1126 чел., значения по шкале «Меры профилактики» анкеты «Представления о пандемии» от 19 до 22 баллов); обнаруживающими нейтральное отношение к вакцинации (1057 чел., значения по шкале «Отношение к вакцинации» анкеты «Представления о пандемии» от 3 до 5 баллов).

Затем проводился кластерный анализ (метод *k*-средних) данных двух групп респондентов: 1) не очень активно выполняющих рекомендации по профилактике (1126 чел.), 2) занявших в отношении вакцинации среднюю, промежуточную позицию (1057 чел.).

В качестве оснований кластеризации выступали 18 переменных:

- 5 личностных черт (экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, нейротизм, открытость опыту);
- 3 копинг-стратегии («разрешение проблем», «поиск социальной поддержки», «избегание проблем»);

- реактивная тревожность;
- 9 переменных, касающихся различных представлений о пандемии (уязвимость по отношению к COVID-19, самоэффективность, связанные со здоровьем последствия пандемии, социальные последствия пандемии, информированность о COVID-19, конспирологические причины появления коронавируса, естественное происхождение коронавируса, отношение к вакцинации (эта переменная использовалась только при кластеризации группы респондентов со средним уровнем соблюдения рекомендаций по профилактике), меры профилактики (эта переменная использовалась только при кластеризации группы респондентов с нейтральным отношением к вакцинации)).

Результаты

Внутри каждой из двух групп (выполняющие профилактические рекомендации на среднем уровне; занимающие в отношении вакцинации среднюю позицию) были выделены кластеры (подгруппы), участники которых обладали сходными психологическими характеристиками и представлениями о пандемии (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Психологические типы, выделенные в двух группах респондентов / Psychological types identified in two groups of respondents

Профилактические рекомендации (средний уровень соблюдения)	Вакцинация (нейтральное отношение)
1. Ответственный (30,37%)	1. Ответственный (44,66%)
2. Средний (39,34%)	2. Неорганизованный (34,53%)
3. Тревожный (30,29%)	3. Тревожный (20,81%)

Примечание: указано процентное распределение респондентов по психологическим типам в каждой из групп.

Среди тех, кто соблюдал рекомендации по профилактике на среднем уровне, было выделено три хорошо интерпретируемых кластера, что позволило говорить о наличии трёх психологических типов лиц, реализующих подобный вариант реагирования на пандемию: «Ответственный» (342 респондента), «Средний» (443 респондента), «Тревожный» (341 респондент). Обнаружены значимые различия между кластерами по 14 из 17 переменных (уязвимость по отношению к COVID-19, самоэффективность, связанные со здоровьем последствия пандемии, социальные последствия пандемии, естественное происхождение коронавируса, тревожность, копинг-стратегия «решение проблем», копинг-стратегия «поиск социальной поддержки», копинг-стратегия «избегание проблем», экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, нейротизм, открытость) (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Характеристики психологических типов, выделенных в группах респондентов, выполняющих профилактические рекомендации на среднем уровне (N=1126) и нейтрально относящихся к вакцинации (N=1057) / Characteristics of psychological types identified in groups of respondents who follow preventive recommendations at an average level (N=1126) and are neutral about vaccination (N=1057)

Характеристики психологических типов	Профилактические рекомендации			Вакцинация		
	1 Ответственный	2 Средний	3 Тревожный	1 Ответственный	2 Неорганизованный	3 Тревожный
Уязвимость по отношению к COVID-19	10.99	11.57	12.33	11.19	11.11	12.85
Самоэффективность	4.30	4.16	4.07	4.29	4.08	4.10
Связанные со здоровьем последствия пандемии	16.39	16.04	16.94	16.47	14.66	17.53
Социальные последствия	10.30	9.93	10.47	10.14	9.60	10.59
Конспирологические причины появления коронавируса	4.15	4.10	4.20	4.21	4.48	4.25
Естественное происхождение коронавируса	1.94	1.99	2.07	1.97	2.08	2.03
Информированность о COVID-19	15.52	15.24	15.48	15.37	14.61	15.54
Отношение к вакцинации	7.79	7.68	7.89			
Выполнение рекомендаций по профилактике				20.98	19.26	20.25
Тревожность	30.44	37.21	54.12	31.89	43.25	56.67
Копинг-стратегия «решение проблем»	29.45	25.62	24.80	28.47	24.05	25.52
Копинг-стратегия «поиск социальной поддержки»	23.38	22.18	22.58	22.97	22.05	23.06

Окончание табл. 2

Характеристики психологических типов	Профилактические рекомендации			Вакцинация		
	1 Ответственный	2 Средний	3 Тревожный	1 Ответственный	2 Неорганизованный	3 Тревожный
Копинг-стратегия «избегание проблем»	17.93	19.84	22.19	18.14	21.86	21.29
Экстраверсия	42.85	34.30	31.65	40.68	31.99	32.50
Доброжелательность	48.87	43.41	42.38	48.10	38.98	43.92
Добросовестность	50.71	41.99	41.45	49.04	38.02	44.07
Нейротизм	27.20	33.27	42.91	29.43	35.75	43.90
Открытость	46.56	40.39	42.27	44.60	37.98	44.09

Примечание: жирным шрифтом выделены значимые различия по показателям между кластерами ($p < 0,05$).

На выборке респондентов, занявших в отношении вакцинации нейтральную позицию, было выделено три кластера («Ответственный», 472 респондента; «Неорганизованный», 365 респондентов; «Тревожный», 220 респондентов), что свидетельствовало о существовании трёх психологических типов в указанной группе участников исследования. Значимые различия между кластерами были зафиксированы для 15 из 17 переменных (уязвимость по отношению к COVID-19, самоэффективность, связанные со здоровьем последствия пандемии, социальные последствия пандемии, информированность о COVID-19, конспирологические причины появления коронавируса, меры профилактики, тревожность, копинг-стратегия «решение проблем», копинг-стратегия «избегание проблем», экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, нейротизм, открытость) (табл. 2).

Обсуждение результатов

Анализ собранных данных позволил обнаружить многообразие психотипов среди тех, кого можно назвать «среднячками» в плане активности защиты от коронавирусной инфекции. В группе лиц, выполняющих рекомендации по профилактике на среднем уровне, было выделено три психологических типа: «ответственный» (342 респондента), «средний» (443 респондента), «тревожный» (341 респондент) (табл. 2).

По сравнению с другими типами представители «ответственного» отличались добросовестностью, экстраверсией, открытостью опыту и доброжелательностью, им было присуще активное использование копинг-стратегии «разрешение проблем» и редкое – «избегание проблем». Низкая тревожность и ощущение собственной слабой уязвимости к коронавирусу в сочетании со средними значениями по шкалам последствий пандемии указывали на их спокойное, даже несколько от-

странённое отношение к пандемии. Отметим, что этому типу был присущ набор личностных черт, который, как свидетельствовали ранее проведённые исследования [1; 10], способствовал активному выполнению профилактических рекомендаций. Лица с подобным психотипом представители вели себя в данном отношении не слишком активно, и это, по-видимому, связано с наличием у них убеждения в собственной неуязвимости к коронавиральной инфекции.

Совсем по-иному, гораздо более остро, воспринимали пандемию представители «Тревожного» типа. Они ощущали свою высокую уязвимость к коронавирусу, опасались социальных и связанных со здоровьем последствий пандемии. Им были присущи высокие нейротизм и ситуативная тревожность. Казалось бы, такой набор психологических особенностей должен был побуждать этих лиц к существенно более активному выполнению предписаний по защите от коронавируса, нежели было у них зафиксировано. Однако, как мы видим, подобного не наблюдалось. Возможной причиной подобной недооценки мер профилактики являлось наличие у них ощущения низкой самоэффективности в борьбе с коронавирусом и присущий им специфический паттерн копинг-стратегий (частое использование копинг-стратегии «избегание проблем» и редкое – «разрешение проблем»). В результате у представителей «тревожного» типа страх перед пандемией не приводил к активному выполнению профилактических рекомендаций из-за неверия в собственную способность справиться с коронавирусом и неоптимальностью стратегий совладания.

Представители «среднего» типа не обладали ярко выраженными психологическими особенностями и характеризовались средними значениями по многим шкалам опросников «большой пятёрки» и «стратегий совладания». Их отношение к пандемии также было сбалансированным и далёким от крайностей: отмечались средние уровни личной уязвимости к коронавирусу, оценок последствий пандемии и самоэффективности. В определённой степени закономерно, что этот «средний» набор психологических характеристик сочетался со средним уровнем выполнения рекомендаций.

Выполненное исследование продемонстрировало выраженную психологическую неоднородность (наличие нескольких психотипов) в группе лиц, не очень активно выполнявших рекомендации по профилактике коронавируса. Это указывает на разнообразие психологических оснований выбора такого варианта реагирования на пандемию. При анализе механизмов, побуждающих людей к соблюдению профилактических рекомендаций, обнаружились определённые противоречия между относительно устойчивыми психологическими особенностями (черты личности, копинг-стратегии) человека и его текущим, изменяющимся отношением к пандемии. Наблюдалось два варианта такого рода противоречий.

Одна группа лиц («ответственный» тип), обладая благоприятным в плане поддержки рекомендаций по защите от коронавируса паттерном личностных особенностей (добросовестность, дружелюбие, адаптивность копинг-стратегий), не в полной мере их соблюдала из-за наличия ощущения собственной

неуязвимости к инфекции и недооценки последствий пандемии. В данном случае сдерживающим фактором для более активного профилактического поведения являлся характер отношения к пандемии, т. е. изменяющиеся психологические характеристики.

Представители «Тревожного» типа, напротив, переживая и беспокоясь из-за связанных с пандемией проблем, были не очень активны в следовании рекомендациям в силу специфического склада личности (низкой добросовестности, недостатка организованности, дезадаптивного паттерна стратегий совладания). Указанные личностные особенности затрудняли осуществление этими людьми планомерной и последовательной деятельности по защите от коронавирусной инфекции. В данной группе лиц, как мы видим, препятствием для полноценного профилактического поведения являлись их устойчивые личностные особенности.

Рассмотрим далее типологию, выделенную на выборке занявших в отношении вакцинации среднюю, промежуточную позицию. Респонденты из этой группы обнаруживали три варианта сочетания (психотипа) психологических особенностей: «ответственный» (472 респондента), «неорганизованный» (365 респондентов), «тревожный» (220 респондентов) (табл. 2). При сравнении этих типов с типологией, выявленной на материале группы респондентов со средним уровнем соблюдения профилактических рекомендаций, отмечались как сходные черты, так и различия.

По своим характеристикам «ответственный» тип (вакцинация) был очень близок к «Ответственному» типу (выполнение рекомендаций). Его

представители также обладали адаптивностью копинг-стратегий, высокой экстраверсией, добросовестностью, доброжелательностью и открытостью опыту, низкими нейротизмом и ситуативной тревожностью. Ощущение собственной неуязвимости к коронавирусу сочеталось у них с высоким уровнем самоэффективности и активным соблюдением рекомендаций по профилактике.

Похожими оказались также «Тревожный» тип (вакцинация) и «Тревожный» тип (выполнение рекомендаций). Для представителей «Тревожного» типа (вакцинация) были характерны высокая тревожность, острое переживание своей уязвимости к COVID-19 и выраженная обеспокоенность последствиями пандемии. У них отмечались высокий нейротизм, интровертированность и не совсем оптимальное сочетание копинг-стратегий (частое использование стратегии «избегание проблем» и редкое – «решение проблем»).

Если двум рассмотренным типам («ответственному» и «тревожному») можно было поставить в соответствие аналогичные типы в сфере выполнения профилактических рекомендаций, то третий («неорганизованный») обладал явными отличиями от «среднего» типа (выполнение рекомендаций). «Неорганизованный» тип включал респондентов с самым неоптимальным сочетанием стратегий совладания (выраженное преобладание стратегии «избегание проблем» над стратегией «решение проблем»), низкими значениями по шкалам экстраверсии, добросовестности, доброжелательности и открытости опыту. Кроме того, они оказались плохо информированы по

теме пандемии, считали себя слабо уязвимыми к коронавирусу, а также недооценивали значимость возникших в результате пандемии проблем.

Таким образом, среди лиц с нейтральным отношением к вакцинации, как и в случае выполняющих рекомендации на среднем уровне, было обнаружено несколько психотипов, что указывает на разнообразие психологических механизмов, вызывающих у человека подобное отношение к вакцинации. Наши результаты хорошо соотносятся и в определённой степени дополняют ранее полученные данные других исследователей [2; 6]. В этих работах, рассматривающих сторонников и противников вакцинации, также выявлена выраженная психологическая неоднородность указанных групп. Так, обнаружено три типа лиц, демонстрирующих позитивное отношение к вакцинации («уязвимый», «конформный», «рациональный»), и три типа в группе с негативным к ней отношением («неуязвимо-ответственный», «неуязвимо-безответственный», «уязвимый») [2]. В совокупности эти результаты свидетельствуют о том, что необходим дифференцированный, учитывающий социально-демографические и психологические характеристики людей подход к пропаганде вакцинации.

Заключение

Проведённое исследование показало, что за одним и тем же вариантом реагирования на пандемию стоят различные психологические основания и механизмы. Как в группе со средней степенью выполнения рекомендаций по профилактике, так и среди тех, кто нейтрально относился к вак-

цинации, было выделено по три психологических типа, различающихся набором личностных черт, стратегий совладания и представлений о пандемии. Можно говорить о трёх ярко выраженных психотипах значимых в данном отношении. Одна группа лиц («ответственный» тип, выполнение рекомендаций; «ответственный» тип, вакцинация) не в полной мере разделяла идеи профилактики COVID-19 из-за ощущения собственной неуязвимости к коронавирусной инфекции и недооценки последствий пандемии. Причинами недооценки профилактики COVID-19 другой совокупностью респондентов («тревожный» тип, выполнение рекомендаций; «тревожный» тип, вакцинация) являлось наличие у них неуверенности в собственной способности справиться с коронавирусом и неоптимального паттерна копинг-стратегий (частое использование копинг-стратегии «избегание проблем» и редкое – «разрешение проблем»). Третья группа («неорганизованный» тип, вакцинация) включала респондентов с выраженным преобладанием стратегии «избегание проблем» над стратегией «решение проблем», ощущением слабой уязвимости к коронавирусу, низким уровнем знаний о пандемии и недооценкой связанных с ней проблем.

В будущем, когда общество неизбежно столкнётся с новыми вызовами в сфере здравоохранения, следует помнить о психологической неоднородности группы лиц, занявшей среднюю позицию по тем или иным значимым вопросам, связанным со здоровьем (например, касающихся принятия необходимости вакцинации). Эта информация позволит оказывать более

дифференцированное, учитывающее психологические особенности респондентов воздействие в целях побуждения людей к более адаптивному поведению в области защиты от болезней.

Хотя данная работа затрагивала проблему вакцинации только от COVID-19, представляется перспективным распространение используемого нами типологического подхода

на исследования отношения людей и к другим видам вакцин (от кори, вируса папилломы человека и др.). Выделение индивидуальных вариантов реагирования на вакцинацию и лежащих в их основе психотипов позволит углубить наши представления о психологических механизмах принятия решения о вакцинации и причинах формирования антиваксерных установок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова А. М., Кубрак Т. А., Латынов В. В. Взаимосвязь психологических характеристик и представлений о COVID-19 с адаптивным реагированием на пандемию // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. №2. С. 47–59. DOI 10.18384/2310-7235-2022-2-47-59.
2. Борисова А. М., Кубрак Т. А., Латынов В. В. Психологические основания реагирования на пандемию COVID-19 // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 20. №2. С. 300–319.
3. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние / пер. с англ. Н. Малыгиной. СПб.: Питер, 2011. 448 с.
4. Калугин А. Ю., Щебетенко С. А., Мишкевич А. М. Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory-2 // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. №1. С. 7–33.
5. Мальцева Т. В., Нестик Т. А. Копинг-стратегии и отношение личности к пандемии COVID-19 // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7. №2. URL: <http://soc-econom-psychology.ru> (дата обращения: 31.05.2024).
6. Нестик Т. А. Переживание эпидемиологической угрозы россиянами как социально-психологический феномен: результаты серии эмпирических исследований // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия. М.: Институт психологии РАН, С. 19–125.
7. Юревич А. В., Ушаков Д. В., Юревич М. А. COVID-19: результаты третьего экспертного опроса // Психологический журнал. 2021. Т. 42. №3. С. 128–136.
8. Baker M. N., Merkley E. Dynamic role of personality in explaining COVID-19 vaccine hesitancy and refusal // *Frontiers in Psychology*. 2023. №14. URL: <https://www.frontiersin.org> (дата обращения: 31.05.2024).
9. Branovački B., Sadiković S., Smederevac S. A personcentered approach in studying coronavirus pandemic response: The role of HEXACO-PIR and PANAS dimensions // *Personality and Individual Differences*. 2021. №171. URL: <https://www.sciencedirect.com> (дата обращения: 31.05.2024).
10. Choma B. L., Hodson G., Sumantry D. Ideological and psychological predictors of COVID-19-related collective action, opinions, and health compliance across three nations // *Journal of Social and Political Psychology*. 2021. №9. P. 123–143.
11. Downing S. T., Mccarty R. J., Guastello A. D. Assessing the predictors of adaptive and maladaptive Covid-19 preventive behaviours: an application of protection motivation theory // *Psychology, Health & Medicine*. 2023. №28. P. 460–474.

12. Mai Y., Wu Y. J., Huang Y. What type of social support is important for student resilience during COVID-19? A latent profile analysis // *Frontiers in Psychology*. 2021. №12. URL: <https://www.frontiersin.org> (дата обращения: 31.05.2024).
13. Teeny J. D., Siev J., Brinol P. A review and conceptual framework for understanding personalized matching effects in persuasion // *Journal of Consumer Psychology*. 2021. №31. P. 382–414.
14. Viskupić F., Wiltse D. L., Kayaalp A. Attitudes toward COVID-19 vaccine mandate: The role of psychological characteristics and partisan self-identification // *Personality and Individual Differences*. 2023. №206. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886923000429> (дата обращения: 31.05.2024).

REFERENCES

1. Borisova A. M., Kubrak T. A., Latynov V. V. [Interdependence of psychological characteristics and perceptions of COVID-19 with the adaptive pandemic response]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences], 2022, no. 2, pp. 47–59. DOI 10.18384/2310-7235-2022-2-47-59.
2. Borisova A. M., Kubrak T. A., Latynov V. V. [Psychological types of response to the COVID-19 pandemic]. In: *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2023, vol. 20, no. 2, pp. 300–319.
3. Zimbardo F., Leippe M. The psychology of attitude change and social influence (Rus. ed., Malygina N., transl. Social'noe vliyanie. St. Petersburg, Piter Publ., 2011. 448 p.).
4. Kalugin A. Yu., Shchebetenko S. A., Mishkevich A. M. [Psychometric Properties of the Russian Version of the Big Five Inventory–2]. In: *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2021, vol. 18, no. 1, pp. 7–33.
5. Malceva T. V., Nestik T. A. [Coping strategies and personality attitudes towards the COVID-19 pandemic]. In: *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology], 2022, vol. 7, no. 2. Available at: <http://soc-econom-psychology.ru> (accessed: 31.05.2024).
6. Nestik T. A. [Experience of the Epidemiological Threat by Russians as a Socio-Psychological Phenomenon: Results of a Series of Empirical Studies]. In: *Vliyanie pandemii na lichnost' i obshchestvo: psihologicheskie mekhanizmy i posledstviya* [The Impact of the Pandemic on the Individual and Society: Psychological Mechanisms and Consequences]. Moscow, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ., pp. 19–125.
7. Yurevich A. V., Ushakov D. V., Yurevich M. A. [COVID-19: Results of the Third Expert Survey]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2021, vol. 42, no. 3, pp. 128–136.
8. Baker M. N., Merkle E. Dynamic role of personality in explaining COVID-19 vaccine hesitancy and refusal. In: *Frontiers in Psychology*, 2023, no. 14. Available at: <https://www.frontiersin.org> (accessed: 31.05.2024).
9. Branovački B., Sadiković S., Smederevac S. A personcentered approach in studying coronavirus pandemic response: The role of HEXACO-PIR and PANAS dimensions. In: *Personality and Individual Differences*, 2021, no. 171. Available at: <https://www.sciencedirect.com> (accessed: 31.05.2024).
10. Choma B. L., Hodson G., Sumantry D. Ideological and psychological predictors of COVID-19-related collective action, opinions, and health compliance across three nations. In: *Journal of Social and Political Psychology*, 2021, no. 9, pp. 123–143.

11. Downing S. T., Mccarty R. J., Guastello A. D. Assessing the predictors of adaptive and maladaptive Covid-19 preventive behaviours: an application of protection motivation theory. In: *Psychology, Health & Medicine*, 2023, no. 28, pp. 460–474.
12. Mai Y., Wu Y. J., Huang Y. What type of social support is important for student resilience during COVID-19? A latent profile analysis. In: *Frontiers in Psychology*, 2021, no. 12. Available at: <https://www.frontiersin.org> (accessed: 31.05.2024).
13. Teeny J. D., Siev J., Brinol P. A review and conceptual framework for understanding personalized matching effects in persuasion. In: *Journal of Consumer Psychology*, 2021, no. 31, pp. 382–414.
14. Viskupić F., Wiltse D. L., Kayaalp A. Attitudes toward COVID-19 vaccine mandate: The role of psychological characteristics and partisan self-identification. In: *Personality and Individual Differences*, 2023, no. 206. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886923000429> (accessed: 31.05.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Латынов Владислав Викторович – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН;

e-mail: vladlat5@lenta.ru; ORCID: 0000-0002-9584-2950

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladislav V. Latynov – Cand. Sci. (Psychology), Leading Researcher of the Laboratory of Psychology of Speech and Psycholinguistics, the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;

e-mail: vladlat5@lenta.ru; ORCID: 0000-0002-9584-2950

Научная статья
УДК 159.9.072.423
DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-64-81

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВИДОВ ПАТРИОТИЗМА И СТРАТЕГИЙ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

Нурмухаметов Э. А., Нурмухаметова И. Ф.

Уфимский университет науки и технологий, 450076, Республика Башкортостан, г. Уфа,
ул. Заки Валиди, д. 32, Российская Федерация; e-mail: misall@mail.ru

Поступила в редакцию 07.05.2024

После доработки 02.09.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Аннотация

Цель. Изучить связь между формами патриотизма и стратегиями семейного воспитания современной молодежи.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ специфики связи между стратегиями семейного воспитания и формами патриотизма с использованием опроса и статистико-математического инструментария.

Результаты. Проведённый эмпирический анализ заявленной проблемы показал, что в формировании конструктивного патриотизма главную роль играет демократический стиль воспитания, а экстраверсия, спонтанность и ригидность выступают в качестве ведущих свойств личности, тогда как в основе формирования слепого патриотизма превалирует тревожность как свойство личности и авторитарный стиль воспитания.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в том, что полученные результаты расширяют границы понимания формирования основ патриотизма как одной из форм нормативного поведения личности в рамках существующих подходов исследования ценностно-мотивационной сферы в психологии.

Ключевые слова: патриотизм, личность, нормативное поведение, стратегии семейного воспитания

Для цитирования: Нурмухаметов Э. А., Нурмухаметова И. Ф. Взаимосвязь видов патриотизма и стратегий семейного воспитания // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. №4. С. 64–81. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-64-81

Original Research Article

INTERRELATION OF PATRIOTISM FORMS AND FAMILY UPBRINGING STRATEGIES

E. Nurmukhametov, I. Nurmukhametova

Ufa University of Science and Technology, ul. Zaki Validi, 32, Ufa 450076, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; e-mail: misall@mail.ru

Received by the editorial office 07.05.2024

Revised by the author 02.09.2024

Accepted for publication 09.09.2024

Abstract

Aim. To examine the relationship between various forms of patriotism and the family upbringing strategies by modern youth.

Methodology. The primary focus of the study is the examination of the nuances of the relationship between family upbringing strategies and forms of patriotism. This is achieved through the utilisation of a survey and a range of statistical and mathematical tools.

Results. The empirical analysis of the stated problem has demonstrated that the key factors associated with the formation of constructive patriotism are the democratic style of upbringing, while extraversion, spontaneity and rigidity act as the leading properties of personality. In contrast, the basis of the formation of blind patriotism is anxiety as a property of personality and an authoritarian style of upbringing.

Research implications. Theoretical significance lies in the fact that the obtained results expand the boundaries of understanding the formation of the foundations of patriotism as a form of normative behaviour within the existing approaches of the value-motivational sphere of personality in psychology.

Keywords: patriotism, personality, normative behaviour, family upbringing strategies

For citation: Nurmukhametov E., Nurmukhametova I. Interrelation of patriotism and family upbringing strategies. In: Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2024, no. 4, pp. 64–81. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-64-81

Введение

Проблема патриотизма и связанные с ней аспекты формирования цельной, всесторонне развитой личности становятся наиболее заметными и значимыми для сознания государства и общества в целом, что объясняется как потребностью возродить национальные ценности и традиции российского общества, так и попытками отрицать саму значимость патриотизма, проводимыми псевдолиберализ-

мом в 90-х гг. XX в. Вместе с тем на сегодняшний день всестороннему изучению патриотизма и его векторов способствует также и острая потребность в общенациональной идее, усиление напряжённости в отношениях с Западом и многие иные факторы. Как отмечают отечественные авторы (В. Д. Байрамов, И. В. Бочарников, С. Л. Кандыбович, А. Г. Чернявский), «патриотический потенциал» является тем самым определяющим фактором

жизнеспособности как индивида, так и социальной группы в целом [1].

Патриотизм как один из рычагов развития общества играет значимую роль в выведении страны из состояния длительного поиска своего места в мире, в укреплении единства её народов, а также в политической и экономической безопасности государства. В полиэтническом и поликонфессиональном пространстве страны патриотизм, основанный на любви к Родине, её культуре и ценностям, становится фундаментом формирования чувства общности людей, при этом, сохраняя самобытность и идентичность каждого народа. Поэтому патриотизм, становясь залогом взаимной терпимости, уважения и мирного сосуществования народов, выступает как один из механизмов формирования защиты от межнациональной и межрелигиозной розни и ненависти. Исторический экскурс показывает, что многие империи, прекратившие своё существование, вначале конца переживали периоды моральной дестабилизации социума, сопровождавшиеся выраженным снижением патриотизма в обществе. Именно поэтому патриотизм несовместим с экстремизмом, шовинизмом и утверждением национальной исключительности.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что только высокая патриотическая идея как часть национальных идей страны и есть то основание, на котором может выстраиваться духовность нашего общества, наращиваться нормативный потенциал его возрождения и устойчивого развития. Безусловно, на сегодняшний день патриотизм остаётся актуальным и вызывает увеличенный интерес на стыке

различных гуманитарных дисциплин. Однако для полного понимания этого явления и его роли в обществе необходимо изучение его психологической сущности. Характеристики и факторы, лежащие в основе зарождения патриотизма на уровне индивидуального и коллективного сознания, существенно влияют на его проявления в реальной жизни. Таким образом, анализ психологической природы патриотизма поможет раскрыть его объективные механизмы функционирования и влияния на социальные процессы.

Патриотизм: понятийный аспект

Интерпретация патриотизма в современных реалиях осложняется, прежде всего, тем, что наблюдается трансформация идеологических ассоциаций, присущих данному понятию. Вследствие чего возникает острая необходимость в обоснованном научном разборе понятия «патриотизм». При анализе патриотизма как социально-психологического и культурно-исторического феномена в современной научной литературе делается акцент не только на его понимании с позиций проявления любви и привязанности к своей нации, но и на его эмоциональной, культурной, идеологической динамике, что способствует значительно более глубокому и всестороннему пониманию его роли в современном мире.

Текущий обзор зарубежных исследований показывает, что многие зарубежные учёные, в частности, Л. Хадди и Н. Хатиб [17], подчёркивают, что эмоциональная составляющая играет ключевую роль в формировании патриотических чувств. Исследователи отмечают, что патриотизм должен рас-

смагиваться не только через призму любви и преданности своей стране или нации, но и в том числе как эмоциональная связь с родиной. При этом авторы обращают наше внимание на то, что патриотизм включает в себя не только положительные, но и сложные, многозначные аспекты: это не просто бездумная защита своей страны, но и критическое осмысление её истории, культуры и политики. В контексте глобализации и мультикультурализма важно понимать, что патриотизм может способствовать как социальному объединению, так и разделению. С точки зрения исследователей зарубежной психологии, современный взгляд на патриотизм требует отхода от устаревших стереотипов и предложение новых интерпретаций, которые могут способствовать более эффективному и гуманному развитию общества. Тогда как отечественные авторы с особой осторожностью относятся к внесению неких новшеств в сущностную интерпретацию патриотизма, рассматривая его как важную черту индивидуальной личности [10] и устоявшуюся социальную норму поведения [7].

В контексте развития отечественной трактовки патриотизма как психологического явления, отметим также, что он тесно переплетается с концепцией социальной идентичности, обусловленной национальной или гражданской принадлежностью [8], поскольку способствует формированию включённости личности в социокультурный контекст и выбора социально значимых для неё объектов привязанности. Вследствие чего человек с выраженным чувством патриотизма склонен к принятию групповых норм и ценностей, определяемых националь-

ным самосознанием, что, в свою очередь, поддерживает консолидацию социума и способствует развитию ответственного поведения в отношении общественного блага.

В тоже время, с нашей точки зрения, патриотизм допустимо рассматривать и как фактор, стимулирующий готовность к содействию общественным процессам, активизации гражданского участия и выражению лояльности государству. Определяющими здесь становятся такие психологические механизмы, как положительные эмоции, социальная солидарность и преданность групповым нормам, целям, иначе говоря, внутренние ресурсы личности, а также её внешние ресурсы – социальные связи и статус в группе, родительское воспитание, материальные ценности. При этом патриотизм может выполнять функцию стабилизации личностной идентификации в условиях социальных потрясений или политических изменений, обеспечивая психологическую адаптацию к новым социальным реалиям. С иной стороны, акцентирование на чувстве патриотизма в ценностно-мотивационной сфере может иметь и деструктивные последствия, когда, например, в рамках патриотических установок проявляются крайние формы национализма, приводящие к межэтническим конфликтам и нарушению гражданского порядка. Следовательно, в качестве собственно предмета психологического исследования, патриотизм требует учёта как позитивного потенциала, так и возможных рисков, сопряжённых с его иррациональными формами проявления.

Обширное многообразие подходов к пониманию патриотизма указывает на сложность и разнородность данного

феномена. Что, в свою очередь, приводит к отсутствию некой унифицированной теоретической и методологической основы для его анализа и возможности его трактовки как сложного социально-психологического явления, включающего различные составляющие, ключевыми из которых являются следующие переменные: аффективный компонент, выражающийся в любви к родине; конативный компонент, связанный с готовностью отдать предпочтение общественным интересам над личными; поведенческий компонент, проявляющийся в действиях, соответствующих патриотическим убеждениям и идентификационный компонент, означающий самоотождествление с нацией [13]. Особое внимание в психологии уделяется аффективной составляющей, которая определяет патриотизм как социальное чувство и влияет на разнообразие его поведенческих проявлений [2].

Помимо поиска трактовки и означивания компонентной составляющей патриотизма актуальным также является и выделение его видов. Например: государственный патриотизм (по отношению к Родине, к государству), культурно-исторический патриотизм (по отношению к историческому прошлому), местный патриотизм (по отношению к местным достижениям). Однако в контексте психологической мысли, для нас наибольший интерес представляют те виды патриотизма в рамках подхода, где в основе лежит соотношение внутренних факторов (установки, мотивы, желания, потребности, взгляды, мировоззрение, цели, задачи и т. д.) и внешних факторов (факторы опасности, внезапности, неопределённости, новизны, увеличение

темпа действий, дефицита времени, эффект групповой эмоциональности, эффект профессиональной группы и др.), а именно: истинный, ложный и вынужденный виды патриотизма [11].

Истинный патриотизм способствует формированию и проявлению целого комплекса позитивных качеств, таких как чувство привязанности к малой Родине, забота об интересах Родины, проявление гражданских чувств и сохранение верности Родине, гордость за достижения своей страны, уважительное отношение к историческому прошлому Родины, ответственность за судьбу Родины и своего народа, гуманизм, милосердие, общечеловеческие ценности. Кроме того, в истинном патриотизме гармонично сочетаются внешние и внутренние факторы. Он по своей сути идеален, т. к. свидетельствует о гармонии самой личности, её существования.

Для патриотизма, которому характерен неосознаваемый разлад между внешними и внутренними факторами, свойственна ложность. Первый вид ложного патриотизма представляет собой феномен «патриотизм – последнее прибежище негодяев». Люди, которые ранее в той или иной мере скрытно способствовали разрушению государственности, вдруг начинают декларировать свою патриотическую позицию везде, где только можно, порой – силой. Внутренние факторы в этом случае являются определяющими. Человеком может двигать желание власти, обогащения либо избегания ответственности, т. е. внешние факторы в этом случае стоят на службе у внутренних факторов. При этом получается, что эти люди ради удовлетворения своих личных потребностей

продолжают разрушать государственность, т. к. в слабом государстве можно достаточно легко достичь своих целей. Ярким примером могут служить все «цветные революции», которые произошли в отдельных странах мира. Люди, которые не смогли найти надёжного места в стране, начинают разрушать государство, чтобы найти место в «новой стране». Второй вид ложного патриотизма – это патриотизм, представляющий собой так называемый «чёрный ящик». Человек может быть на сто процентов уверен, что он патриот, но, когда он оказывается в сложной экстремальной ситуации, патриотизм приобретает двойственный характер. При этом виде патриотизма внешние факторы оказывают существенное влияние на внутренние факторы.

Вынужденный же патриотизм характеризуется тем, что внутренние факторы подстраиваются под внешние факторы, оставаясь при этом определяющими. Это один из самых трудных видов патриотизма, т.к. всегда существует опасность разоблачения и постоянная угроза жизни. Проявление данного вида патриотизма вызывает целую гамму чувств и переживаний, и не все люди могут быть психически к этому готовы, поэтому данный вид патриотизма и является одним из самых сложных.

Вместе с тем, некоторые исследователи указывают, что патриотизм может принимать разнообразные формы, что влияет на его функциональное и социальное значение. Например, выделяются такие формы, как узконациональная и критическая, позволяющие оценивать патриотизм с точки зрения его согласованности с национальными интересами и критического осмысле-

ния социально-политических реалий [5]. Кроме того, в отечественной психологии выделяют идеологическую, проблемную и конформную формы патриотизма, каждая из которых представляет собой определённый спектр взаимодействия индивида с идеологическими и социальными структурами общества: идеологический патриотизм предполагает безусловное принятие к доминирующей идеологии; проблемный патриотизм основан на стремлении к улучшению социально-экономической ситуации в стране; конформный патриотизм - где личные интересы ставятся выше общенациональных [2; 12]. Также выделяются и формы патриотизма в зависимости от миграционных настроений, а именно: выраженный, индифферентный, отвергаемый и непроверенный, каждый из которых имеет уникальную привязку к идентичности и решениям о миграции [12].

Иначе с дифференциацией форм патриотизма обстоит дело на западе, где ставится акцент на таких формах, как слепой или некритичный патриотизм, который связан с консервативным подходом и основан на текущей идеологической повестке, служащей фундаментом для моральных убеждений и восприятия событий, и конструктивный или рефлексивный патриотизм. Последний подразумевает опору на универсальные человеческие ценности и направлен на активное участие в процессе преобразований в пользу развития страны [20]. При этом дифференциация слепой и конструктивной форм патриотизма находит отклик в работах ряда значимых исследователей за рубежом (М. Папастефану, Дж. Вестхаймер, С. Дж. Кэлхун и др.),

осуществляющих исследования патриотизма и его классификаций на стыке психологии и смежных с ней дисциплин.

Слепой патриотизм «подчёркивает» абсолютную преданность и неоспоримую веру в идеалы своего государства, ассоциируясь с безоговорочной преданностью стране, исходя из лозунга «Люби свою страну или оставь её». По своей сути такая форма патриотизма лишает общество возможности для развития и прогресса, т. к. исключает возможность самоанализа и самокритики. Отрицание диалога и критического взгляда относительно состояния собственной нации приводит к стагнации, подрывает основы демократии и образования, делая их уязвимыми перед лицом «однобоких» идеологий. Тогда как конструктивный патриотизм предлагает баланс между любовью к своей стране и способностью к адекватной критике, направленной на процветание и развитие общества. Эта форма патриотизма основывается на идее «критической лояльности», т. е. привязанности к своей стране, которая не исключает умеренной критики в её адрес. Конструктивный патриотизм ставит своей целью не сохранение статус-кво, а стремление к позитивным изменениям во благо страны. Идеалом должно стать не слепое следование устоявшимся представлениям о патриотизме, а его осмысленное проявление. Такая форма патриотизма в его наиболее полезной форме должна стимулировать критическое мышление и социальную активность человека, служа тем самым истинным интересам страны [20].

По данным некоторых авторов (С. Ливи, Л. Леоне, Г. Фальгарес,

Ф. Ломбардо), слепой патриотизм ассоциируется с авторитаризмом, традиционализмом, иррациональным подходом и негативными последствиями для общественного сознания, в то время как конструктивный патриотизм носит позитивный характер и связан с универсализмом, демократическими ценностями, самоуправлением и рациональными установками [18].

В контексте обозначения перспектив развития патриотизма в современном мире резонно отметить, что поощрение конструктивных форм национального чувства требует всесторонней поддержки со стороны образовательной системы, культурных и социальных институтов. Процветание подлинного патриотизма возможно лишь в условиях существования открытого, инклюзивного общества, признающего разнообразие, способного критически оценивать своё прошлое ради блага будущих поколений. При этом, некоторые авторы (Е. В. Григорьева, Н. Р. Хакимова, А. П. Левченко) связывают патриотизм, его выраженность с наличием у личности определённых характеристик и особенностей, таких, например, как ценностные ориентации [4]. Иные научные деятели, в частности, Г. В. Лимонцева, связывают его с нормативностью поведения, ориентацией на сотрудничество, потребностью в совместной деятельности, склонностью к сопереживанию, эмпатией и альтруизмом [9].

Исходя из сказанного выше, с психологической точки зрения, патриотизм резонно трактовать как одну из возможных форм нормативного поведения, связывающего индивида с его государством, нацией и культурно-историческим сообществом. При этом

необходимо подчеркнуть, что патриотизм, проявляющийся в выборе ценностей, мотивов и установок, является ключевым компонентом саморегуляции личности и её социально-адаптивных функций в широком социокультурном пространстве. Следовательно, рассматривая личность человека, как полноправного члена социума, который попадает под воздействие разного рода отношений, и, прежде всего, тех, что складываются в процессе использования психологических орудий, обусловленных культурным контекстом своего возникновения, резонно предположить, что патриотизм может быть тесно связан и с такими аспектами, как стратегия семейного воспитания, индивидуальный тип личности, а также социометрический статус в группе. Однако приходится констатировать тот факт, что исследование связи патриотизма с данными переменными в контексте психологии личности и социальной психологии носит фрагментарный характер, данный вопрос рассматривался опосредованно, что позволяет инициировать проведение самостоятельного и полноценного исследования в рамках означенной проблематики.

Психологический анализ факторов, лежащих в основе формирования патриотизма современной молодёжи

Обобщая проанализированный теоретический и практико-ориентированный материал по проблеме патриотизма в отечественной и зарубежной психологии, можно отметить, что патриотизм представляет собой один из ключевых показателей социализации личности, а не просто социокультур-

ный феномен, который, наряду с собственно чувственными установками индивида к своей родине, включает в себя ещё два аспекта: индивидуально-личностные свойства (внутренние ресурсы) и социокультурную среду (внешние ресурсы). Вместе с тем, изучение последнего тесно связано с представлением о статусе личности в значимой для него группе лиц и стилях семейного воспитания, т. к. семейное воспитание играет одну из ключевых ролей в формировании личности, особенно в контексте развития у ребёнка самооценки и способности управлять своей жизнью. Важно подчеркнуть различные стили воспитания могут влиять на то, как человек воспринимает свою принадлежность к обществу и нации. В некоторых случаях, когда индивиды ощущают недостаток уверенности в собственных силах и переживают потерю самоконтроля, они могут склоняться к созданию идеализированного образа своей группы, например, этноса [20]. Речь идёт о коллективном нарциссизме [15], что часто становится попыткой компенсировать личные неудачи и неопределённость, превознося достижения своей страны или своей социальной группы по национальному или этническому признаку в отношении чужой группы.

Определённые тенденции в ходе воспитания, формирующиеся в семье, могут иметь далеко идущие последствия, особенно когда речь заходит о коллективной самооценке и национальном самосознании. Разработка стратегий воспитания, которые способствуют здоровой самооценке и поддерживают критическое мышление, может быть ключом к предотвращению пагубных политических тенденций, таких как

те, что зарождаются из коллективного нарциссизма при истощении или нехватке внутренних и внешних ресурсов личности. В этом случае вероятен сценарий развития дефицитарности в аспекте нормативного поведения личности, что постепенно может привести к формированию у неё мнимого (притворного) патриотизма, считающегося, по мнению отечественных авторов (А. Н. Игнатенко, С. А. Сакун), необычным вариантом ложного патриотизма, который оказывает наиболее нестабильное и деструктивное воздействие на личность [6]. Подобного рода патриотизм проявляется в необоснованной критике другой страны человеком, не имеющим при этом достаточных знаний и осведомлённости о её реальных достижениях. Данная точка зрения косвенно находит эмпирическую поддержку в серии недавних исследований относительно связи патриотизма и национализма: патриотизм положительно связан с национализмом только при условии высокого уровня коллективного нарциссизма [3], а также оценки связи самооценки личности и коллективного нарциссизма: низкая самооценка ведёт к коллективному нарциссизму [16].

Иначе говоря, коллективный нарциссизм может привести к тому, что люди становятся легко манипулируемыми властными структурами. А склонность граждан к повышению своей самооценки за счёт превозношения национальных достижений может быть использована для оправдания авторитарного стиля управления и тоталитарных режимов. В такой ситуации национализм и авторитаризм не просто возникают случайно, они становятся своего рода инструментами,

нацеливая общественное сознание на поддержку экстремистских мер и политических инициатив. Подобного плана стратегии, в свою очередь, способствуют укреплению власти за счёт изоляционных тенденций и утверждения превосходства одной нации или группы над другими. Коллективный нарциссизм и стратегии авторитаризма дополняют друг друга, создавая петлю обратной связи, которая усиливает как убеждения граждан, так и политическую мощь правящего класса.

На основании всего вышесказанного, допустимо предположить наличие связи патриотизма как с индивидуально-личностными свойствами человека, его социометрическим статусом, так и со стратегиями семейного воспитания, которым он так или иначе был подвержен. Для верификации или опровержения выдвинутой гипотезы нами были задействованы как эмпирические методы исследования (опрос, метод семантического дифференциала Ч. Осгуда), так и статистико-математические методы анализа данных (факторный анализ и сравнительный анализ с использованием U-критерия Манна-Уитни), а также соответствующая цели исследования батарея психологических методик (индивидуально-типологический опросник Л. Н. Собчик «ИТО»; опросник Дж. Морено «Социометрия»; опросник для оценки уровня агрессивности А. Басса и А. Дарки (в адаптации А. А. Хвана, Ю. А. Зайцева и Ю. А. Кузнецовой); опросник Е. Н. Катковой, А. С. Гаховой «Стили семейного воспитания в отражении подростков»; опросник конструктивного патриотизма С. В. Васильевой и А. В. Микляевой).

Общая численность испытуемых составила 340 человек в возрасте 14 лет, из них 113 мальчиков и 227 девочек. Краткий анамнез жизнедеятельности респондентов показал, что все опрошенные подростки из полных семей. В качестве досуга, в большинстве своём, предпочитают активный образ жизни (сплавы, горные походы, посещение фитнес-центров и т. д.), встречи с друзьями. По возможности участвуют в спортивных мероприятиях от школы, общегородских акциях (субботники и т. д.), на учёте в полиции не стоят. Вместе с тем часть опрошенных (32 человека) имеют на своём теле татуировки. Сбор данных по группе респондентов осуществлялся перед проведением психологического обследования.

Эмпирические данные показали, что на уровне значимости $p \leq 0.001$ ($U_{\text{Эмп}} = 4077.5$) конструктивный патриотизм коррелирует с такими чертами личности как настойчивость в достижении целей, упрямство при защите собственных убеждений, а также с экстраверсией и способностью к открытому самовыражению. Для ребят с выраженным конструктивным патриотизмом особенно значимым является вопрос утверждения собственного статуса, как в сфере властных отношений, так и в аспекте материального благосостояния. При этом некоторые испытуемые демонстрируют зависть к успехам других и ревность в личных отношениях, что проявляется в характерной форме агрессивного поведения при защите собственных интересов. Однако, эти же испытуемые обладают значительной усидчивостью, которая в сочетании с врождённой склонностью к конкуренции способствует достижению желаемых результатов в различ-

ных сферах деятельности. Тогда как для лиц, кому характерна ориентация на национальный консерватизм (слепой патриотизм), в большей степени, свойственна тревожность как лидирующее свойство личности (по методике Л. Н. Собчик): у подростка ярко выражена нерешительность, повышенное чувство ответственности, внутренняя потребность соответствовать установкам окружения (преподавателей, родителей, класса), мнительность, боязливость, склонность к необоснованным страхам ($U_{\text{Эмп}} = 3022.0$ при $p \leq 0,01$). Ребята такого типа более старательны, например, при выполнении заданий из страха получить плохую отметку. Они болезненно переживают упрёки и наказания, очень нервничают перед разного рода серьёзными испытаниями. Проявляют верность и преданность в дружбе, но на ролях ведомых. Часто они старательные проводники морали старших – родителей, преподавателей, любят пожаловаться на своих обидчиков, наябедничать. Стереотипный стиль мышления и компромиссность в поведении не позволят им совершить прорыв в какой-либо интересной сфере знаний, и они всегда будут занимать ведомую позицию по отношению к сильным личностям и проявлять конформизм.

Также в ходе исследования было обнаружено, что при конфликтной ситуации девочки проявляют большую жестокость и агрессивность. При этом они более избирательны при выборе тактики агрессивного поведения: девочки в отличие от мальчиков более склонны к вербальной агрессии ($U_{\text{Эмп}} = 3117.5$ при $p \leq 0,001$) и косвенной агрессии ($U_{\text{Эмп}} = 3133,1$ при $p \leq 0,001$), несмотря на то что они также,

как и мальчики, склонны и к физической. Подобный результат, вероятно, можно связать не только с изменениями в гормональном фоне и перестройке организма на новый уровень развития, но и с социальной ситуацией, в которой находится подросток, иначе говоря, речь идёт о его социальном статусе в группе. «Лидеры-девочки» наравне с «лидерами-мальчиками» могут драться (применять физическую силу по отношению к другому), однако предпочитают чаще всего использовать косвенную агрессию на примере интриг и распускания сплетен. При этом социальный статус подростка также определённым образом связан и с желаемым типом патриотизма: среди как девочек, так и мальчиков для лидеров («звёзд») и предпочитаемых лиц в социальной группе – характерен конструктивный тип патриотизма, тогда как для отверженных или изолированных лиц («аутсайдеров») – слепой тип патриотизма ($U_{Эмп} = 3212,0$ при $p \leq 0,01$). В контексте анализа социометрического статуса принадлежность к референтным лицам внутри группы может усиливать чувство солидарности и отвечающий этому патриотический дух. Это связано с потребностью ребят поддерживать свой социометрический статус и утверждать свою принадлежность к определённой социальной группе. С другой стороны, индивиды с низким социометрическим статусом могут использовать патриотизм для поднятия своей самооценки и стремления к социальной интеграции.

Интересен тот факт, что, чем более благоприятная атмосфера царит в семье и наблюдается лояльное отношение к ребёнку со стороны родителей, тем выше у него социальный

статус в учебной группе и наоборот ($U_{Эмп} = 3347,0$ при $p \leq 0,001$). При этом ребята, по отношению к которым нет отклонений в ходе семейного воспитания и чьи родители придерживаются авторитетной (демократической) стратегии воспитания, тяготеют больше к конструктивному типу патриотизма, чем ребята, по отношению к которым имеется авторитарный стиль в качестве основной стратегии воспитания ($U_{Эмп} = 3452,0$ при $p \leq 0,001$). Последние предпочитают слепой патриотизм, которому характерно сохранение национальной и культурной идентичности, смешивая консервативные элементы с чисто националистическими (генеральная идея – выступление против интернационализма, мультикультурализма и культурного плюрализма).

Вместе с тем, проведённый качественный и количественный анализ данных позволил нам обнаружить, что в семантическом пространстве сознания опрошенных нами ребят само по себе понятие «патриотизм» занимает неоднозначные позиции. Учащимся было предложено оценить по 12 биполярным шкалам слово «патриотизм». Смысл предложенной конструкции заключался в том, что биполярные сравнения прямо не отражают содержание заданного понятия, а маркируют эмоционально-чувственную реакцию на конкретную социальную категорию (табл. 1).

Исходя из полученных оценок и прибегнув к факторному анализу данных, а также к анализу смыслового инварианта шкал, образовавших полюса выявленных факторов и патриотизма, который получил полярные оценки в результате факторизации данных среди подростков первой группы (ребята

Таблица 1 / Table 1

Стимульный материал для изучения субъективного отношения человека к патриотизму / Stimulus material for exploring a subjective personal perspective on patriotism

Приятно	3 2 1 0 1 2 3	Противно
Важно	3 2 1 0 1 2 3	Сомнительно
Правильно	3 2 1 0 1 2 3	Необходимо
Хорошо	3 2 1 0 1 2 3	Плохо
Сильно	3 2 1 0 1 2 3	Посредственно
Уверенно	3 2 1 0 1 2 3	Нестабильно
Неприметно	3 2 1 0 1 2 3	Явно
Эмоционально	3 2 1 0 1 2 3	Рационально
Кратковременно	3 2 1 0 1 2 3	Постоянно
Независимо	3 2 1 0 1 2 3	Зависимо
Устойчиво	3 2 1 0 1 2 3	Изменчиво
Сдержанно	3 2 1 0 1 2 3	Импульсивно

с высоким и средним социометрическим статусом, подверженных демократическому стилю воспитания), были получены следующие результаты (табл. 2).

Как видно из таблицы 2, первый фактор условно можно обозначить как «Эмоциональное отношение к патриотизму», т. к. он вбирает в себя следующие шкалы с достаточно высокими

Таблица 2 / Table 2

Факторы понимания патриотизма подростками с высоким, средним социометрическим статусом и демократическим стилем воспитания / Factors of understanding of patriotism by adolescents with high, average sociometric status and democratic parenting style

Переменные	F1	F2	F3
приятно-противно	0,971	-0,481	0,509
важно-сомнительно	0,313	0,936	0,221
правильно-необходимо	0,875	0,559	0,339
хорошо-плохо	0,765	0,468	0,275
сильно-посредственно	0,300	0,822	0,411
уверенно-нестабильно	0,493	0,723	0,189
неприметно-явно	0,152	0,752	0,428
эмоционально- рационально	0,703	-0,320	0,256
кратковременно- постоянно	-0,142	0,350	0,947
независимо-зависимо	0,534	-0,576	0,881
устойчиво-изменчиво	0,421	0,234	0,901
сдержанно-импульсивно	0,717	0,323	0,310
Доля объяснимой дисперсии (в%)	35	21	19,5

факторными нагрузками: «Приятно-противно» (0,971); «Правильно-необходимо» (0,875); «Хорошо-плохо» (0,765); «Сдержанно-импульсивно» (0,717). Можно отметить несмотря на некую рациональность в восприятии патриотизма, что эмоциональное его принятие ребятами этой группы носит конструктивный характер: приятно, правильно, хорошо. При этом респонденты указывают на такую характеристику как «сдержанность», что, вероятнее всего, указывает на обдуманность и взвешенность их решений. Второй фактор правомерно обозначить как «Значимость и сила патриотизма», т. к. в него входят с высокими факторными нагрузками такие показатели, как «Важно-сомнительно» (0,936); «Сильно-посредственно» (0,822); «Уверенно-нестабильно» (0,723); «Неприметно-явно» (0,752). Для ребят патриотизм выступает важной категорией в

их жизни, явной, которая должна проявляться уверенно и сильно. Третий фактор резонно обозначить как «Длительность и стабильность проявления патриотизма», поскольку он включает в себя следующие показатели: «Кратковременно-постоянно» (0,947); «Независимо-зависимо» (0,881); «Устойчиво-изменчиво» (0,901). Очевидно, что для подростков этой группы «быть патриотом» – означает быть им всегда, при любых обстоятельствах, вне зависимости от того, где ты находишься и каких взглядов придерживаются окружающие.

При факторном анализе переменных восприятия патриотизма во второй группе испытуемых (лица с низким социометрическим статусом, воспитывающиеся посредством авторитарного стиля), были получены следующие результаты (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Факторы понимания патриотизма подростками с низким социометрическим статусом и авторитарным стилем воспитания / Factors of understanding of patriotism by adolescents with low sociometric status and authoritarian parenting style

Переменные	F1	F2	F3
приятно-противно	0,991	0,301	0,511
важно-сомнительно	0,922	0,229	0,452
правильно-необходимо	0,931	0,199	0,110
хорошо-плохо	0,958	0,551	0,466
сильно-посредственно	0,118	0,884	0,109
уверенно-нестабильно	0,250	0,810	0,169
неприметно-явно	0,182	0,845	0,271
эмоционально-рационально	0,765	0,408	0,424
кратковременно-постоянно	0,289	0,762	0,257
независимо-зависимо	0,414	0,533	0,820
устойчиво-изменчиво	0,592	0,447	0,823
сдержанно-импульсивно	0,125	0,219	0,939
Доля объяснимой дисперсии (в%)	32	29	21

Исходя из полученных данных (табл. 3), очевидно, что в данном случае условное наименование всех трёх факторов совпадает с наименованием факторов восприятия патриотизма, как и у лиц с высоким, средним социометрическим статусом, подверженных авторитетному стилю воспитания. Однако всё же имеются некоторые качественные различия в восприятии патриотизма подростками с низким социометрическим статусом, воспитывающихся посредством авторитарного стиля воспитания в целом. При анализе эмоциональной составляющей восприятия патриотизма здесь прослеживается тенденция более нейтрального отношения к нему. Так, оценка в пользу положительного принятия, обозначенного через такие категории, как «приятно» (0,991), «важно» (0,922) и «хорошо» (0,958), перемежается с такой категорией, как «необходимо» (0,931). При этом при оценке значимости и силы патриотизма у респондентов отмечается скрытность (0,845), нестабильность (0,810) и кратковременность (0,762) в его проявлении. А вот длительность и стабильность проявления патриотизма характеризуется как устойчивостью (0,823), так и зависимостью (0,820), импульсивностью (0,939).

Таким образом, можно констатировать, что патриотизм, являясь многогранным явлением, основанном на сложной системе знаковых, эмоциональных, поведенческих и когнитивных процессов, зарождается в сознании человека на ранних этапах его взросления благодаря конкретному стилю воспитания, имеет разную специфику восприятия личностью и характерную форму проявления.

Вместе с тем, учитывая многокомпонентность патриотизма, остаётся открытым вопрос о возможных конфликтах между некоторыми его смысловыми категориями и слагаемыми.

Заключение

Результаты проведённого исследования позволяют лучше понять механизмы и факторы, лежащие в основе возникновения и развития патриотизма. Особое значение в этом контексте приобретает изучение не только культурных и исторических, но и социально-личностных детерминант, способствующих формированию патриотических взглядов современной молодёжи.

Так, демократический (авторитетный) стиль воспитания, связанный с акцентом на послушании, дисциплине и уважении к традициям, а также подразумевающий более открытое обсуждение с подростком различных точек зрения по всевозможным вопросам, может стимулировать развитие конструктивных патриотических чувств и способствовать более осознанному, критическому его взгляду на патриотизм. Тогда как авторитарность в воспитательном процессе, наоборот, свидетельствует о наличии дефицита определённых личностных и средовых ресурсов родителя и способствует развитию слепого патриотизма у подростка, укрепляя его самооценку через усиление связи с более крупной, мощной социальной группой – нацией, построенной на принципе «свои-чужие». При этом индивидуально-личностные свойства подростка также связаны с его выбором в пользу того или иного типа патриотизма, например, для подростка, чей выбор падает на патрио-

тизм, ориентированный на развитие (на основе конструктивной критики), характерна выраженная экстраверсия, спонтанность и ригидность в качестве ведущих свойств личности, тогда как подростку, который выбирает патриотизм, основанный на национальном консерватизме, – тревожность как основное свойство личности. Кроме того, социальный статус подростка также определённым образом связан с желаемым типом патриотизма: для лиц с высоким и средним социальным статусом – характерен конструктивный патриотизм, тогда как для «аутсайдеров» присущ патриотизм, в ос-

нове которого лежит национальный консерватизм.

Однако остаётся открытым вопрос касательно возможных конфликтов между различными смысловыми категориями и слагаемыми патриотизма как компонента социально-психологической реальности индивида, например, между национализмом и космополитизмом. Вместе с тем, важно помнить, что патриотические убеждения и ценности не должны противоречить принципам равенства и уважения. Лишь в этом случае можно достичь истинного единства и понимания внутри общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочарников И. В. Патриотизм современной российской молодёжи: концептуальные основания и технологии воспитания. М.: Альфа-М, 2013. 144 с.
2. Гордякова О. В., Лебедев А. Н. Чувство патриотизма и типы патриотического поведения молодых граждан России // Психологические и психоаналитические исследования: ежегодник. 2017. С. 307–327.
3. Григорьев Д. С. От патриотизма к политическому тоталитаризму: роль коллективного нарциссизма // Национальный психологический журнал. 2020. №3 (39). С. 48–60. DOI: 10.11621/npj.2020.0404.
4. Григорьева Е. В., Хакимова Н. Р., Левченко А. П. Патриотизм и тип ценностных ориентаций личности студентов вуза // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2017. №4 (28). С. 201–208.
5. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016. Т. 37. №3. С. 88–98.
6. Игнатенко А. Н., Сакун С. А. Патриотизм истинный и псевдопатриотизм // Инновационная наука. 2022. №2-1. С. 64–68.
7. Ипполитова Н. В., Качалова Л. П., Перерва О. Ю. Профессиональный патриотизм в структуре общей его классификации // Мир науки, культуры, образования. 2022. №2 (93). С. 209–212. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-293-209-212.
8. Кравченко В. А. Патриотизм как одна из форм самоидентификации личности в России // Культурная жизнь Юга России. 2015. №4 (59). С. 42–46.
9. Лимонцева Г. В. Взаимосвязь ценности патриотизма с личностными характеристиками студенческой молодёжи // Baikal Research Journal. 2017. №3. URL: <http://brj-bguer.ru> (дата обращения: 02.05.2024).
10. Потёмкин А. В. Социально-психологические факторы становления патриотизма в процессе социализации личности // Сибирский педагогический журнал. 2009. №1. С. 242–248.
11. Семенкова С. Н. Влияние психологических факторов на проявление патриотизма // Актуальные вопросы современной науки. 2015. №42. С. 139–148.

12. Шнейдер Л. Б. Аттitudes патриотизма в оценке желания и возможности отъезда из своей страны: кросс-культурное исследование // Актуальные проблемы психологического знания. 2018. №3. С. 101–112.
13. Юревич А. В. Психологическая многогранность патриотизма // Психологический журнал. 2018. №6 (39). С. 86–94.
14. Calhoun C. J. Imagining Solidarity: Cosmopolitanism, Constitutional Patriotism, and the Public Sphere // Public Culture. 2002. №14 (1). P. 147–171. DOI: <https://doi.org/10.1215/08992363-14-1-147>.
15. Cichocka A., Cislak A. Nationalism as collective narcissism // Current Opinion in Behavioral Sciences. 2020. №34. P. 69–74. DOI: 10.1016/j.cobeha.2019.12.013.
16. Golec de Zavala A., Federico C. M., Sedikides C. Low self-esteem predicts out-group derogation via collective narcissism, but this relationship is obscured by in-group satisfaction // Journal of Personality and Social Psychology. 2020. №119 (3). P. 741–764. DOI: 10.1037/pspp0000260.
17. Huddy L., Khatib N. American patriotism, national identity, and political involvement // American Journal of Political Science. 2007. №1 (51). P. 63–77.
18. Livi S., Leone L., Falgares G., Lombardo F. Values, Ideological Attitudes and Patriotism // Personality and Individual Differences. 2014. №64. P. 141–146.
19. Papastephanou M. Inward and outward patriotism // Review of European Studies. 2013. №5. P. 20–32. DOI: <https://doi.org/10.5539/res.v5n2p20>.
20. Schatz R.T. A review and integration of research on blind and constructive patriotism // Handbook of Patriotism. 2020. P. 613–633. DOI: 10.1007/978-3-319-54484-7_30.
21. Westheimer J. Politics and Patriotism in Education // Phi Delta Kappan. 2006. №87 (8). P. 608–620. DOI: <https://doi.org/10.1177/003172170608700817>.

REFERENCES

1. Bocharnikov I. V. *Patriotizm sovremennoj rossijskoj molodyozhi: konceptual'nye osnovaniya i tekhnologii vospitaniya* [Patriotism of modern Russian youth: conceptual foundations and education technologies]. Moscow, Al'fa-M Publ., 2013. 144 p.
2. Gordyakova O. V., Lebedev A. N. [Feeling of patriotism and typical patriotic behavior of young citizens of Russia]. In: *Psihologicheskie i psihoanaliticheskie issledovaniya: ezhegodnik* [Psychological and psychoanalytic studies: yearbook], 2017, pp. 307–327.
3. Grigoryev D. S. [From patriotism to political totalitarianism: the role of collective narcissism]. In: *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [National Psychological Journal], 2020, no. 3 (39), pp. 48–60. DOI: 10.11621/npj.2020.0404.
4. Grigoreva E. V., Khakimova N. R., Levchenko A. P. [Patriotism and the person's value orientations type of higher education institution's undergraduates]. In: *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom* [Professional education in Russia and abroad], 2017, no. 4 (28), pp. 201–208.
5. Zhuravlev A. L., Yurevich A. V. [Patriotism as an object of study in psychological science]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2016, vol. 37, no. 3, pp. 88–98.
6. Ignatenko A. N., Sakun S. A. [True patriotism and pseudo-patriotism]. In: *Innovacionnaya nauka* [Innovative science], 2022, no. 2-1, pp. 64–68.
7. Ippolitova N. V., Kachalova L. P., Pererva O. Yu. [Professional patriotism in the structure of its general classification]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture, Education], 2022, no. 2 (93), pp. 209–212. DOI: 10.24412/1991- 5497-2022-293-209-212.

8. Kravchenko V. A. [Patriotism as one of personal self-identification forms in Russia]. In: *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii* [Cultural Life of the South of Russia], 2015, no. 4 (59), pp. 42–46.
9. Limontseva G. V. [Interrelation of patriotism value with personal characteristics of student youth]. In: *Baikal Research Journal*, 2017, no. 3. Available at: <http://brj-bgupep.ru> (accessed: 02.05.2024).
10. Potyomkin A. V. [Social and psychological reasons for the formation of patriotism in the process of personality socialization]. In: *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal* [Siberian pedagogical journal], 2009, no. 1, pp. 242–248.
11. Semenkov S. N. [Psychological factors on external patriotism]. In: *Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki* [Actual issues of modern science], 2015, no. 42, pp. 139–148.
12. Schneider L. B. [Attitudes of patriotism in the assessment of desire and a possibility of departure from the country: cross-cultural study]. In: *Aktual'nye problemy psichologicheskogo znaniya* [Actual problems of psychological knowledge], 2018, no. 3, pp. 101–112.
13. Yurevich A. V. [Psychological versatility of patriotism]. In: *Psichologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2018, no. 6 (39), pp. 86–94.
14. Calhoun C. J. Imagining Solidarity: Cosmopolitanism, Constitutional Patriotism, and the Public Sphere. In: *Public Culture*, 2002, no. 14 (1), pp. 147–171. DOI: <https://doi.org/10.1215/08992363-14-1-147>.
15. Cichocka A., Cislak A. Nationalism as collective narcissism. In: *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 2020, no. 34, pp. 69–74. DOI: 10.1016/j.cobeha.2019.12.013.
16. Golec de Zavala A., Federico C. M., Sedikides C. Low self-esteem predicts out-group derogation via collective narcissism, but this relationship is obscured by in-group satisfaction. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 2020, no. 119 (3), pp. 741–764. DOI: 10.1037/pspp0000260.
17. Huddy L., Khatib N. American patriotism, national identity, and political involvement. In: *American Journal of Political Science*, no. 2007, no. 1 (51), pp. 63–77.
18. Livi S., Leone L., Falgares G., Lombardo F. Values, Ideological Attitudes and Patriotism. In: *Personality and Individual Differences*, 2014, no. 64, pp. 141–146.
19. Papastephanou M. Inward and outward patriotism. In: *Review of European Studies*, 2013, no. 5, p. 20–32. DOI: <https://doi.org/10.5539/res.v5n2p20>.
20. Schatz R. T. A review and integration of research on blind and constructive patriotism. In: *Handbook of Patriotism*, 2020, pp. 613–633. DOI: 10.1007/978-3-319-54484-7_30.
21. Westheimer J. Politics and Patriotism in Education. In: *Phi Delta Kappan*, 2006, no. 87 (8), pp. 608–620. DOI: <https://doi.org/10.1177/003172170608700817>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нурмухаметов Эрнест Альбертович – кандидат психологических наук, психолог Координационного центра Уфимского университета науки и технологий (УУНИТ);
e-mail: misall@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2880-1275

Нурмухаметова Ирина Фасхутовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии высшей школы психологии и педагогики института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий;
e-mail: if44@bk.ru; ORCID: 0000-0003-2029-618X4

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ernest. A. Nurmukhametov – Cand. Sci. (Psychology), psychologist, Coordination center of Ufa University of Science and Technology;

e-mail: misall@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2880-1275;

Irina F. Nurmukhametova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of General Psychology, Higher School of Psychology and Pedagogy, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology;

e-mail: if44@bk.ru; ORCID: 0000-0003-2029-618X4

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 316.6

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-82-96

ОСОБЕННОСТИ КОМПОНЕНТОВ УСТАНОВОК ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СОТРУДНИКОВ С РАЗНЫМ СТАЖЕМ

Кузнецова Д. А.

*Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний
Российской Федерации; 160002, Вологодская область, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2.,
Российская Федерация; e-mail: d_dobrova@mail.ru*

Поступила в редакцию 03.07.2024

После доработки 09.07.2024

Принята к публикации 28.07.2024

Аннотация

Цель. Целью статьи является описание исследования особенностей эмоционального и когнитивного компонентов установок по отношению к профессиональной деятельности, деструктивных установок у сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) с различным стажем.

Процедура и методы. В статье проанализированы подходы к определению установок, приведены результаты собственного исследования. При проведении исследования использованы методы опроса, сравнения, проективный метод (методика «Незаконченные предложения»), методы интерпретации результатов и статистического анализа.

Результаты. Установлено восприятие сотрудниками УИС вне зависимости от стажа среды учреждений как недеструктивной. Выявлено отрицательное отношение к профессии у 25% сотрудников. Обозначено, что с увеличением стажа несколько снижается мотивация деятельности, сотрудники со стажем от 3 до 5 лет ориентированы на успех в служебной деятельности, стремятся к саморазвитию и построению карьеры, в отличие от сотрудников со стажем службы от 10 и более лет, характеризующихся стремлением к выходу на пенсию. Сотрудники с меньшим стажем демонстрируют больше отрицательных установок по отношению к руководству и к осуждённым.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обозначена проблема отрицательного отношения к профессии у сотрудников УИС, описаны различия в установках в зависимости от профессионального стажа, представлены практические рекомендации по результатам исследования.

Ключевые слова: профессиональные деструкции, профессиональный стаж, сотрудники, установка, установка по отношению к профессиональной деятельности

Для цитирования: Кузнецова Д. А. Особенности компонентов установок по отношению к профессиональной деятельности у сотрудников с разным стажем // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. №4. С. 82–96. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-82-96

Original Research Article

FEATURES OF COMPONENTS OF ATTITUDES TOWARDS PROFESSIONAL ACTIVITIES IN EMPLOYEES WITH DIFFERENT LEVELS OF EXPERIENCE

D. Kuznetsova

Vologda Institute of Law and Economics; ul. Schetinina. 2, Vologda region, 160002, Vologda, Russian Federation; e-mail: d_dobrova@mail.ru

Received by the editorial office 03.07.2024

Revised by the author 09.07.2024

Accepted for publication 28.07.2024

Abstract

Aim. The purpose of the article is to describe the study of the characteristics of the emotional and cognitive component of attitudes in relation to professional activity, destructive attitudes among employees of the penal system (penal system) with various lengths of experience.

Procedure and methods. The article analyzes approaches to the definition of installations, and presents the results of its own research. The research uses survey methods, comparisons, the projective method (the "Unfinished Sentences" technique), methods of interpreting the results and statistical analysis.

Results. The perception of the penal system staff, regardless of the length of service, of the environment of institutions as non-destructive has been established. A negative attitude towards the profession was revealed in 25% of employees. It is indicated that with increasing length of service, the motivation of activity decreases somewhat, employees with experience from 3 to 5 years are focused on success in their professional activities, strive for self-development and career building, unlike employees with service experience of 10 years or more, characterized by a desire for pensions. Employees with less experience demonstrate more negative attitudes towards management and convicts.

Theoretical and/or practical significance. The problem of negative attitude to the profession among penal system staff is outlined, differences in attitudes depending on professional experience are described, practical recommendations based on the results of the study are presented.

Keywords: professional dеструкции, professional experience, employees, installation, installation in relation to professional activity

For citation: Kuznersova D. A. Features of components of attitudes towards professional activities in employees with different levels of experience. In: Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2024, no. 4, pp. 82–96. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-82-96

Введение

В современных психологических исследованиях поднимается проблема обусловленности поведения человека не столько внешними особенностями ситуации, сколько разнообразными внутренними причинами [19], к которым относятся и установки. Когда известны фиксированные установки человека, можно с большей долей уверенности предсказать поведение, которое им будет осуществлено. Именно это придаёт установкам большое значение для понимания активности личности.

Понятие «установка» ввёл Г. Спенсер. В книге «Первые принципы» он писал, что правильное суждение по определённому вопросу главным образом зависит от душевной установки, которой мы в большей части придерживаемся при выслушивании противоположного мнения. От сохранности этой правильной установки зависит направление нашего рассуждения, с её помощью мы различаем ложь и истину. По мнению Г. Спенсера, установка выражает ту позицию человека, которую он занимает при рассмотрении определённого вопроса, и на основе которой чувствует и переживает приемлемость и неприемлемость данного положения [12, с. 150].

Д. Кэмпбелл рассматривал социальную установку как последовательность, синдром устойчивости реакции на социальные объекты [18, с. 102]. Д. Катц под социальной установкой понимал предрасположенность индивида к оценке какого-либо субъекта,

его символа или аспекта (его мира) как положительного или отрицательного [1]. При этом социальная установка содержит аффективный (эмоциональный), когнитивный и поведенческий компоненты [2].

Деятельность сотрудника уголовно-исполнительной системы протекает в условиях повышенной опасности и экстремальности. Она регулируется нормативно-правовыми документами, требует специальной физической и профессиональной подготовки. Ряд авторов подчёркивает, что для эффективности выполнения служебных задач сотруднику важно иметь высокий уровень профессиональной готовности, включающий личностно-деятельностный, когнитивный и мотивационно-ценностный компоненты [11], быть психологически готовым к современным изменениям и вызовам [7; 9; 15], устойчивым к воздействию негативных факторов, обладать высоким уровнем профессионального самосознания [8].

Современные исследования, основанные на необходимости развития пенитенциарной системы и имиджа её сотрудников, рассматривают, например, их личностные особенности и их влияние на деятельность и имидж сотрудников [6], дезадаптивные финансовые установки [3], особенности адаптации и сопровождения молодых сотрудников [5]; но в то же время профессиональные установки сотрудников, которые могут оказывать значительное влияние на их деятельность, недостаточно описаны.

Общая характеристика жизненных перспектив личности соотносится с некоторыми аспектами реализации профессиональных установок [4, с. 335]. Установки относительно профессиональной деятельности можно объединить в три группы: базовые (например, понимание социальной значимости выполняемой работы, добросовестное выполнение своих обязанностей), стабильные личностные установки относительно профессии (связаны с личностными особенностями сотрудников), профессиональные установки, имеющие непосредственное отношение к реализуемой деятельности (для сотрудников УИС это могут быть, например, безопасность профессиональной деятельности, строгое следование приказам и инструкциям) [14, с. 2]. При этом важно формирование этих установок на всех этапах профессионализации [10].

Изучение деструктивных установок в профессиональной деятельности сотрудников УИС показывает, что они могут проявляться как в нарушении исполнения профессиональных обязанностей по должности, так и в виктимизации поведения [13]. Так, по данным исследований 423 сотрудников пенитенциарной системы, был выявлен ряд установок, характерных для сотрудников, имеющих признаки профессиональных деструкций: авторитет – главная цель в жизни; я – особенный человек; страшнее всего в жизни – попасть в неловкое положение; доверять людям нельзя ни при каких обстоятельствах [16, с. 245].

В то же время подробное описание позитивных и негативных профессиональных установок сотрудников УИС в литературе отсутствует. В зависимо-

сти от служебного срока наблюдаются некоторые личностные изменения сотрудников. Чаще всего это происходит на этапах от 3 до 5 лет, от 5 до 10 и выше 10 лет.

Исследование установок по отношению к профессиональной деятельности

С целью изучения особенностей установок по отношению к профессиональной деятельности у сотрудников уголовно-исполнительной системы с различным стажем под нашим руководством А. А. Рожкиной было организовано исследование, в котором участвовало 50 человек (из числа сотрудников исправительного учреждения). Были сформированы две группы по 25 человек (мужчины в возрасте 25–45 лет), в первую из которых были включены сотрудники со стажем службы от 3 до 5 лет, во вторую группу – сотрудники со стажем от 10 и более лет.

В данной статье описывается результат диагностики установок с помощью методик «Незаконченные предложения» и «Тест диагностики профессиональных деструкций личности сотрудников пенитенциарной системы (тест ПДЛП)» А. В. Болдырева, Т. А. Болдыревой. С помощью методики «Незаконченные предложения», сконструированной на основе методики Сакса-Леви, анализировались эмоциональная и когнитивная составляющие профессиональных установок. Тест ПДЛП позволяет выявить наличие деструктивных установок у сотрудников.

При конструировании незаконченных предложений изучались несколько категорий: отношение к вышестоящему руководству, к коллективу, к

осуждённым, нереализованные возможности, отношение к будущему, к профессии. Математическая обработка данных с помощью критерия Фишера не выявила статистически значимых различий в распределении ответов в данных категориях сотрудников с различным стажем, но тем не менее качественные различия наблюдаются. Рассмотрим их подробнее. Все завершения предложений были распределены по характеристике эмоций на позитивные, нейтральные и отрицательные, что показывает различия установок по отношению к профессиональной деятельности. В таблице приведены показатели эмоциональной составляющей установок сотрудников с разным стажем.

Далее рассмотрим по выделенным категориям как характеристику эмоциональной составляющей уста-

новок сотрудников УИС с разным стажем, так и их когнитивное наполнение, представленное в ответах теста «Незаконченные предложения».

Сотрудники на разных этапах прохождения службы определяют отношение к руководству с трёх сторон. Сотрудники на этапе прохождения службы от 3 до 5 лет с позитивной стороны отмечают, что руководство: «верит в меня», «всегда поможет», «моя опора», «понимающее», «грамотное», «хорошее», «разумное». При взаимодействии с руководством сотрудники чувствуют себя спокойно и уверенно. С негативной стороны отмечают: «безразличие руководства к окружающим», «малокомпетентное», «несправедливое». При взаимодействии возникает «страх», «растерянность». С нейтральной позиции определяют руководство – как «нормальное», «офицеры». При

Таблица 1 / Table 1

Эмоциональный компонент профессиональных установок у сотрудников с разным стажем (%) / The emotional component of professional attitudes among employees with different experience (%)

Категории теста	Сотрудники со стажем 3-5 лет			Сотрудники со стажем более 10 лет		
	позитивные установки (%)	нейтральные установки (%)	отрицательные установки (%)	позитивные установки (%)	нейтральные установки (%)	отрицательные установки (%)
отношение к вышестоящему руководству	60	22	18	76	9	6
отношение к коллективу	85	8	7	80	15	5
отношение к осужденным	47	17	18	54	10	13
нереализованные возможности	76	20	1	76	12	1
отношение к будущему	88	0	8	81	4	4
отношение к профессии	20	51	29	19	57	24

Источник: составлено автором.

взаимодействии личный состав «приветствует его», «докладывает о наличии, либо отсутствии происшествий» и «вспоминает обязанности».

Сотрудники со стажем службы от 10 и более лет определяют руководство с позитивной стороны как: «грамотное», «стабильное», «гуманное», «справедливое», «требовательно относящееся к исполнению должностных обязанностей», «пользующееся авторитетом». При взаимодействии сотрудники чувствуют себя «уверенно» и «спокойно». С негативной стороны сотрудники считают руководство «малокомпетентным». При взаимодействии испытывают «волнение». Нейтральную позицию занимают сотрудники, которые считают своё руководство «нормальным», «прямым начальством». При взаимодействии «приветствуют руководство».

Несмотря на отсутствие статистически значимых различий между группами, число сотрудников, высказывающих позитивное отношение к руководству, выше в группе сотрудников с большим стажем, что говорит об их принятии вышестоящих лиц, стабильном взаимодействии с ними. При этом 18% сотрудников со стажем от 3 до 5 лет демонстрируют негативные высказывания в отношении к руководству, испытывают отрицательные эмоции при взаимодействии, что может быть связано с непринятием некоторых требований руководства и может приводить к снижению эффективности в служебной деятельности.

Анализ завершения предложений, содержащих отношение к коллективу, показывает, что 85% сотрудников на этапе прохождения службы от 3 до 5 лет отношение к коллективу определя-

ют с позитивной стороны, коллектив для них это – «опора», «поддержка» и «взаимопомощь». Обстановку в коллективе сотрудники со стажем от 3 до 5 лет описывают, как с позитивной стороны – «дружелюбная», «ровная», «понимающая», так и с негативной – «удовлетворительная», «нестабильная», «не самая лучшая». Нейтральную позицию занимают такие понятия, как «неоднозначная», «разная» обстановка. Сотрудники, находясь в коллективе, «чувствуют себя его частью». Также они обозначают «уверенность», «спокойствие» и «комфорт в среде». И считают важным – «быть нужными окружающим» и ощущать себя в коллективе, как «рыба в воде». Сотрудники отмечают, что им комфортно работать с людьми, которые «трудолюбивы» и «ответственны», «готовы дать обратную связь», «заинтересованы в работе», «с пониманием относятся к своим должностным обязанностям», «держат своё слово», «задают мало вопросов». Чувство юмора считают немаловажным элементом в деятельности.

Сотрудники со стажем службы от 10 и более лет в понятие «коллектив» вкладывают: «ответственность», «надёжность», «доброжелательность», «общительность», «добросовестность». Обстановку в коллективе описывают с позитивной стороны такими эпитетами, как «серьёзная», «спокойная», «рабочая». С негативной как «удовлетворительная». Находясь в коллективе, сотрудники чувствуют себя «непринуждённо», «свободно», «уверенно» и «спокойно». Ответы сотрудников показывают, что они готовы работать с людьми, которые «понимают, что от них требуется», «трудолюбивые», «ответственные», «исполнительные», «до-

бросовестные», «имеют собственное мнение».

Несмотря на то, что отсутствуют статистически значимые различия между экспериментальными группами, количество позитивных высказываний по отношению к коллективу у сотрудников на этапе прохождения службы от 3 до 5 лет превышает на 5% количество позитивных высказываний сотрудников со стажем службы от 10 и более лет. Это может свидетельствовать о сплочённости коллектива, наличии единого командного духа, более гибком взаимодействии с коллективом и большей ориентацией на его требования тех сотрудников, чей стаж работы меньше. Возможно, сотрудники со стажем работы более 10 лет в связи с большим опытом деятельности меньше зависят от коллектива и более ориентированы на свою профессиональную деятельность.

Сотрудники на разных этапах прохождения службы отношение к осуждённым определяют с трёх сторон. Сотрудники на этапе прохождения службы от 3 до 5 лет отношение к осуждённым отмечают с позитивной стороны: в общении сотрудники проявляют «тактичность», «корректность» и «вежливость», «стремятся сохранять спокойствие». Осуждённых они характеризуют как «сожалеющих о содеянном», «оступившихся». Негативным аспектом выступают такие характеристики осуждённых, как «плохие», «лживые», «несчастные», «неадекватные». При работе с осуждёнными сотрудники отмечают их «исполнительность», «добросовестность», «хитрость» и «уважение».

Сотрудники на этапе от 10 и более лет выделяют такие характеристики

осуждённых, как «дисциплинированные», «спокойные», «понимающие», «управляемые». Негативной стороной выступают такие определения осуждённых, как «нехорошие люди», «тяжёлые на характер». В общении с осуждёнными сотрудники «вежливы», «требовательны», «доброжелательны», «корректны», «компетентны», «внимательны», «сдержаны». При выполнении поручений осуждённые проявляют добросовестность.

Несмотря на отсутствие статистически значимых различий между группами, число сотрудников, высказывающих отрицательное отношение к осуждённым, выше в группе сотрудников со стажем службы от 3 до 5 лет, что может говорить о постоянном психологическом давлении со стороны осуждённых, попытках нарушения режима содержания в связи с неопытностью данных сотрудников. Им приходится всегда быть «на чеку» и пресекать постоянные попытки манипуляций. 54,7% сотрудников с большим стажем демонстрируют позитивные высказывания в отношении осуждённых, что может быть связано с адаптацией к исправительному учреждению, накоплением профессионального опыта. Сотрудники уже не проявляют растерянность, беспомощность. Они умеют контролировать свои действия и поведение, стараются сохранять за собой ведущее положение в процессе взаимодействия с осуждёнными.

Сотрудники на этапе прохождения службы от 3 до 5 лет к нереализованным возможностям относят: «карьерный рост», «саморазвитие», «стабильность», «достижение высоких результатов в деятельности». С нейтральной стороны отмечают «пенсию».

На этапе от 10 и более лет сотрудники стремятся к «финансовому благополучию», «саморазвитию», «индивидуальной деятельности», «повышению в должности». Сотрудники отмечают, что хотели бы в жизни больше всего, чтобы были здоровы их близкие и родные. Незначительная часть отмечает следующие пожелания: «спокойствия», «самоудовлетворения», «стабильности», «больше времени проводить в кругу семьи», «долголетия», «мира». Нейтральную сторону занимают сотрудники, которые «хотят выспаться и отдохнуть», «жить у моря», «пенсии».

Таким образом, сотрудники со стажем от 3 до 5 лет ориентированы на успех в служебной деятельности и активное стремление к карьерному росту и саморазвитию, в отличие от сотрудников со стажем службы от 10 и более лет, которые стремятся только к материальному благополучию. Центральным звеном у них вступают семейные ценности.

Отметим, что 10,6% сотрудников со стажем службы от 10 и более лет не дали ответ на предложенные утверждения, что может быть связано с физическим утомлением, снижением удовлетворения исполнением работы, негативными психологическими переживаниями, ежедневным эмоциональным напряжением, нежеланием прилагать усилия для улучшения своей жизни. 20% сотрудников на этапе прохождения службы от 3 до 5 лет высказали нейтральное отношение к нереализованным возможностям, что может свидетельствовать о негативных переживаниях по этому поводу (неудовлетворённость профессиональной деятельностью, неслаженность коллектива и т. д.) либо о способе ухода от ответа.

Сотрудники на разных этапах прохождения службы отношение к будущему определяют с трёх сторон. Сотрудники на этапе прохождения службы от 3 до 5 лет отношение к будущему отмечают с позитивной стороны: будущее они видят «перспективным», «светлым», «радужным», «оптимистичным», «счастливым», «надёжным». С негативной стороны отмечают как «сложное» и «туманное». Целью дальнейшей службы выступает «пенсия». Это может быть связано с неудовлетворённостью в профессиональной сфере.

Сотрудники со стажем службы от 10 и более лет считают будущее «радужным», «перспективным». Главной целью служит «выслуга лет» и «пенсия». Таким образом, можно сделать вывод, что сотрудники на разных этапах прохождения службы видят своё будущее «светлым» и «перспективным». А целью дальнейшего прохождения службы они считают «пенсию».

Несмотря на отсутствие статистически значимых различий между группами, число сотрудников, высказывающих позитивное отношение к будущему, выше в группе сотрудников со стажем службы от 3 до 5 лет, что приводит к повышению эффективности служебной деятельности. Доверяя себе, веря в свою успешность и уникальность, сотрудники начинают совершать меньше ошибок. 10,6% сотрудников с большим стажем не ответили на утверждения, связанные с отношением к будущему, что может свидетельствовать об эмоциональном выгорании, отсутствии чётких перспектив после окончания службы, стремлении избежать размышлений на данную тему.

Свою профессию сотрудники со стажем службы от 3 до 5 лет характеризуют такими понятиями, как «ответственность», «гордость», «честь», «почёт». Обстановку в учреждении характеризуют такими эпитетами как «удовлетворительная», «сложная, но управляемая». Важным выступает тот факт, что сотрудники стремятся выполнять свою работу «качественно» и «в срок». Также сотрудники отмечают, что очень часто «задерживаются на работе». Причиной служит «неслаженная работа коллектива» и «желание руководства».

Сотрудники со стажем 10 и более лет описывают свою профессию, как «ответственную», «стабильную», «дающую уверенность в завтрашнем дне», «позволяющую гордиться». Обстановку в пенитенциарной среде считают «удовлетворительной». Также сотрудники отмечают частые задержки на работе.

Немаловажным является факт, что ¼ часть сотрудников на различных этапах прохождения службы демонстрирует отрицательное отношение к профессии; возможно, это обусловлено тем, что работа в УИС является экстремальной и весьма специфической. Также на это могли повлиять неприязнь общества к подобным работодателям, закрытость профессиональной деятельности, недоступность для других, постоянная нервная напряжённость, работа с лицами, преступившими уголовный закон, пикирующими нормы общечеловеческой морали. Кроме того, общение с осужденными способствует развитию у сотрудников различных проявлений пенитенциарной девиантности и профессионально-нравственной дефор-

мации личности. Плохое медицинское обслуживание, отсутствие возможности получения жилья, невозможность проявления инициативы, её наказуемость, отсутствие свободного времени, неверное распределение функциональных обязанностей между отделами и службами, в связи с этим и низкая организация взаимодействия между подразделениями – всё это приводит к негативным высказываниям и отрицательным установкам по отношению к профессиональной деятельности.

Многие сотрудники не ответили на предложенные утверждения. Данное обстоятельство указывает на проблематичность вопроса для работников уголовно-исполнительной системы. Не исключено, что некоторые просто не задумываются над такими вопросами или не хотят открыто их обсуждать.

Таким образом, сотрудники на разных этапах прохождения службы считают свою профессиональную деятельность престижной. Они отмечают в работе как положительные, так и отрицательные моменты. Среди позитива выделены: престижность, гордость, стабильность. Негативным считается: постоянная нервная напряжённость, частые задержки на работе и др.

Далее перейдём к рассмотрению результатов «Теста диагностики профессиональных деструкций личности сотрудников пенитенциарной системы тест ПДЛП) А. В. Болдырева, Т. А. Болдыревой.

Анализ эмпирических данных позволяет отметить, что 100% испытуемых первой экспериментальной группы представляют среду учреждения, в которой они реализуют свою профессиональную деятельность, неде-

структивной. Это может быть связано с удовлетворённостью качеством жизни, состоянием здоровья и благополучием. В большей степени у данной категории преобладает жизненная активность, энергия, бодрость, а также наличие высокого уровня энтузиазма и выносливости, с которыми они выполняют поставленные задачи служебной деятельности.

В этот период службы сотрудники ориентированы на социальное окружение и дальнейшее самоутверждение в нём, следовательно, они стараются быть более расчётливыми, дипломатичными, социально проницательными, ответственными, стремятся к соблюдению общепринятых норм поведения. Также группа сотрудников от 3 до 5 лет нацелена на реализацию лидерских качеств, самостоятельность, независимость в принятии решений и отстаивание собственной точки зрения.

Деструктивные установки по отношению к профессиональной деятельности у сотрудников на данном этапе не выявлены. Данная категория отличается высокой мотивацией, что свидетельствует о проявлении такой позитивной установки, как вовлечённость в трудовой процесс. Сотрудники отдаются работе в полной мере, воспринимают её как существенную часть своей жизни. Лица, увлечённые своей деятельностью, характеризуются высокими этическими принципами, уверены в себе, стремятся к саморазвитию, карьерному росту и участию в принятии сложных решений. Работа в уголовно-исполнительной системе привлекает своей четкостью и дисциплинированностью. Сотрудников устраивает уровень дохода, условия

труда. Взаимоотношения в коллективе и с начальником учреждения налажены. Такие сотрудники понимают, что их деятельность необходима, и они делают нужное дело.

Затем, обратим внимание на результаты теста диагностики профессиональных деструкций личности сотрудников пенитенциарной системы тест (ПДЛП) А. В. Болдырева, Т. А. Болдыревой сотрудников со стажем службы более 10 лет.

Во второй группе 88% испытуемых представляют пенитенциарную среду, в которой они реализуют свою профессиональную деятельность, не деструктивной. Данная категория, обладая значительным профессиональным опытом, предъявляет высокие требования к выполняемой роли профессионала и воспринимает свою деятельность как жизненную ценность. Для них важна стабильность, они независимы и настойчивы в выборе своего пути, ориентированы на собственное мнение.

В то же время 12% респондентов на данном этапе представляют пенитенциарную среду деструктивной. Это может быть связано с возрастанием проблем со здоровьем, психофизиологическими изменениями, снижением жизненной активности и чувством усталости, неудовлетворённостью своим профессиональным статусом, уменьшением способности видеть позитивное вокруг. Возможно, у сотрудников есть ощущение того, что руководители недооценивают их достижения, не предоставляют им возможности для карьерного роста. В связи с большой текучестью кадров в учреждении на сотрудников с большим опытом ложится огромная нагрузка,

поэтому они с нежеланием идут на работу и ждут скорейшего окончания рабочего дня, ожидают выход на пенсию. Процесс труда у данной категории уходит на второй план, а доминирующими выступают семейные ценности. Выявлено, что мотивация у сотрудников с увеличением стажа службы несколько снижается, а также уменьшается удовлетворённость уровнем дохода, теряется уверенность в себе. Снижается возможность для приобретения новой информации. Сотрудники демонстрируют проявление негативных чувств при малейшем возбуждении, становятся очень импульсивными, их легко задеть.

Деструктивные установки по отношению к профессиональной деятельности у сотрудников на данном этапе выявлены частично. Для этой категории характерны такие проявления, как низкая мотивация к служебной деятельности; уменьшение уверенности в себе, доброжелательности и позитивного эмоционального отношения ко всем людям. При этом у сотрудников повышаются агрессивность, раздражительность, негативизм, подозрительность. По отношению к деятельности данная категория руководствуется следующими установками: на работу идут «с нежеланием», «с чувством долга»; свою профессию считают «вынужденной мерой», «нелёгким выбором», «ответственной» и «стабильной».

Мы провели статистическую обработку результатов для сравнения установок сотрудников с различным стажем службы, используя непараметрический критерий Манна-Уитни, можно отметить отсутствие значимых различий между испытуемыми экспериментальных групп.

Заключение

Установлено, что сотрудники УИС на разных этапах прохождения службы воспринимают среду учреждения, в которой они реализуют свою деятельность, недеструктивной. Выявлено, что мотивация у сотрудников с увеличением стажа службы несколько снижается. Основным критерием выступает «дослужить до пенсии», «стабильная и спокойная деятельность», «консерватизм в работе». Также доминирующими установками выступают семейные интересы и ориентация на построение карьеры.

В результате эмпирического исследования установлено, что сотрудники со стажем от 3 до 5 лет ориентированы на успех в служебной деятельности, стремятся к саморазвитию и построению карьеры, в отличие от сотрудников со стажем службы от 10 и более лет, характеризующихся стремлением к пенсии. Центральным звеном у них выступают семейные интересы.

Также нельзя оставить без внимания то, что $\frac{1}{4}$ часть сотрудников с разным стажем имеют отрицательное отношение к профессии, что свидетельствует об экстремальности служебной деятельности, негативных установках в отношении профессии.

С учётом результатов эмпирического исследования сформулированы практические рекомендации по оптимизации установок по отношению к профессиональной деятельности в следующих направлениях:

1. Психокоррекционное. Для сотрудников на этапе прохождения службы от 3 до 5 лет характерно отрицательное отношение к осуждённым, поэтому психокоррекционная работа

должна быть направлена на коррекцию негативного отношения к лицам, преступившим закон. Часть сотрудников независимо от этапа прохождения службы проявляет отрицательное отношение к профессиональной деятельности, поэтому психокоррекцию следует направить на формирование позитивного отношения к профессии.

2. Просветительское. В рамках данного направления особое внимание следует акцентировать на понимание сотрудниками таких психологических когний, как установки в отношении профессиональной деятельности, профессиональная деформация, эмоциональное выгорание, их взаимосвязь со спецификой служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системе. Особое внимание в рамках проводимых просветительских занятий следует уделять рассмотрению психокоррекционных и психотерапевтических технологий, направленных на формирование благоприятного отношения к профессиональной деятельности, которые могут использоваться сотрудниками самостоятельно.

В данной статье проанализированы когнитивная и эмоциональная составляющие профессиональных установок сотрудников УИС, при этом дальней-

шее изучение проблемы является перспективным: анализ поведенческой составляющей установок, процесса их формирования на разных этапах службы, коррекции деструктивных установок по отношению к профессиональной деятельности.

Важно отметить, что формирование психологических установок очень длительный процесс, требующий переосмысления, анализа, саморазвития, умения посмотреть на жизненные обстоятельства с разных позиций, связанный с определённым уровнем самодиагностики человека [17; 20].

Отсутствие негативных установок в отношении профессиональной деятельности, профессиональной деформации и эффективная мотивация служебной деятельности сотрудников УИС являются важными элементами процесса эффективного управления этой системой. Необходимо обращать внимание на формирование позитивного отношения как к самой деятельности, так и к лицам, с которыми происходит взаимодействие сотрудника. Сопровождение сотрудников с учётом их стажа является основой для формирования и поддержания их позитивных социальных установок в профессиональной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотова В. А. Концептуально-семантический подход к понятию «Установка» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. №9. URL: <http://www.publikacia.net> (дата обращения: 03.07.2024).
2. Гордеева С. С. Сущность и структура социальной установки в социологии и социальной психологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. №3 (27). С. 135–140. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-135-140.
3. Гриднева А. А., Коваленко Е. С. Психокоррекция дезадаптивных финансовых установок сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации как факторов формирования кредитомании // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. №5. С. 26–36. DOI: 10.51522/2307-0382-2023-252-5-26-36.
4. Гусакова В. Н., Улько Е. В. Профессиональные установки личности в контексте её

- жизненных перспектив // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. №3 (28). С. 332–335. DOI: 10.26140/anip-2019-0803-0086.
5. Канайкина Н. А. Психологическое сопровождение молодого сотрудника в учреждениях УИС // Теория и практика социогуманитарных наук. 2022. №4 (20). С. 64–69.
 6. Коробов Н. В. Психологические особенности сотрудников, факторы, влияющие на личностный имидж сотрудников УИС // Вестник науки. 2023. №5 (62). С. 361–366.
 7. Кротова Д. Н. Психологическая готовность к профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Антропология. 2022. №2 (6). С. 79–82.
 8. Кученев А. В. К вопросу профессионализации правосознания сотрудника ФСИН России // Пенитенциарная наука. 2018. №1 (41). С. 104–110.
 9. Ларионова Л. И. Проблема ресурсного подхода в психолого-педагогической литературе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Т. 6. №6А. С. 50–58.
 10. Пиюкова С. С. Формирование учебно-профессиональных установок курсантов ведомственных вузов // Вестник Самарского юридического института. 2018. №1 (27). С. 119–124.
 11. Полякова Я. Н., Скрипченкова О. В. Оценка профессиональной готовности сотрудников оперативных подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы к служебной деятельности // Ведомости УИС. 2022. №2 (237). С. 40–45. DOI: 10.51522/2307-0382-2022-237-2-40-45.
 12. Пряхина М. В. Социально-психологические установки в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. псих. наук. СПб., 2000. 20 с.
 13. Пузыревский Р.В., Ткаченко Н.И., Бочарова А.О. Проявления деструктивных установок в профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. 2022. №34 С. 378–382.
 14. Самойлик Н. А. Профессиональные ценностные установки сотрудников уголовно-исполнительной системы // Приволжский научный вестник. 2016. №5 (57). С. 2–5.
 15. Ткач Е. В., Кадукова Р. Р., Тавилова Н. Н. Особенности психологической готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к современным изменениям и вызовам // Прикладная юридическая психология. 2023. №3 (64). С. 82–91. DOI: 10.33463/2072-8336.2023.3(64).082-091.
 16. Тхоржевская Л. В., Болдырева Т. А., Болдырев А. В. Прогнозирование профессиональных деструкций личности сотрудников пенитенциарной системы на этапе первичной профессиональной подготовки // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. №2 (151). С. 75–82.
 17. Шацкая Е. А. Роль профессиональной подготовки при формировании психологических установок у сотрудников полиции // Полицейская деятельность. 2023. № 3. С. 45–55. DOI: 10.7256/2454-0692.2023.3.40706.
 18. Шихирев П. Н. Современная социальная психология США. М.: Наука, 1979. 229 с.
 19. Cervone D., Little B. R. Personality architecture and dynamics: The new agenda and what's new about it // Personality and Individual Differences. 2019. №1. P. 12–23. DOI: 10.1016/j.paid.2017.07.001.
 20. Rogers K. R. The necessary and sufficient conditions of therapeutic personality change // Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training. 2007. №44 (3). P. 240–248. DOI: 10.1037/0033-3204.44.3.240.

REFERENCES

1. Bolotova V. A. [Conceptual and semantic approach to the concept of “Attitude”]. In: *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [Actual problems of humanitarian and natural sciences], 2011, no. 9. Available at: <http://www.publikacia.net> (accessed: 03.07.2024).
2. Gordeeva S. S. [The essence and structure of social attitude in sociology and social psychology]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology], 2016, no. 3 (27), pp. 135–140. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-135-140.
3. Gridneva A. A., Kovalenko E. S. [Psychocorrection of maladaptive financial attitudes of employees of the penal system of the Russian Federation as factors in the formation of credit addiction]. In: *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy* [Bulletin of the criminal executive system], 2023, no. 5, pp. 26–36. DOI: 10.51522/2307-0382-2023-252-5-26-36.
4. Guskova V. N., Ulko E. V. [Professional attitudes of an individual in the context of her life prospects]. In: *Azimuth nauchnyh issledovaniy: pedagogika i psihologiya* [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology], 2019, no. 3 (28), pp. 332–335. DOI: 10.26140/anip-2019-0803-0086.
5. Kanajkina N. A. [Psychological support of a young employee in penal institutions]. In: *Teoriya i praktika sociogumanitarnyh nauk* [Theory and practice of social and humanitarian sciences], 2022, no. 4 (20), pp. 64–69.
6. Korobov N. V. [Psychological characteristics of employees, factors influencing the personal image of penal system employees]. In: *Vestnik nauki* [Science Bulletin], 2023, no. 5 (62), pp. 361–366.
7. Krotova D. N. [Psychological readiness for professional activities of penal system employees]. In: *Antropogogika* [Anthropology], 2022, no. 2 (6), pp. 79–82.
8. Kuchenev A. V. [On the issue of professionalization of legal consciousness of the FSIN employee of Russia]. In: *Penitenciarnaya nauka* [Penitentiary Science], 2018, no. 1 (41), pp. 104–110.
9. Larionova L. I. [The Problem of the Resource Approach in Psychological and Pedagogical Literature]. In: *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical and Critical Reviews and Modern Research], 2017, vol. 6, no. 6A, pp. 50–58.
10. Piyukova S. S. [Formation of Educational and Professional Attitudes of Cadets of Departmental Universities]. In: *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the Samara Law Institute], 2018, no. 1 (27), pp. 119–124.
11. Polyakova Ya. N., Skripchenkova O. V. [Assessment of Professional Readiness of Employees of Operational Units of Institutions and Bodies of the Penal System for Official Activities]. In: *Vedomosti UIS. 2022* [Vedomosti UIS], no. 2 (237), pp. 40–45. DOI: 10.51522/2307-0382-2022-237-2-40-45.
12. Pryahina M. V. *Socialno-psihologicheskie ustanovki v professional'noj deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennih del: avtoref. dis. ... kand. psih. nauk* [Social and psychological attitudes in the professional activities of employees of internal affairs bodies: abstract of Cand. Sci. thesis in Pedagogy]. St. Petersburg, 2000. 20 p.
13. Puzyrevskij R. V., Tkachenko N. I., Bocharova A. O. [Manifestations of destructive attitudes in the professional activities of employees of the penal system]. In: *Sovremennye problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya russkogo yazyka v vuze i shkole* [Modern problems of linguistics and methods of teaching the Russian language in universities and schools], 2022, no. 34, pp. 378–382.

14. Samojlik N. A. [Professional value attitudes of employees of the penal system]. In: *Privolzhskij nauchnyj vestnik* [Privolzhsky Scientific Bulletin], 2016, no. 5 (57), pp. 2–5.
15. Tkach E. V., Kadukova R. R., Tavtilova N. N. [Features of psychological readiness of employees of the penal system for modern changes and challenges]. In: *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya* [Applied Legal Psychology], 2023, no. 3 (64), pp. 82–91. DOI: 10.33463/2072-8336.2023.3(64).082-091.
16. Thorzhevskaya L. V., Boldyreva T. A., Boldyrev A. V. [Forecasting professional destructions of the personality of employees of the penitentiary system at the stage of primary professional training]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], 2013, no. 2 (151), pp. 75–82.
17. Shackaya E. A. [The role of professional training in the formation of psychological attitudes among police officers]. In: *Policejskaya deyatel'nost'* [Police activity], 2023, no. 3, pp. 45–55. DOI: 10.7256/2454-0692.2023.3.40706.
18. Shihirev P. N. *Sovremennaya social'naya psihologiya SShA* [Modern social psychology of the USA], Moscow, Nauka Publ., 1979. 229 p.
19. Cervone D., Little B. R. Personality architecture and dynamics: The new agenda and what's new about it // *Personality and Individual Differences*, 2019, no. 1, pp. 12–23. DOI: 10.1016/j.paid.2017.07.001.
20. Rogers K. R. The necessary and sufficient conditions of therapeutic personality change. In: *Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training*, 2007, no. 44 (3), pp. 240–248. DOI: 10.1037/0033-3204.44.3.240.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецова Дарья Анатольевна (Вологда) – кандидат психологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры общей и педагогической психологии факультета психологии и пробации ВИПЭ ФСИН России;
e-mail: d_dobrova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9591-0522

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsova Darya A. (Vologda) – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Senior Lecturer, Department of General and Pedagogical Psychology of Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia;
e-mail: d_dobrova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9591-0522

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

Научная статья

УДК 159.9.07

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-97-109

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ В СИТУАЦИИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Бершедова Л. И., Морозова Т. Ю.

Московский городской педагогический университет, 119261, г. Москва, ул. Панферова, д. 8, к. 2, Российская Федерация; e-mail: morozovatu@mgu.ru

Поступила в редакцию 04.07.2024

После доработки 02.09.2024

Принята к публикации 03.09.2024

Аннотация

Цель данной работы заключается в выявлении особенностей динамических преобразований совладающего поведения в ситуации самоопределения в юношеском возрасте.

Процедура и методы. Использовались методики «Размышление о смысле жизни» (Х. Ниёми), методика Дембо-Рубинштейн (А. М. Прихожан), тест «СЖО» Д. А. Леонтьева, «Способы преодоления критических ситуаций» (Е. Хейм), «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (Н. Эндлер, Дж. Паркер и др.). Применялся программный пакет статистического анализа (SPSS 21.0) и разнообразные методы статистической обработки.

Результаты. Установлено, что характеристики ситуации самоопределения соизмеримы с динамикой совладающего поведения юношей. Динамичность копинг-поведения свидетельствует о формировании более зрелого отношения к ситуации самоопределения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Расширяются научные представления о ситуации самоопределения и динамики совладания. Результаты исследования могут быть использованы в программах психолого-педагогического сопровождения в данный период.

Ключевые слова: событие, ситуация самоопределения, динамика совладающего поведения, юношеский возраст

Для цитирования: Бершедова Л. И., Морозова Т. Ю. Динамические преобразования совладающего поведения в ситуации самоопределения в юношеском возрасте // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. №4. С. 97–109. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-97-109

© СС ВУ Бершедова Л. И., Морозова Т. Ю., 2024.

Original Research Article

DYNAMIC TRANSFORMATIONS OF COPING BEHAVIOR IN THE SITUATION OF SELF-DETERMINATION IN ADOLESCENCE

L. Bershedova, T. Morozova

Moscow City Pedagogical University, ul. Panferova, 8, bld. 2, Moscow, 119261, Russian Federation; e-mail: morozovatu@mgpu.ru

Received by the editorial office 04.07.2024

Revised by the author 02.09.2024

Accepted for publication 03.09.2024

Abstract

Aim. The purpose of this work is to identify the features of dynamic transformations of coping behavior in a situation of self-determination in adolescence.

Methodology. The methods used were «Thinking about the meaning of life» (H. Niemi), the Dembo-Rubinstein method (A. M. Prikhozhan), the test «SZhO» by Leontiev D. A., «Ways to overcome critical situations» (E. Heim), «Coping behavior in stressful situations» (N. Endler, J. Parker, etc.). The statistical analysis software package (SPSS 21.0) and various statistical processing methods were used.

Results. It is established that the characteristics of the situation of self-determination are commensurate with the dynamics of coping behavior of young men. The dynamism of coping behavior indicates the formation of a more mature attitude to the situation of self-determination.

Research implications. Scientific ideas about the situation of self-determination and the dynamics of coping are expanding. The results of the study can be used in programs of psychological and pedagogical support in this period.

Keywords: event, situation of self-determination, dynamics of coping behavior, adolescence

For citation: Bershedova L. I., Morozova T. Yu. Dynamic transformations of coping behavior in the situation of self-determination in adolescence. In: Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2024, no. 4, pp. 97–109. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-97-109

Введение

Современная российская молодёжь вступает во взрослую жизнь в весьма сложных условиях, обозначенных противоречиями общественной и политической среды, масштабным характером инновационных процессов в основных сферах жизнедеятельности, активным реформированием образования и стремительным развитием цифрового пространства и искусственного интеллекта. Эти особенности неустойчивого, постоянно меняющегося мира

в значительной степени обостряют решение непростых задач развития в юношеском возрасте и его основной проблемы – самоопределения, которое признаётся психологами аффективным центром жизненной ситуации молодых людей и определяется ведущим новообразованием этого периода. Объективный, внешне заданный социальный контекст самоопределения в этот период выражает личную значимость и меру судьбоносности данного события. Субъективные особенности

определяются системным комплексом характеристик, поскольку самоопределяться в этой жизненной ситуации, находить качественную определённую молодым людям приходится во многом. Многоплановость юношеского самоопределения масштабна и неизмерима в связи с построением общего замысла последующей жизни.

Действенный план самоопределения разворачивается в юности в соответствии с фазами и содержательной логикой переходного периода от школьного обучения к вузовскому образованию (шире от детства к взрослости), определяющей последовательность решаемых в контексте проблемы задач, способов действий и, в целом, динамику самоопределения [7]. В изменяющихся условиях самоопределения важной характеристикой выступает динамика отдельных его содержательных составляющих.

Как масштабное событие ситуация самоопределения в юности требует от молодых людей особой напряжённой внутренней работы, интрапсихической активности, связанной с выработкой жизненно важных личных решений [4]. Вместе с тем многочисленные данные свидетельствуют, что ситуация самоопределения в этом возрасте сопровождается переживанием и преодолением разного рода трудностей, которые могут порождать отрицательные эмоциональные состояния, связанные с неуверенностью, сомнениями в себе и будущем, агрессивностью, страхом, внутренней личностной конфликтностью. В силу этого с остротой встаёт вопрос выбора путей и средств, которые могут выступать решающим фактором конструктивного преодоления данной ситуации и

разрешения её жизненно важных проблем, ибо результат такой внутренней деятельности имеет далеко идущие в будущее последствия, во многом определяющие качество жизни, профессиональное и личное благополучие и в целом судьбу человека.

На этом фоне обращение к изучению совладающего поведения молодых людей вполне закономерно, поскольку данный социально-психологический феномен неразрывно связан с ситуациями, обозначаемыми как трудные, и представляет собой адаптационную и саморегулирующую активность личности, направленную на разрешение их противоречий и достижение равновесия во взаимодействии с ними [10]. Одним из важнейших моментов в понимании совладающего поведения является вопрос о его динамической организации. В большинстве исследований копинг рассматривается как динамический процесс, в рамках которого в соответствии с определённым алгоритмом меняется его репертуар и структурная оформленность. Такие изменения совладающего поведения обусловлены содержанием и спецификой конкретной, развивающейся ситуации, в которой изначально заложены возможности как целостного её преобразования, так и ведущих характеристик. В рамках этого процесса определяются новые условия и требования, выстраиваются новые цели и задачи, преобразуются отношения человека с действительностью, расширяются его психологические возможности и ресурсы. В связи с этим изучение характера и динамики совладающего поведения молодых людей в столь ответственной для них ситуации как самоопределение приобретает не только

научную, практическую, общественную, но и индивидуально-личностную значимость, т. к. позволяет получить более полные, целостные и глубокие представления о реальных характеристиках и особенностях самоопределения в юношеском возрасте.

Особенности ситуации самоопределения в юношеском возрасте и пути совладания с ней

В жизненной истории личности самоопределение впервые актуализируется в юности на границе перехода от детства к взрослости, когда возникает проблема формирования жизненно важных целей и принятия решений в долгосрочной жизненной перспективе. По мнению С. Л. Рубинштейна, «масштабность решаемых для будущей жизни задач позволяет рассматривать самоопределение в этот период как событийно значимую и проблемную психологическую ситуацию, которая является поворотным этапом на жизненном пути личности» [12]. В общем виде эта ситуация характеризуется неопределённостью смыслов, наличием противоречий, не имеющих однозначного решения, а также внутренней необходимостью личности в достижении и реализации своего жизненного замысла, стремления к построению новых ценностных оснований. Существенной особенностью ситуации самоопределения является её личностная значимость для человека, что определяет включения её в жизненно-смысловое пространство и активизацию собственной деятельности [13; 14].

Центральным внутренним основанием юношеского самоопределения является выбор, пространство ко-

торого многопланово и масштабно, охватывает разные сферы и выходит далеко за границы настоящего. Это позволяет говорить о ситуации личностного (экзистенциального) выбора, связанного с актуализацией глубинных ценностно-смысловых структур, соотношением внешних условий с внутренними возможностями, совмещением временной дальней и ближней перспективы.

Субъективная (психологическая) феноменология ситуации юношеского самоопределения находит своё отражение в содержательных, процессуально-динамических и результативных характеристиках (Л. И. Божович, М. Ю. Гинзбург, И. В. Дубровина, В. И. Слободчиков, Л. И. Бершедова и др.). [2; 5; 6; 7; 13]. В содержательном плане жизненная ситуация самоопределения опосредованно раскрывается в отношениях человека с действительностью, в связи с чем может быть понята только через отношения. Есть основания полагать, что отношения личности к себе, людям, миру раскрывают все эффекты самоопределения, отражают особенности внутренней картины ситуации самоопределения, её субъективной представленности в индивидуальном сознании личности. Эти отношения как особая форма взаимосвязи с объективной реальностью могут рассматриваться как потенциал (возможности) избирательной, многомерной внутренней и внешней активности личности, направленной на предмет отношений. Изучение целостной системы отношений (к себе, людям, миру), таким образом, позволяет понять особенности личностно-ситуационного взаимодействия в ситуации самоопределения.

В процессуальном плане ситуация самоопределения обладает множественным рядом характеристик, которые выражаются в осознании и переосмыслении, сравнении и выборе, смене ведущих мотивов, формировании и конструировании собственной системы идеалов, смыслов и ценностей, перестройке образа «Я», определении целей, задач, приемлемых способов их достижения. В этом контексте самоопределение выступает как «деятельность человека, принимающая то или иное содержание...» [8]. Результат усвоения смысловых личностных образований самоопределения отражается в развитии и преобразовании личности и её самосознания.

В период вхождения в юношеском возрасте во взрослость ситуация самоопределения разворачивается в сложный процесс, имеющий определённые стадии своего становления, каждая из которых обладает специфическими характеристиками и содержанием. Первая стадия отражает социальную ситуацию развития выпускника школы. Это начальная фаза, старт самоопределения, пока не проверенного практикой. В связи с чем самоопределение выпускников нельзя считать завершённым и окончательным [6]. Вторая стадия связана с особенностями социальной ситуации развития студентов в условиях вузовского образования. Это этап реализации, встречи идеальных жизненных, профессиональных планов и новой социальной образовательной реальности, в которой подтверждаются выборы и реализуются ведущие цели. Их границей выступает сам факт перехода от школьного детства к вузовскому образованию.

В психологическом плане это переход от сделанного выбора к его реализации, осуществлению в реальной практической деятельности. Это переломный эмоционально значимый момент, который выражается не только в радикальных изменениях индивидуальной жизни, социальной ситуации развития, социальной роли, ведущей деятельности, но и изменениях системы личностно-ситуационного взаимодействия юношей. Таким образом, логика развития и трансформации ситуации самоопределения, её развёртывание в период перехода по этапам обусловлены сменой социальной ситуации развития, каждая из которых предъявляет специфические требования. У выпускников социальная ситуация отражает самоопределение – выбор и готовность к нему. У студентов вуза самоопределение принимает субъектно-деятельностный характер и выступает как самоопределение – реализация, готовность к ведущей учебно-профессиональной деятельности.

Масштабность и событийная значимость ситуации самоопределения, её динамичность и предельно сложный характер, соотносится, на наш взгляд, с проявлением определённых форм совладающего поведения молодых людей, поскольку совладание, по определению психологов, может выступать условием их адаптации, преодоления и дальнейшего развития (Дж. Х. Амирхан, Э. Хайм, Н. Эндлер, Дж.-Д. А. Паркер, С. Фолкман, Р. С. Лазарус и др.) [15; 16; 17; 18]. В отечественных исследованиях «совладание» определяется как зеркало субъективной активности личности, особое целенаправленное социальное поведение, позволяющее человеку справиться

со стрессом способами, адекватными характеристикам личности и ситуации (Н. А. Сирота, В. М. Ялтонский, Т. Н. Крюкова, Л. И. Анциферова, А. Л. Журавлёв, Е. А. Сергеенко, С. К. Нартова-Бочавер и др.) [9, 11]. При этом совладание как феномен личностной активности не может рассматриваться с позиций функциональности вне соотнесения субъекта и ситуации. В зарубежных (К. Левин, Х. Хекхаузен и др.) и отечественных (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, К. С. Абульханова-Славская и др.) работах приоритетным в изучении совладающего поведения выступает методологическое положение, определяющее исследование «личности в ситуации». При таком понимании личность и ситуация рассматриваются в целостном единстве, поведение выступает функцией их взаимодействия. Личность в этом взаимодействии представлена активно действующим субъектом, значимыми личностными детерминантами копинг-поведения субъекта выступают его характеристики [3]. Таким образом, анализ категории поведения предполагает как анализ ситуации и её значимости для личности, так и анализ самой личности [3]. Субъективная представленность ситуации, её внутренняя картина обуславливает особенности и своеобразие совладающего поведения. Характер усилий совладания обусловлен личностными, субъектными и психоэмоциональными ресурсами молодых людей. Специфическое сочетание этих измерений и их особенности определяет отношение к ситуации и индивидуальный способ взаимодействия с ней [1].

В исследованиях установлено, что любая психологическая ситуация об-

ладает определённой динамикой и выступает неустойчивой системой, в которой изменение тех или иных её ведущих характеристик приводит к изменению других, что создаёт возможности целостного изменения ситуации. На это указывал в своих работах К. Левин, подчёркивая, что ситуационные факторы имеют разное влияние – либо фасилитирующее, либо сдерживающее, приводя к переконструированию ситуации. С другой стороны, динамичность совладания обусловлена изменчивостью интерпретаций и оценки ситуации человеком, которые трансформируются по мере её развития. В рамках этого непрерывного процесса определяются новые условия и требования сложной ситуации, оцениваются ресурсы, переоцениваются действия. В связи с этим специфика копинга раскрывается в соответствии как с ситуацией, так и стадией её развития. Опираясь на эти положения, в своём исследовании мы исходили из предположения, что особенности совладающего поведения молодых людей опосредованы характером личностно-ситуативного взаимодействия, которое находит своё психологическое выражение в субъективной представленности ситуации самоопределения и раскрывается в содержании отношений юношей к себе, людям, миру. Личностные переменные этих отношений выполняют функции копинг-ресурсов и детерминант совладания. Динамичность копинг-поведения юношей отражается в преобразовании его интенсивности, модальности и направленности, трансформируется по мере качественных изменений ситуации самоопределения и её субъекта.

Динамика качественных преобразований совладающего поведения в юношеском возрасте в ситуации самоопределения

Оценивая в целом полученные результаты, можно утверждать, что своеобразные характеристики ситуации самоопределения, её параметры соизмеримы с проявлением и динамикой определённых форм совладающего поведения юношей. На протяжении всего переходного периода от школьного образования к вузовской подготовке количественно и качественно изменяется общий репертуар копинг-стратегий/стилей, структура, характер их взаимодействия, мера выраженности, пассивности/активности, модальности, а также направленности.

В исследовании принимали участие школьники московских школ (обучающиеся 10–11 классов) и студенты московских вузов гуманитарных направлений (первый курс обучения), в общей сложности 417 человек, из них 190 школьников и 227 первокурсников.

В результате сравнения двух групп испытуемых (выпускников школ и

студентов 1 курса вуза) были получены показатели, фиксирующие достоверные различия копингов (табл. 1).

По нашим данным, динамичность копинг-поведения юношей имеет поступательно-развивающий характер. Об этом свидетельствует:

- активное использование школьниками и студентами разнообразных копинг-стратегий и стилей, мера выраженности, модальности и направленности которых весьма специфично представлена на каждой стадии самоопределения;

- достаточно высокий уровень значимости различий по копинг-стилям, которые определяются как более зрелые, обобщённые и устойчивые способы совладания, определяющие приспособительную и преобразующую активность молодых людей;

- преобразование модальности копинг стратегий и стилей: возрастает выраженность проблемосовладающих поведенческих стилей, обуславливающих высокую степень активности, контроль над ситуацией и адекватное, рациональное взаимодействия с ней,

Таблица 1 / Table 1

Характер различий показателей копинг-стратегий и копинг-стилей в группах выпускников школ и студентов 1 курсов / Characteristic differences in indicators of coping strategies and coping styles in groups of school graduates and 1st year students

Копинг-стратегии и копинг-стили	Достоверность различий Хи-квадрат
Копинг-стиль, ориентированный на избегание	,001 (p < 0,001)
Проблемно ориентированный копинг-стиль	,005 (p < 0,001)
Эмоционально-ориентированный копинг-стиль	,036 (p < 0,05)
Поведенческие копинг-стратегии	,051 (p < 0,05)
Когнитивные копинг-стратегии	,324 (н/д)
Эмоциональные копинг-стратегии	,549 (н/д)

Примечание: * p ≤ 0,05, ** p ≤ 0,01, *** p ≤ 0,001

Источник: данные автора.

что приводит к усилению внутренней интрапсихической деятельности студентов в рамках экзистенциональной рефлексии. При этом наблюдается весьма существенное снижение выраженности стиля избегания;

- повышение интенсивности эмоциональных стратегий и стилей, что позволяет говорить о высокой субъективной значимости второго этапа самоопределения, где первоначальные переживания, связанные с моментом выбора на первом этапе, начинают приобретать эмоционально управляемую форму деятельности и выступать преобразующим активностью студентов импульсом, одним из внутренних механизмов их стратегий поведения;

- динамичность направленности совладающего поведения юношей. Установлено, что доминирующими областями взаимодействия копингов выступают два вектора – отношения с самим собой и отношения с миром, которые в главном определяют постановку и достижение целей, отвечая, таким образом, задачам ближайшего будущего. Вместе с тем по мере развития ситуации самоопределения меня-

ется характер этого взаимодействия, возрастает значимость экзистенциональных переживаний, ориентированных на мир и жизнь как целое, что во многом активизирует и придаёт деятельный характер процессам саморазвития, самоосуществления и самореализации в новых видах учебно-профессиональной, творческой деятельности.

Представленные данные убедительно свидетельствуют о том, что динамика совладающего поведения обусловлена процессом преобразования ситуации самоопределения, логикой её развития и качественной спецификой её фаз, каждая из которых характеризуется своеобразием решаемых юношами задач. В связи с этим особого внимания заслуживает факт динамических преобразований в структурном оформлении внутренних взаимосвязей стратегий и стилей совладающего поведения школьников и студентов, ибо различная степень этих взаимосвязей также связана с фазами ситуации самоопределения и выражается как в количественных, так и качественных показателях (рис. 1 и 2).

Рис. 1 / Fig. 1. Корреляционная плеяда копингов у школьников / The correlative galaxy of copings among schoolchildren

Рис. 2 / Fig. 2. Корреляционная плеяда копингов у студентов / The correlative galaxy of copings among students

Источник: данные автора.

Данные, представленные на рисунках 1 и 2, наглядно свидетельствуют, что в период перехода от одной фазы ситуации самоопределения к другой, возрастает количество внутренних связей между копинг-стратегиями и стилями, меняется характер этих взаимосвязей, расширяется репертуар копингов и их разнообразие, возрастает интенсивность конструктивно-продуктивных изменений. Это позволяет говорить, с одной стороны, о трансформации копинга в соответствии с ситуацией самоопределения и стадией её развития. Такая гибкость копинга определяется пластичностью, подвижностью и вариативностью выбора различных стратегий в зависимости от их соответствия требованиям ситуации. С другой стороны, это означает, что совладающее поведение детерминруется не только ситуационными характеристиками, но и своеобразием собственных внутренних структурных взаимосвязей. Особенности этих структурно оформленных, функционально своеобразных взаимосвязей определяют характер деятельной активности самого субъекта, его работы с ситуацией, в рамках которой открывается её значение и происходит переинтерпретация возникающих переживаний и чувств.

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что преобразования совладающего поведения соотносятся с изменениями молодых людей и их отношений к ситуации. В исследовании были выявлены на достаточно высоком уровне значимости статистические различия по личностным переменным школьников и студентов. Существенные преобразования касаются наиболее сложных

личностных свойств, порождающих в жизни молодых людей определённые противоречия между требованиями ситуации самоопределения и личностными возможностями. Эти свойства определяют сферы значимых переживаний юношей, связаны с целями, задачами, мотивами, способами достижения и сферами жизнедеятельности, т.е. являются доминантными. В целом они обеспечивают решение проблем самоопределения на каждом из его этапов.

В результате сравнения двух групп (выпускники школ и студенты 1 курса вуза) мы получили данные, подтверждающие изменения определённых личностных параметров отношений юношей к себе, миру и людям. Значимые позитивные преобразования касаются в основном свойств, имеющих субъектную направленность, в которой находит своё отражение стремление к самостоятельности, целеустремлённости, самосовершенствованию, саморазвитию, готовность к активным преобразованиям как в себе, так и вне себя.

В сфере отношения к себе субъектный потенциал раскрывается и преобразуется в качествах, определяющих целеобразование и целеполагание, уверенность в себе, чувство собственного достоинства, ответственность, активность, веру в свои возможности, способность к самостоятельному выбору и его реализации. При этом на высоком уровне значимости достоверности ($p < 0,01$) обнаружены различия по параметрам образа «Я», осознание которого лежит в основе многоплановых процессов самоопределения. Ценностно окрашенное самоотношение юношей определяет логику раз-

вития субъектного потенциала в соответствии с внутренним миром как в общении и деятельности, так и в социальном взаимодействии.

В сфере отношения к миру преобразуются качества индивидуальной активности молодых людей как субъектов самопознания, отношения, реализации, деятельности и жизни, т. е. ресурсы управления и контроля, свободы и личной ответственности, смысло-жизненных ориентаций, направленности во временной перспективе (табл. 1). В ситуации самоопределения идёт активный процесс становления новых внутренних механизмов, ориентированных на гармонизацию отношений личности с миром.

В сфере отношения к людям значимым субъектным ресурсом в процессе перестройки юношей под изменяющуюся реальность ситуации самоопределения выступает успешность приобщения к новому коллективу, многоплановость социальной студенческой жизни, наличие социальной поддержки со стороны той референтной группы людей, в рамках которой осуществляется продуктивное взаимодействие по смысло-жизненным проблемам.

В этом процессе немаловажное значение приобретает динамичность характера взаимодействия совладания и субъектных переменных отношений юношей. Анализ общей картины этого явления позволяет говорить о весьма интересных психологических преобразованиях, которые существенным образом выявляют своеобразие каждой фазы самоопределения и пути разрешения их противоречий, а также выводят нас на понимание детерминант, определяющих алгоритм выбора ко-

пинг стилей и стратегий. Установлено, что наиболее высокие корреляции с копингами в ситуации самоопределения имеют личностные параметры, которые входят в систему доминантных отношений к себе и миру. При этом модальность и активность копингов во взаимодействии имеет свои особенности на каждой фазе самоопределения: в группе школьников доминируют эмоционально-поведенческие копинги, в то время как в группе студентов это проблемно и эмоционально ориентированные копинг-стили. Этот факт свидетельствует об изменчивости процесса совладания, его вариативности и гибкости, а также, и это не менее важно, соответствия, т. е. адекватности тем задачам, которые свойственны каждой фазе ситуации самоопределения. В рамках этого процесса происходит рост и содержательное преобразование субъектных свойств, в большей мере ответственных за качество выбора и его реализацию. Таким образом, динамика совладающего поведения юношей в период перехода от школьного образования к вузовской подготовке свидетельствует о формировании всё более зрелого отношения к проблемной жизненной ситуации самоопределения.

Заключение

В целом результаты исследования позволяют констатировать, что в ситуации самоопределения в период перехода молодых людей от школьного образования к вузовской подготовке происходят существенные изменения их совладающего поведения. Динамичность копингов имеет поступательно-развивающий характер, отражается в трансформации их

общего репертуара, структуры, взаимодействия, а также в качественном преобразовании их интенсивности, модальности и направленности. Логика развития и преобразования ситуации самоопределения и ее субъектов (лично-ситуативный контекст) соизмеримы с динамикой совладающего поведения, ибо выраженную взаимосвязь с копингами имеют личностные параметры молодых людей, которые входят в систему их доминантных отношений, специфично представленных на каждой стадии. Особенности совладающего поведения молодых людей, таким образом, опосредованы характером лично-ситуативного взаимодействия, которое выражается в субъективной представленности ситуации самоопределения, содержания отношений юношей к себе, людям, миру. Личностные переменные этих отношений выполняют функции копинг-ресурсов и детерминант совладания.

В исследовании установлено, что проблемы совладания школьников (выпускников) и студентов в определенной степени сходны. Но при этом их содержание, мера выраженности и направленность существенно различаются в силу радикальных изменений индивидуальной жизни, социальной ситуации развития, соци-

альной роли, ведущей деятельности, системы лично-ситуативного взаимодействия, которые характерны для перехода от школьного образования к вузовской подготовке, шире для перехода от детства к взрослости. В психологическом плане это сложный процесс преобразования смыслов прежней жизнедеятельности и рождение на их основе новых мотивов, целей, интенций и потенций новой ведущей учебно-профессиональной деятельности. Анализ общей картины этого явления позволяет говорить о весьма содержательных психологических преобразованиях, которые существенным образом выявляют особенности и трудности каждой фазы самоопределения, определяют алгоритм выбора и актуализации копингов, продуктивность которых в полной мере не охватывает решение всех основных проблем ситуации самоопределения. В связи с этим возникает необходимость ситуативного психологического сопровождения выпускников и студентов в этот чрезвычайно ответственный для них период, что определяет перспективы данного исследования, целенаправленные на разработку психопрофилактических, развивающих, психокоррекционных и просветительских программ в рамках психологической службы школы и вуза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бершедова Л. И., Морозова Т. Ю. Особенности совладающего поведения студентов в период адаптации к вузовскому образованию // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: материалы XV Международной научно-практической конференции / Москва, 25 июня 2022 года. М.: Российский университет дружбы народов, 2022. С. 241–244.
2. Божович Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 398 с.
3. Бурлачук Л. Ф., Коржова Е. Ю. Психология жизненных ситуаций. М.: Российское педагогическое агентство, 1998. 263 с.

4. Выготский Л. С. Психология развития. Избранные работы. М.: Юрайт, 2024. 281 с.
5. Гинзбург М. Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема // Вопросы психологии. 1988. №2. С. 19–27.
6. Дубровина И. В. Психологическое благополучие школьников. М.: Юрайт, 2023. 140 с.
7. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Социально-психологическое пространство личности. М.: Институт психологии РАН, 2012. 496 с.
8. Климов Е. Я. Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2010. 301 с.
9. Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2008. 474 с.
10. Либина А. В. Психология совладания. М.: Юрайт, 2024. 318 с.
11. Нартова-Бочавер С. К. Психология личности и межличностных отношений. М.: Юрайт, 2024. 262 с.
12. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб: Питер, 2022. 720 с.
13. Слободчиков В. И. Со-бытийная образовательная общность – источник развития и субъект образования // Известия Саратовского университета. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2010. №2. С. 3–9.
14. Толстых Н. Н. Психология подросткового возраста. М.: Юрайт, 2024. 406 с.
15. Amirkhan J. H. A Factor analytically derived measure of coping: The coping strategy indicator // Journal of Personal and Sociological Psychology. 1990. №59 (5). P. 1066–1074.
16. Heim E. Coping and psychosocial adaptation // Journal of Mental Health Counseling. 1988. №10. P. 13–44.
17. Endler N., Parker J. D. A. Multidimensional assessment of coping: A critical evaluation // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. №58. P. 844–854.
18. Folkman S., Moskowitz J. T. Stress, positive emotion, and coping // Current Directions in Psychological Science. 2000. №9 (4). P. 115–118.

REFERENCES

1. Bershedova L. I., Morozova T. Yu. [Features of students' coping behavior during the period of adaptation to university education]. In: *Vysshaya shkola: opyt, problemy, perspektivy: materialy XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Moskva, 25 iyunya 2022 goda* [Higher school: experience, problems, prospects: materials of the XV International scientific and practical conference / Moscow, June 25, 2022]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2022, pp. 241–244.
2. Bozhovich L. I. *Lichnost' i eyo formirovanie v detskom vozraste* [Personality and its guilt in childhood]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 398 p.
3. Burlachuk L. F., Korzhova E. Yu. *Psihologiya zhiznennykh situatsiy* [Psychology of life situations]. Moscow, Russian Pedagogical Agency, 1998. 263 p.
4. Vygotskij L. S. *Psihologiya razvitiya. Izbrannye raboty* [Developmental Psychology. Selected works]. Moscow, Yurajt Publ., 2024. 281 p.
5. Ginzburg M. R. [Personal self-determination as a psychological problem]. In: *Voprosy psihologii* [Questions of Psychology], 1988, no. 2, pp. 19–27.
6. Dubrovina I. V. *Psihologicheskoe blagopoluchie shkolnikov* [Psychological well-being of schoolchildren]. Moscow, Yurajt Publ., 2023. 140 p.
7. Zhuravlev A. L., Kuprejchenko A. B. *Social'no-psihologicheskoe prostranstvo lichnosti* [Social and psychological space of the personality]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2012. 496 p.

8. Klimov E. Ya. *Psihologiya professional'nogo samoopredeleniya* [Psychology of professional self-determination]. Moscow, Akademiya Publ., 2010. 301 p.
9. *Sovladayushchee povedenie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Coping behavior: Current state and prospects]. In: A. L. Zhuravlev, T. L. Kryukova, E. A. Sergienko, eds. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008. 474 p.
10. Libina A. V. *Psihologiya sovladaniya* [Psychology of Coping]. Moscow, Yurajt Publ., 2024. 318 p.
11. Nartova-Bochaver S. K. *Psihologiya lichnosti i mezhlchnostnyh otnoshenij* [Psychology of Personality and Interpersonal Relations]. Moscow, Yurajt Publ., 2024. 262 p.
12. Rubinshtejn S. L. *Osnovy obshchej psihologii* [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2022. 720 p.
13. Slobodchikov V. I. [Co-event educational community – sources of development and education of subjects]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya* [Bulletin of the Saratov University. Series: Acmeology of Education. Developmental Psychology], 2010, no. 2, pp. 3–9.
14. Tolstyh N. N. *Psihologiya podrostkovogo vozrasta* [Psychology of Adolescence]. Moscow, Yurajt Publ., 2024. 406 p.
15. Amirkhan J. H. A Factor analytically derived measure of coping: The coping strategy indicator. In: *Journal of Personal and Sociological Psychology*, 1990, no. 59 (5), pp. 1066–1074.
16. Heim E. Coping and psychosocial adaptation. In: *Journal of Mental Health Counseling*, 1988, no. 10, pp. 13–44.
17. Endler N., Parker J. D. A. Multidimensional assessment of coping: A critical evaluation. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 1990, no. 58, pp. 844–854.
18. Folkman S., Moskowitz J. T. Stress, positive emotion, and coping. In: *Current Directions in Psychological Science*, 2000, no. 9 (4), pp. 115–118.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бершедова Людмила Ивановна (Москва) – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и практической психологии Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета;
e-mail: bershedovali@mgpu.ru; ORCID: 0009-0003-7371-1532

Морозова Татьяна Юрьевна (Москва) – старший преподаватель кафедры общей и практической психологии Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета;
e-mail: morozovatu@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-9044-4988

REFERENCES

Lyudmila I. Bershedova (Moscow) – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Prof. of the Department of General and Practical Psychology of the Institute of Special Education and Psychology of Moscow City Pedagogical University;

e-mail: bershedovali@mgpu.ru; ORCID: 0009-0003-7371-1532

Tatyana Yu. Morozova (Moscow) – Senior Lecturer at the Department of General and Practical Psychology of the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City Pedagogical University;

e-mail: morozovatu@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-9044-4988

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГНОМИКА

Научная статья

УДК 351.745.5

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-110-122

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ

Егоренко Т. А.¹, Хобта Ю. А.²

¹ *Московский государственный психолого-педагогический университет; 127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Российская Федерация*

² *Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя; 117437, г. Москва, улица Академика Волгина, д. 12, Российская Федерация; e-mail: uliahobta@gmail.com*

Поступила в редакцию 19.05.2024

После доработки 07.07.2024

Принята к публикации 14.07.2024

Аннотация

Цель. Разработать и обосновать модель личностно-профессионального профиля сотрудника полиции.

Процедура и методы. Основным методом исследования является контент-анализ. Произведён обобщающий анализ содержания работ различных авторов, направленных на изучение проблемы формирования личности сотрудника полиции. Модель личностно-профессионального профиля сотрудника полиции разработана при помощи метода моделирования.

Результаты. Проанализированы различные теории и подходы к изучению личностно-профессионального становления сотрудника полиции. Определены значимые качества личности данной категории, необходимые для их профессиональной деятельности. Разработана и обоснована модель профиля сотрудника полиции.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в обосновании модели личностно-профессионального профиля сотрудника полиции, в определении и раскрытии личностно-профессиональных качеств сотрудника полиции.

Ключевые слова: личностно-профессиональное становление, личностно-профессиональный профиль, сотрудник полиции, личностные качества

Для цитирования: Егоренко Т. А., Хобта Ю. А. Особенности личностно-профессионального становления сотрудника полиции // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. №4. С. 110–122. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-110-122

© СС ВУ Егоренко Т. А., Хобта Ю. А., 2024.

Original Research Article

FEATURES OF THE PERSONAL AND PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF A POLICE OFFICER

T. Egorenko¹, Ju. Khobta²

¹ *Moscow State University of Psychology & Education; ul. Sretenka, 29, Moscow, 127051, Russian Federation*

² *Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; ul. Academica Volgina, 12, 117437, Moscow, Russian Federation; e-mail: uliahobta@gmail.com*

Received by the editorial office 19.05.2024

Revised by the author 07.07.2024

Accepted for publication 14.07.2024

Abstract

Aim. To develop a model of the personal and professional profile of a police officer.

Methodology. The main research method is content - analysis. The generalizing analysis of the content of the works of various authors aimed at studying the problem of forming the personality of a police officer is carried out. A modeling method was used to develop a theoretical model of the personal and professional profile of a police officer.

Results. Various theories and approaches to the study of the personal and professional development of a police officer are analyzed. The significant personality qualities of this category necessary for their professional activity are determined. A model of the profile of a police officer has been built.

Research implications it consists in revealing the specific personal and professional qualities of a police officer, the relevance and significance of these characteristics, determining the further trajectory of research in this direction, as well as generalizing new material on the topic under study.

Keywords: personal and professional development, personal and professional profile, police officer, personal qualities

For citation: Egorenko T. A, Khobta Yu. A. Features of the personal and professional development of a police officer. In: Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2024, no. 4, pp. 110–122. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-110-122

Введение

Профессиональная работа сотрудников полиции играет важную роль для общества. Социум возлагает большие надежды на ту деятельность, которую они реализуют, а также на их личностные качества. Эффективная профессиональная деятельность полицейских по большей части зависит от их личностно-профессионально-

го становления в процессе получения профильного образования, практической деятельности, повышения квалификации и самообразования. Данная профессия относится к регламентирующей деятельности, что означает, что ключевой деятельностью является выполнение служебных задач в соответствии с уставом и должностными регламентами, соблюдении субordi-

нации, неукоснительное следование нормам законодательства. Также профессия полицейского предполагает большое число экстремальных ситуаций, в которых от каждого сотрудника требуется определённый опыт, навыки, необходимый уровень квалификации, осведомлённость, знания и качества как профессиональные, так и личностные.

Сотрудники полиции, обладающие определённым набором необходимых личностно-профессиональных качеств, способны лучше выполнять свою работу, реализовывать себя в ней, а также оказывать помощь людям.

Цель исследования – разработать и обосновать модель личностно-профессионального профиля сотрудника полиции.

При построении модели личностно-профессионального профиля сотрудника полиции изучались концепции социализации личности Ю. И. Гиллера и В. А. Ядова, взгляды Э. Ф. Зеера, Л. М. Митиной на предмет профессионального развития личности; стратегии социализации личности в концепции культурно-исторического развития Л. С. Выготского, теория копинг-стратегий Р. Лазаруса, концепция личности Б. Г. Ананьева.

Проблемой личностно-профессиональных качеств сотрудника полиции в своих исследованиях занимались: А. С. Андрианов, Е. А. Коноплева, В. Л. Крайник, В. П. Мельник

В качестве методов исследования выбран теоретический анализ. В работе произведён анализ содержания работ различных авторов, а также разработана модель личностно-профессионального профиля сотрудника полиции.

Анализ теоретических подходов к разработке модели личностно-профессионального профиля сотрудника полиции

Современное общество – это система, состоящая из множества элементов, со своими процессами, которые динамично протекают и трансформируются. Для успешной адаптации человека в социуме ему необходимо отвечать вызовам современности, приспосабливаться, подстраиваться под требования общества и времени. Всё это можно сделать посредством саморазвития, трансформации своего мировоззрения. Данные стратегии социализации лежат в основе культурно-исторической концепции Л. С. Выготского [9].

Другие параметры социализации рассмотрены в работах Ю. И. Гиллера и В. А. Ядова. В качестве ключевого критерия авторы выделяют самореализацию, которая, в свою очередь, тесно связана с профессиональной деятельностью, в частности, с деятельностью полицейских [15].

Стоит отметить, что вышеуказанные параметры и стратегии социализации следует рассматривать как ключевые при построении модели личностно-профессионального профиля сотрудника полиции, включающей в себя важные личностные качества, необходимые для успешной работы в органах внутренних дел.

Профессия полицейского является одной из самых социально-значимых в настоящее время. Формирование личности сотрудника полиции – очень сложный процесс, который несёт за собой изменения в различных сферах психики человека. Значимыми являются как и простые механизмы адапта-

ции, так и лидерские качества, творческое мышление, переоценка ценностей и др.

На сегодняшний день в связи с высокой актуальностью, множество исследований в области психологии посвящены проблеме личности сотрудника полиции. Исследовательские работы направлены на исследование различных параметров, например:

- изучение ключевых и необходимых личных и профессиональных качеств человека;
- конкретизацию различных параметров и показателей личности;
- формирование значимых профессиональных качеств сотрудника полиции в соответствии с запросами современного общества. [1; 9; 13].

Многие авторы считают необходимым выделить конкретные компоненты личностного и профессионального формирования сотрудника полиции. Среди таких основных компонентов выделяют следующие, самые необходимые для сотрудников полиции:

- коммуникативный компонент;
- управленческий компонент;
- мотивационный компонент;
- волевой компонент;
- оценочный компонент [9; 14].

В ряду важных характерных отличительных признаков профессиональной деятельности сотрудников полиции отмечается наличие высокого уровня стресса и экстремальных ситуаций.

Стресс является постоянным спутником сотрудника полиции, а высокая стрессогенность данной профессии оказывает влияние на личность каждого полицейского. К наиболее стрессовым факторам относятся следующие:

- высокий уровень осуществления контроля;

– большое количество факторов, угрожающих жизни;

– высокая степень психологической и физической нагрузки [2; 16].

Особенности профессии сотрудников полиции характеризуются их индивидуальными взглядами на условия трудовой деятельности. В связи с повышенной опасностью для жизни многие сотрудники полиции испытывают травмирующее влияние. Наряду с этим позитивное отношение к профессии и условиям, стремление к успешности, способствуют процессу восполнения приобретённых психологических травм в процессе профессиональной деятельности. Системными первопричинами благоприятного отношения к работе у сотрудников полиции являются:

- позитивное мировоззрение;
- психологическая устойчивость;
- рефлексия и самоанализ и др. [8; 10; 21].

Многие исследователи акцентируют своё внимание на специфике профессии полицейского с позиции личностных качеств. Авторы уверены, что специфика труда работников внутренних дел обусловлена напряжёнными, стрессовыми условиями. Наряду с этим стресс – не основной параметр, который характеризует эффективность профессиональной деятельности. Двигателем становления сотрудника полиции также являются личностные качества человека.

Опираясь на концепцию копинг-стратегий Р. Лазаруса, многие исследователи делают акцент на необходимости сформированности навыков совладания со стрессом и выборе определённых копинг-стратегий полицейскими с целью предупреждения эмоционального выгорания в процессе их

профессиональной деятельности [11; 12; 20].

Личные качества сотрудника полиции

По мнению таких исследователей, как Е. М. Иванова, Е. В. Руденский, Ю. А. Руденская стержневым компонентом построения профессионального профиля считается психграмма, определённый психологический портрет профессии, состоящий из актуальных профессиональных качеств личности специалиста.¹ Некоторые авторы рассматривают личностные и профессиональные качества сотрудника полиции с позиции воздействия на него окружающего мира. Стресс, постоянное взаимодействие с разными людьми, изменяющиеся условия труда, все это оказывает значительное воздействие на формирование личности сотрудника полиции. В связи с этим без эффективной и постоянной работы над собой, сотрудник полиции может испытывать:

- тревожность;
- напряжение;
- апатию;
- повышенную степень агрессивности [17; 22].

Следовательно, некоторые исследователи делают акцент на специфике стрессовых и экстремальных условиях профессиональной деятельности сотрудника полиции. Многие концепции подчёркивают необходимость

учитывать качества личности. Другие уверены в том, что окружающая среда воздействует на становление личности сотрудника полиции в наибольшей степени.

Вместе с этим, в исследовательской литературе уделяется отдельное внимание характерной особенности профессии полицейского, а именно наличие следующих отношений с миром:

- правовых отношений;
- нормативных и уставных.

Среди исследователей многие придерживаются мнения о том, что правовые взаимоотношения воздействуют на личность сотрудников полиции.

По мнению А. В. Башкова, фундаментальными качествами сотрудника полиции считаются:

- аффективно-эмоциональные;
- деятельностно-мыслительные;
- когнитивные.

Особое внимание автор уделял когнитивным способностям. Именно они усиливают и регулируют все процессы, происходящие в психике [3].

Некоторые авторы придерживаются концепции исследования осторожности и внимательности работников внутренних дел. По мнению Е. А. Коноплевой и И. А. Ноговицына, ключевым является наблюдательность. Данная характеристика является координацией сенсорных органов сотрудника полиции с целью реализации профессиональной деятельности. Сотрудник, полностью погружённый в процесс работы, выходит за рамки традиционных, обычных навыков. Профессиональная наблюдательность сотрудника полиции может развиваться благодаря сформированным лидерским качествам, саморегуляции и другим характеристикам [7; 10].

¹ Руденский Е. В., Руденская Ю. Е. Дефект социализации личности как базовая категория педагогики критического конструктивизма. Введение в социально-генетическую виктимологию. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2012. 252 с.

Очередными ключевыми личностными качествами сотрудника полиции являются инициативность, активность и находчивость. Данные качества помогают сотрудникам полиции лучше выполнять свою работу, параллельно формируя другие необходимые для работы качества личности.

Э. И. Карамова считает необходимым формировать инициативность у сотрудников полиции. Именно инициативность, по мнению автора, способствует достижению успеха в карьере и общему развитию работника внутренних дел [6]. В. Л. Крайник и А. С. Андрианов, изучая личные качества сотрудника полиции, предлагает собственную модель. Автор делает акцент на специфике личности рядовых сотрудников полиции, а также руководства. В своих работах автор выдвигает нетипичные гипотезы относительно проблемы исследования. Автор отмечает следующие качества сотрудников полиции:

- знание современного психологического и диагностического инструментария;
- ценностная направленность личности;
- высокая степень мотивации;
- интеллектуальные качества;
- высокий уровень особенностей волевой регуляции;
- коммуникативные умения;
- навыки организатора.

Относительно руководящего состава автор акцентирует внимание на навыках организатора и интеллектуальных способностях. Нравственность и высокий уровень волевой регуляции относятся к личностным показателям рядовых сотрудников полиции. Также автор отмечает, что важно учитывать не толь-

ко вышеуказанные характеристики, но и степень их выраженности [8].

Вместе с общими характеристиками личностно-профессионального профиля сотрудника полиции существуют отдельные, рассматриваемые некоторыми авторами в своих исследованиях, но не относящиеся к категории значимых. К ним относятся:

- спортивные;
- физические [9; 15].

При этом физиология является одной из немаловажных характеристик человека, работающего в полиции. Это связано с тем, что одной из неформальных особенностей работы в полиции являются физические нагрузки. В частности, с точки зрения В. Н. Фроленкова, такая тенденция характерна для тех полицейских, которые участвуют при задержании преступников. В таком случае, отмечает автор, физическое развитие играет важную роль [17].

Построение модели личностно-профессионального профиля сотрудника полиции

Необходимо отметить, что при изучении научной литературы по выявленной тематике не было найдено единого мнения и описания модели личностно-профессионального профиля сотрудника полиции.

Учитывая связанность личностного и профессионального становления [4;5] нами предложена собственная модель личностно-профессионального профиля сотрудника полиции, который определяется как инструмент степени соответствия совокупности компонентов личности человека необходимым качествам сотрудника полиции для его успешной профессиональ-

ной реализации в жизни, структура которого включает в себя следующие основные компоненты: ценностный, мотивационный и индивидуально-типологический (рис. 1).

Проведя анализ теорий личности в основных психологических направлениях и сопоставив с личными и профессиональными характеристиками профессии сотрудника полиции, взятых в системном рассмотрении, для успешной профессиональной реализации в данной профессии необходимо комплексно рассматривать следующие компоненты:

1) *ценностный компонент* – системообразующий параметр профессиональной деятельности личности, поведения человека и его основные убеждения, нравственные установки (рис. 2).

2) *мотивационный компонент* – включает в себя основные мотивы, потребности человека, побуждающие его выполнять свои профессиональные обязанности, выбирать определённую модель поведения (рис. 3);

3) *индивидуально-типологический компонент* – объединяет в себе такие характеристики, как темперамент, характер и способности человека.

Ценностный и мотивационный компоненты определяют взаимодействие человека с окружающим миром, формируются в процессе социализации личности и могут изменяться под воздействием внешних факторов и желания самого человека. Индивидуально-типологический компонент обусловлен биологически, и сам человек не способен его изменить.

Рис. 1 / Fig. 1. Модель личностно-профессионального профиля сотрудника полиции / The model of the personal and professional profile of a police officer

Источник: данные авторов.

Рис. 2 / Fig. 2. Структура ценностного компонента сотрудника полиции / The structure of the value component of a police officer

Источник: данные авторов.

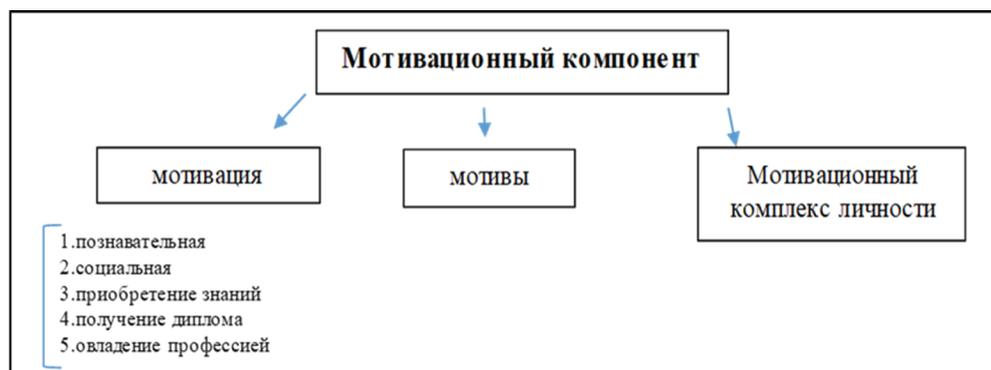

Рис. 3 / Fig. 3. Структура мотивационного компонента сотрудника полиции / The structure of the motivational component of a police officer

Источник: данные авторов.

Конструкция личностно-профессионального профиля сотрудника полиции предполагает рассмотрение параметров, которые оказывают влияние на его формирование. Мы считаем, что формирование профиля сотрудника полиции детерминировано как объективными, так и субъективными параметра-

ми. К внешним параметрам относятся: экономические, политические, социальные, культурные, профессиональные. Другими словами, всё то, что оказывает воздействие на человека из окружающей его действительности. Внутренние параметры образуют систему физиологических качеств человека.

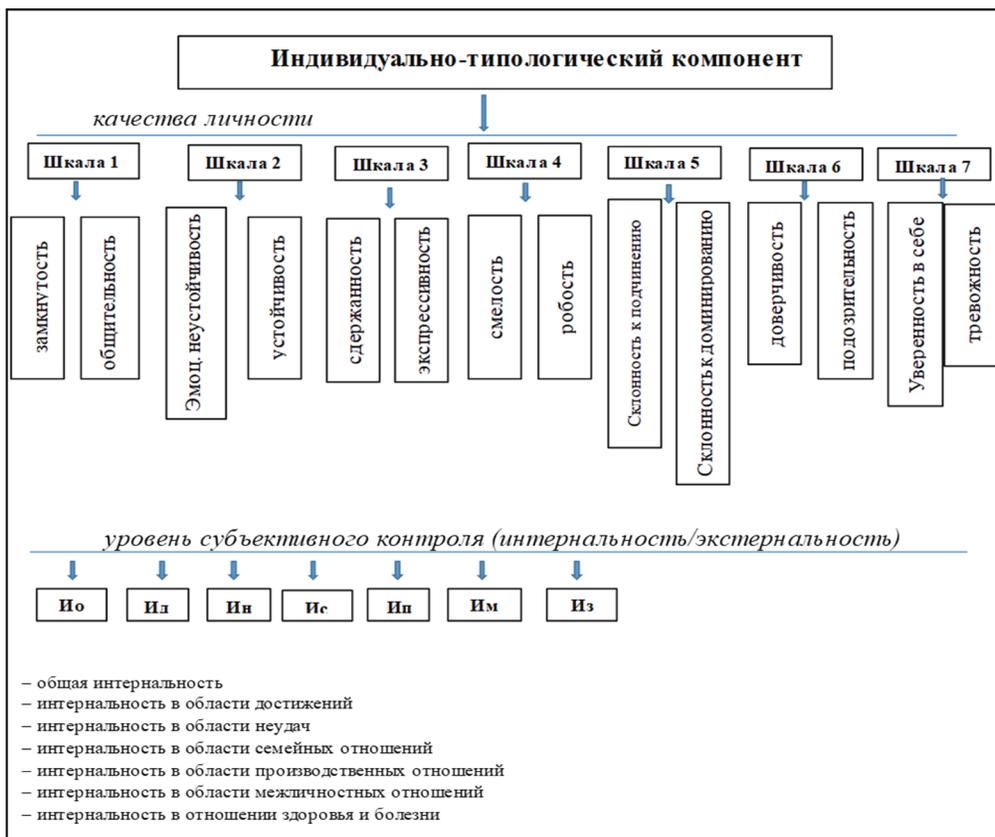

Рис. 4 / Fig. 4. Структура индивидуально-типологического компонента сотрудника полиции / The structure of the individual typological component of a police officer

Источник: данные авторов.

Вышеизложенная модель личностно-профессионального профиля сотрудника полиции подлежит проверке и подтверждению в эмпирическом исследовании.

Заключение

Теоретическая значимость исследования заключается в раскрытии конкретных личностно-профессиональных качеств сотрудника полиции, актуальности и значимости указанных характеристик, а также в разработке модели личностно-профессионального профиля сотрудника полиции.

Анализ исследуемой проблемы даёт обоснование о необходимости разработки модели профессионального профиля сотрудника полиции в целях получения дополнительного рабочего инструмента для профессионального отбора кадров на службу в полиции. Учитывая совокупность личных и профессиональных качеств сотрудника полиции, соответствие его ценностных и мотивационных показателей, темперамента, характера и других показателей условиям профессиональной деятельности на основании общей модели личностно-профессионального профиля

можно будет разрабатывать профили по направлениям службы.

Под личностно-профессиональным профилем сотрудника полиции мы понимаем совокупность общих личностных и профессиональных показателей, которые необходимы для успешной профессиональной реализации сотрудника полиции.

Предложенная нами модель личностно-профессионального профиля сотрудника полиции имеет чёткие структурные элементы, которые могут быть подтверждены эмпирическим путём с применением валидных методик. Для оценки *мотивационного компонента* мы планируем использовать «Методику изучения мотивации обучения в вузе» Т. И. Ильиной, «Мотивацию профессиональной деятельности» (методика К. Замфир в модификации А. А. Реана), «Мотивацию учебной деятельности: уровни и типы» И. С. Домбровской; для *ценностного компонента* – методику Ш. Шварца «Ценностный опросник Шварца»

(ЦО), «Методику диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» О. Ф. Потёмкиной; для *индивидуально-типологического компонента* – методику «Семь качеств личности» (Р. Кеттелл, модификация А. Г. Грецова) и др.

Обобщив сказанное в данной статье, можно отметить основные личные и профессиональные качества современного полицейского:

- активность;
- деятельность,
- эмоциональный контроль;
- умение действовать в нестандартных ситуациях;
- стрессоустойчивость;
- высокий уровень профессиональной служебной, физической и огневой подготовки.

Данные личностные и профессиональные качества личности сотрудника полиции могут существовать только в совокупности силы воли, моральных ценностей, активности, ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрианов А. С. К вопросу о профессиональном обучении сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Проблемы современного педагогического образования. Серия «Педагогика и психология». 2018. №58. Ч. 2. С. 11–14.
2. Андрианов А. С. Особенности развития профессиональных качеств сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Проблемы современного педагогического образования. Серия «Педагогика и психология». 2018. №50. Ч. 3. С. 3–9.
3. Башков А. В. Проектирование самовоспитания профессионально значимых качеств курсанта вуза МВД России: дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2004. 207 с.
4. Егоренко Т. А. Психологическое сопровождение труда студентов в процессе их социально-психологической адаптации в среднем специальном учебном заведении: дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 2004. 162 с.
5. Егоренко Т. А. Методы активизации профессионального самоопределения личности на этапе допрофессионального развития: опыт зарубежных стран // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. №3. С. 61–70. DOI 10.17759/jmfr.2022110306.
6. Карамова Э. И. Особенности проявления инициативности сотрудников правоохранительных органов с учётом стажа профессиональной деятельности: автореферат дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 20 с.

7. Коноплева Е. А., Пономарева К. В. Индивидуально-психологические свойства личности сотрудников органов внутренних дел // Актуальные проблемы экстремальной и кризисной психологии: материалы III Всероссийской научно-практической конференции / Екатеринбург, 2 апреля 2021 года. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 2021. С. 47–49.
8. Крайник В. Л., Андрианов А. С. Взаимосвязь личностных и профессиональных качеств сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Мир науки, культуры, образования. 2015. №6 (55). С. 144–147.
9. Мельник В. П. Педагогические условия развития профессионально значимых качеств личности курсантов МВД России // Современное педагогическое образование. 2023. №3. С. 180–183.
10. Ноговицын И. А. Профессиональная деформация личности сотрудников органов внутренних дел // Отечественная юриспруденция. 2018. №4 (29). С. 76–78.
11. Петров К. Н. Актуальные вопросы физической подготовки сотрудников полиции // EScio. 2022. №6 (69). URL: <https://e-scio.ru> (дата обращения: 09.11.2024).
12. Поляков А. В. Психологическое сопровождение сотрудников полиции // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2014. №2. С. 53–58.
13. Семенова Ф. О., Кубанов А. Р., Алиева А. М. Психологическая устойчивость как профессионально значимое качество сотрудника органов внутренних дел // Проблемы современного педагогического образования. 2021. №71-3. С. 369–372.
14. Соловьев М. Н. Психологическая устойчивость личности как фактор эффективного преодоления профессиональных стрессов // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Психологические науки. 2019. № 3. С. 41–55. DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-41-55.
15. Соловьева А. В. Эмоциональный интеллект и особенности личности сотрудника органов внутренних дел // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. №2. С. 61–65.
16. Ульянина О. А., Леви М. В., Теплова О. А. Экспериментальное исследование формирования личностной компетентности сотрудников ОВД // Психология и право. 2020. Т. 10. №2. С. 179–200. DOI:10.17759/psylaw.2020100214.
17. Фроленков В. Н. Основы организации процесса физической подготовки сотрудников полиции // Наука-2020. 2021. №5 (50). С. 74–79.
18. Цветков В. Л., Новосельская С. Р. Исследование особенностей проявления механизмов психологической защиты и копинг-стратегий у сотрудников органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2024. №1. С. 294–301.
19. Чимаров С. Ю. Субъективное благополучие личности в профессиональной сфере деятельности сотрудника органов внутренних дел // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №11–2. С. 45–47. DOI:10.24412/2500-1000-2022-11-2-45-47.
20. Gierszewski J., Sokołowski M., Gudzbeler G. The Professional Identity of Police Officers // Barometr regionalnytom. 2023. №19. P. 125–134. DOI:10.56583/br.2245.
21. Inzunza M., Wikstrom C. European police recruits' views on ideal personal characteristics of a police officer // Policing and Society. 2019. №30. URL: <https://www.tandfonline.com> (дата обращения: 09.11.2024). DOI: 10.1080/10439463.2019.1685514.
22. Zakaria N., Osman I., Noranee S. Personality Traits and Job Performance of Police: A Systematic Literature Review // Information Management and Business Review. 2023. №1. P. 373–384. DOI:10.22610/imbr.v15i3(I).3547.

REFERENCES

1. Andrianov A. S. [On the issue of professional training of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation]. In: *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. Seriya «Pedagogika i psihologiya»* [Problems of modern pedagogical education. Series “Pedagogy and Psychology”], 2018, no. 58, pt. 2, pp. 11–14.
2. Andrianov A. S. [Features of the development of professional qualities of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation]. In: *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. Seriya «Pedagogika i psihologiya»* [Problems of modern pedagogical education. Series “Pedagogy and Psychology”], 2018, no. 50, pt. 3, pp. 3–9.
3. Bashkov A. V. *Proektirovanie samovospitaniya professional'no znachimykh kachestv kursanta vuza MVD Rossii: dis. ... kand. ped. nauk* [Design of self-education of professionally significant qualities of a cadet of a university of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Cand. Sci. thesis in Pedagogy]. Barnaul, 2004. 207 p.
4. Egorenko T. A. *Psihologicheskoe soprovozhdenie truda studentov v processe ih social'no-psihologicheskoy adaptacii v srednem special'nom uchebnom zavedenii: dis. ... kand. psihol. nauk* [Psychological support of students' work in the process of their social and psychological adaptation in a secondary specialized educational institution: Cand. Sci. thesis in Psychology]. Tver, 2004. 162 p.
5. Egorenko T. A. [Methods of activating professional self-determination of an individual at the stage of pre-professional development: experience of foreign countries]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Modern Foreign Psychology], 2022, vol. 11, no. 3, pp. 61–70. DOI: 10.17759/jmfp.2022110306.
6. Karamova E. I. *Osobennosti proyavleniya iniciativnosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov s uchyotom stazha professional'noj deyatel'nosti: avtoreferat dis. ... kand. psihol. nauk* [Features of the manifestation of initiative of law enforcement officers, taking into account the length of professional activity: abstract of Cand. Sci. thesis in Pedagogy] M., 2008. 20 p.
7. Konopleva E. A., Ponomareva K. V. [Individual psychological properties of the personality of employees of internal affairs bodies]. In: *Aktual'nye problemy ekstremal'noj i krizisnoj psihologii: materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Ekaterinburg, 2 aprelya 2021 goda* [Actual problems of extreme and crisis psychology: materials of the III All-Russian scientific and practical conference / Yekaterinburg, April 2, 2021]. Yekaterinburg, Ural University Publishing House. 2021, pp. 47–49.
8. Krajnik V. L., Andrianov A. S. [The relationship between personal and professional qualities of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], 2015, no. 6 (55), pp. 144–147.
9. Melnik V. P. [Pedagogical conditions for the development of professionally significant personality traits of cadets of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. In: *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern pedagogical education], 2023, no. 3, pp. 180–183.
10. Nogovicyn I. A. [Professional deformation of the personality of employees of the internal affairs bodies]. In: *Otechestvennaya yurisprudenciya* [Domestic jurisprudence], 2018, no. 4 (29), pp. 76–78.
11. Petrov K. N. [Actual issues of physical training of police officers]. In: *EScio*, 2022, no. 6 (69). Available at: <https://e-scio.ru> (accessed: 09.11.2024).
12. Polyakov A. V. [Psychological support of police officers]. In: *Uchyonye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psihologii i social'noj raboty* [Scientific notes of the St. Petersburg state institute of psychology and social work], 2014, no. 2, pp. 53–58.
13. Semenova F. O., Kubanov A. R., Alieva A. M. [Psychological stability as a professionally significant quality of an employee of the internal affairs bodies]. In: *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 2021, no. 71-3, pp. 369–372.

14. Solovev M. N. [Psychological stability of the individual as a factor in effectively overcoming professional stress]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow state regional university. Series: Psychological sciences], 2019, no. 3, pp. 41–55. DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-41-55.
15. Soloveva A. V. [Emotional intelligence and personality traits of an employee of the internal affairs bodies]. In: *Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti* [Psychology and pedagogy of service activity], 2022, no. 2, pp. 61–65.
16. Ulyanina O. A., Levi M. V., Teplova O. A. [Experimental study of the formation of personal competence of internal affairs bodies employees]. In: *Psihologiya i pravo* [Psychology and Law], 2020, vol. 10, no. 2, pp. 179–200. DOI:10.17759/psylaw.2020100214.
17. Frolenkov V. N. [Fundamentals of organizing the process of physical training of police officers]. In: *Nauka-2020* [Science-2020], 2021, no. 5 (50), pp. 74–79.
18. Tsvetkov V. L., Novosel'skaya S. R. [Study of the features of the manifestation of psychological defense mechanisms and coping strategies in employees of internal affairs bodies]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2024, no. 1, pp. 294–301.
19. Chimarov S. Yu. [Subjective well-being of an individual in the professional sphere of activity of an employee of internal affairs bodies]. In: *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2022, no. 11–2, pp. 45–47. DOI:10.24412/2500-1000-2022-11-2-45-47.
20. Gierszewski J., Sokolowski M., Gudzbeler G. The Professional Identity of Police Officers. In: *Barometr regionalnymtom*, 2023, no. 19, pp. 125–134. DOI:10.56583/br.2245.
21. Inzunza M., Wikstrom C. European police recruits' views on ideal personal characteristics of a police officer. In: *Policing and Society*, 2019, no. 30. Available at: <https://www.tandfonline.com> (accessed: 09.11.2024). DOI: 10.1080/10439463.2019.1685514.
22. Zakaria N., Osman I., Noranee S. Personality Traits and Job Performance of Police: A Systematic Literature Review. In: *Information Management and Business Review*, 2023, no. 1, pp. 373–384. DOI:10.22610/imbr.v15i3(I).3547.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Егоренко Татьяна Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогической психологии имени профессора В. А. Гуружапова Московского государственного психолого-педагогического университета;
e-mail: egorenkota@mgppu.ru; ORCID: 0000-0002-2934-5657

Хобта Юлия Антоновна – старший инспектор Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя;
e-mail: uliahobta@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana A. Egorenko – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Head of the Chair of Pedagogical Psychology named after Professor V. A. Guruzhapov of Moscow State University of Psychology & Education;
e-mail: egorenkota@mgppu.ru; ORCID: 0000-0002-2934-5657

Julia A. Khobta – chief inspector of Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Russian Federation;
e-mail: uliahobta@gmail.com

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-123-140

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ОКАЗАНИЯ МНОГОПРОФИЛЬНОЙ ПОМОЩИ, ИМЕЮЩИХ РАЗНЫЙ УРОВЕНЬ УДОВЛЕТВОРЁННОСТИ ТРУДОМ

Абдулина Ю. А., Алдашева А. А.

Институт психологии РАН, 129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1, Российская Федерация; e-mail: abdulina-youlia-27@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.06.2024

После доработки 19.06.2024

Принята к публикации 01.07.2024

Аннотация

Цель. Сравнить личностные свойства специалистов с разным уровнем удовлетворённости трудом.

Процедура и методы. Исследование проводили в 2023 г. в ГБУ «Система 112» г. Москвы. Его основное содержание составляет сравнительный анализ личностных особенностей специалистов с разным уровнем удовлетворённости трудом. Использовались методики: «Интегральная удовлетворённость трудом», тест Холланда в модификации Г. В. Резапкиной, опросник терминальных ценностей И. Г. Сенина (ОТеЦ-2), «Методики исследования самоотношения (МИС)», «Социально-профессиональная востребованность личности» (СПВЛ).

Результаты. Разный уровень удовлетворённости трудом специалистов не связан с их социально-демографическими данными и обусловлен различиями их личностных особенностей и ценностно-смысловой направленности: степенью дифференциации профессиональной направленности, уровнем значимости учебной и профессиональной жизни, потребностью в саморазвитии, достижениях, духовном удовлетворении и уровнем личного благополучия.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в дополнении теоретических представлений о взаимосвязи удовлетворённости трудом и ряда личностных характеристик, возможности использования полученных данных для профотбора специалистов помогающего профиля.

Ключевые слова: оператор системы-112, профессиональная адаптация, удовлетворённость трудом, ценностно-смысловая направленность

Благодарности: исследование выполнено в рамках госзадания №0138-2024-0017

Для цитирования: Абдулина Ю. А., Алдашева А. А. Особенности личности специалистов по организации оказания многопрофильной помощи, имеющих разный уровень удовлетворённости трудом // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. №4. С. 123–140. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-123-140

Original Research Article

PERSONALITY SPECIALITIES OF MULTIPROFILE HELP ORGANIZATION SPECIALISTS WITH DIFFERENT LEVEL OF JOB SATISFACTION

Yu. Abdulina, A. Aldasheva

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, ul. Yaroslavskaya, 13/1, Moscow, 129366, Russian Federation; e-mail: abdulina-youlia-27@yandex.ru

Received by the editorial office 18.06.2024

Revised by the author 19.06.2024

Accepted for publication 01.07.2024

Abstract

Aim. To compare personality qualities of specialists with different job satisfaction level.

Methodology. The study was performed in 2023 at "Systema 112" state budget organization in Moscow. The main idea of it is a comparative analysis of personality qualities of specialists with different job satisfaction level. The following methods were used: "Integral job satisfaction". The Holland test is modified by G. V. Rezapkina. Questionnaire of terminal values by I.G. Senin (Father-2). "Methods of self-attitude research (MIS)". "Social and professional relevance of the individual" (SPVL).

Results. Different job satisfaction level of specialists is not correlated their with social demographic data and is due to differences in their personality qualities and value and meaning directions, that are professional direction differentiation level, educational and professional life meaning level, needs in self-development, achievements, internal satisfaction and personality well-being level.

Research implications are addition to theoretical knowledge about job satisfaction and personality qualities correlations, possibility of obtained data application in professional selection of helping type specialists.

Keywords: operator of System-112, professional adaptation, job satisfaction, value and meaning direction

Acknowledgments: This research was supported by governmental task No. №0138-2024-0017

For citation: Abdulina Yu. A., Aldasheva A. A. Personality specialities of multiprofile help organization specialists with different level of job satisfaction. In: Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2024, no. 4, pp. 123–140. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-123-140

Введение

Профессиональная адаптация и профессиональная пригодность отражают степень соответствия человека требованиям профессиональной деятельности, тем самым предопределяя и проявляя уровень его профессионального развития и чувства профессионального благополучия [2; 3; 9]. Об

уровне профессиональной адаптации судят по двум видам критериев: объективным и субъективным. Первые представлены объективными показателями эффективности профессиональной деятельности (производительность труда, его качество, надёжность, количество ошибок, брака и пр.). При этом исследователи отмечают, что разработ-

ка методов оценки объективных показателей эффективности труда нередко существенно затруднена спецификой профессиональной деятельности, связанной с отсутствием чётких, однозначных определений её цели, продукта, средств, что, например, характерно для многих помогающих профессий [3]. К субъективным критериям профессиональной адаптации относят субъективную оценку уровня профессионального благополучия, удовлетворённости трудом (УТ), представления о собственной трудовой деятельности и себе как профессионале и т. д. [2; 9]. Согласно эмпирическим исследованиям, взаимосвязь объективных и субъективных критериев неоднозначна [2; 6], однако, уровень УТ рассматривают и как показатель степени вовлечённости специалиста в деятельность организации, приверженности ей [6; 15; 16], в связи с чем возникает интерес к поиску предикторов УТ личностного уровня при профессиональном отборе для оценки возможной профессиональной адаптации.

Важнейшей тенденцией изменения профессиональной структуры общества является возникновение и широкое распространение новых социально-экономических профессий, в том числе помогающего типа: коучи, менеджеры по здоровому образу жизни, операторы колл-центров, служб спасения, специалисты по организации оказания многопрофильной помощи и пр. По мнению Е. А. Климова, основным «инструментом» специалистов социально-экономических профессий является их личность, поэтому личностные особенности человека определяют особенности его профессионального развития и адаптации к помогающему

труду. При этом специфика их профессиональной деятельности, предполагающая постоянное взаимодействие с людьми, требует высокого уровня социальной ответственности и связана с эмоциональным напряжением, которое может являться причиной профессиональных деформаций, деструкций или выгорания [4; 16]. Стрессогенность условий деятельности специалистов помогающих профессий предполагает выделение различных психологических факторов, обеспечивающих устойчивость профессионала к ней. Среди таких факторов выделяют индивидуально-типические особенности человека как субъекта труда [8; 9; 10], его поведенческие характеристики, в частности, выбор стратегий профессионального поведения [1], а также УТ как эмоционально окрашенный фактор, чрезвычайно важный как для общества, так и для самого профессионала [1; 16]. Мы предполагаем, что УТ связана с некоторыми личностными особенностями, которые могут усиливать прогностическую валидность и устойчивость показателя УТ, способствуя профессиональной адаптации. Это предположение и обусловило актуальность настоящего исследования.

Анализ исследований удовлетворённости трудом как интегральной оценки профессиональной пригодности

Исследованием проблемы УТ занимались такие авторы, как Ф. Херцберг, Дж. У. Эткинсон, Дж. Хакман и Р. Олдхам, Т. С. Паркер, В. А. Ядов, Ф. Н. Ильясов, А. А. Киссель, А. Г. Здравомыслов, О. Е. Осин, А. В. Батаршев, А. А. Грачев и др. Анализ литературы показал, что УТ изучают во

взаимосвязи с общим жизненным благополучием, профессиональной идентичностью, адаптацией, кризисами, деформациями, эмоциональным выгоранием и пр. [4; 5; 6] и рассматривают как мотивацию (Ф. Н. Ильясов, А. Г. Здравомыслов, А. Г. Ковалев, Д. Пельц, Ф. Эндрюс, В. А. Ядов), как состояние (К. А. Абульханова-Славская, В. А. Бодров, Ф. Херцберг, Т. А. Китвель, А. Л. Свенцицкий) и как совокупность социальных установок индивида относительно труда (А. А. Киссель, В. А. Ядов) [6; 13].

Стоит отметить, что подавляющее большинство работ, посвящённых изучению УТ, указывают на её тесную взаимосвязь с ценностной и потребностно-мотивационной сферами личности профессионала [7; 19]. Согласно этим работам, ценности, интересы, потребности и направленность личности, с одной стороны, детерминируют избирательную активность индивида, её устремление в конкретную сферу, к конкретным объектам и целям, а с другой стороны – мобилизуют личность к активности. Соотношение желаемого и достигнутого отражается в уровне УТ. В рамках данного подхода высокий уровень УТ может быть получен за счёт удовлетворённости только по личностно значимым критериям (например, интерес к конкретной сфере деятельности, размер материального вознаграждения, условия труда, рабочие взаимоотношения, возможности самореализации и развития и т. д.).

Другая точка зрения связана с рассмотрением УТ как динамического эмоционального состояния, отражающего переживание процесса и результата профессиональной деятельности [3; 7; 8; 13]. По мнению исследователей,

уровень УТ определяется субъективной оценкой соотношения уровней притязаний и реальных возможностей личности на конкретном трудовом посту и потому зависит, в первую очередь, от психофизиологических, психологических и личностных особенностей специалиста, включая отношение к себе, оценку своих способностей и возможностей. Позитивная оценка последних предрасполагает к высокому уровню УТ [5].

Ещё один подход акцентирует внимание на УТ как совокупности социальных установок личности относительно труда, имеющих свои когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты. Такие установки складываются постепенно в конкретном социальном окружении под воздействием объективных социальных факторов и субъективных потребностей личности, задавая соответствующие ожидания в отношении трудового процесса, его условий, результатов, перспектив развития в профессии и т. д., типичные для конкретной социальной группы (профессии). Расхождение этих ожиданий с реальностью и определяет уровень УТ [19].

Теоретический анализ исследований указывает на интегральный оценочный характер УТ в отношении ряда организационных и социально-психологических факторов с учётом личностных особенностей профессионала [2; 3; 13]. Так, одни и те же организационные и социально-психологические условия по-разному отражаются на УТ сотрудников с разным личностным профилем [5]. Также по результатам исследований были выделены индивидуально-типические и личностные особенности, выступающие её предикторами:

самостоятельность, целеустремлённость, невротическое состояние, экстраверсия [2]. Ранее было показано, что качества личности, которые признаются важными для конкретной профессии, обуславливают лучшую адаптацию, профессиональную пригодность, эффективность труда и достижение высокой УТ [2; 3; 13]. Однако стоит отметить, что прямая взаимосвязь УТ и эффективности труда не всегда подтверждается эмпирически [4; 7; 9]. Как показывают авторы, в некоторых случаях сотрудники с низкой УТ справляются со своими обязанностями не хуже специалистов с высокой УТ, но они чаще отсутствуют на рабочем месте и увольняются, вносят меньший вклад в общеорганизационное дело [2; 15; 16]. В то же время низкая УТ в некоторых случаях сама может стимулировать личность к более глубокому освоению деятельности и достижению высоких результатов в ней [9]. Таким образом, УТ, будучи взаимосвязанной с личностными качествами, направленностью профессионала и его эмоциональным состоянием, неоднозначно связана с эффективностью труда, но пропорциональна вкладу в общее дело.

На основании всего вышесказанного мы рассматриваем УТ как интегральную оценку личностью трудовой деятельности с позиции ценностной направленности: отношения к миру (в целом; и к профессиональному миру в частности) и отношения к себе (к себе в целом и к себе как профессионалу). На наш взгляд, такой подход к исследованию УТ не связывает её с объективной эффективностью, но может быть полезен как критерий профессиональной пригодности в первую очередь с позиции «самоотбора».

Цель исследования – сравнить личностные особенности специалистов по организации оказания многопрофильной помощи, имеющих разный уровень удовлетворённости трудом (на примере оператора системы-112).

Гипотеза исследования – специалисты с разным уровнем удовлетворённости трудом различаются личностными характеристиками, отражающими их отношение к себе и к миру, в том числе к себе как профессионалу и к профессиональному миру.

Организация исследования

Методики. Для оценки удовлетворённости испытуемых профессиональным трудом применяли методику «Интегральная удовлетворённость трудом»¹. Личностные особенности операторов изучали с помощью методик, указанных в таблице 1.

Выборка. Исследование проводили в феврале 2023г. в ГБУ «Система 112» г. Москвы в период планового ежеквартального обучения персонала. В нём приняли участие 239 специалистов по организации оказания многопрофильной помощи населению (операторов системы-112), 58 мужчин и 181 женщина в возрасте 19–65 лет со стажем работы оператором – 0.1-22 года. Для достижения репрезентативности исследования выдержана стратификация выборки по полу, возрасту и стажу в соответствии с полным операторским составом учреждения. Испытуемым разъяснили цель исследования и взяли у них информированное согласие на участие, затем предложили заполнить

¹ Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика личности и малых групп. М.: Издательство Института психотерапии, 2002. С. 325–327.

Таблица 1 / Table 1

Методики изучения личностной сферы / Personality sphere study methods

Методика	Направленность методики	
Тест Холланда в модификации Г. В. Резапкиной ¹	«Отношение к миру»	профессиональное
Опросник терминальных ценностей И. Г. Сенина (ОТеЦ-2) [14]		общее
«Методики исследования самоотношения (МИС)» [11]	«Отношение к себе»	общее
«Социально-профессиональная востребованность личности» (СПВЛ) [17, с. 385-393]		профессиональное

анкету, содержащую вопросы социально-демографического характера и батарею психодиагностических методик.

В соответствии с целью исследования выборку разделили на группы по общему уровню УТ, оценённого с помощью методики «Интегральная удовлетворённость трудом». Эмпирическое распределение значений общего уровня УТ отличалось от нормального, поэтому разделение проводили по первому и третьему квартилю. Характеристика полученных групп с низкой УТ (НУТ), средней УТ (СУТ) и

высокой УТ (ВУТ) представлена в таблице 2.

Статистическая обработка данных включала описательную статистику, сравнительный анализ (критерий Краскела-Уоллиса, Манна-Уитни для независимых выборок, критерий Уилкоксона для связанных выборок), корреляционный анализ (критерий Спирмена), оценку уровня нормальности распределения (критерий Колмогорова-Смирнова), критерий независимости χ -квадрат Пирсона с использованием программы SPSS 26.

Таблица 2 / Table 2

Характеристика групп операторов с разным общим уровнем УТ / Different overall job satisfaction level operator groups' characteristics

Группа	Кол-во человек			Возраст (Me, Q1-Q3), годы	Стаж (Me, Q1-Q3), годы
	Мужчины, человек (%)	Женщины, человек (%)	Всего		
НУТ (≤ 23 баллов)	13 (22.81)	44 (77.19)	57	28.0, 21.00-36.00	2.00, 1.00-5.00
СУТ (24-27 баллов)	27 (21.95)	96 (78.05)	116	28.0, 21.00-40.00	2.00, 0.75-4.00
ВУТ (≥ 28 баллов)	18 (30.51)	41 (69.49)	59	26.00, 22.00-39.00	1.50, 1.00-3.00

¹ Резапкина Г. В. Психология и выбор профессии: программа предпрофильной подготовки: учебно-методическое пособие для психологов и педагогов. М.: Генезис, 2005. С. 75-79.

Результаты исследования

Сравнение выделенных групп операторов по их возрасту, стажу и полу не выявило значимых различий между ними по этим критериям (табл. 3).

Попарное сравнение выделенных групп с применением критерия Манна–Уитни позволило оценить различия между ними по отдельным составляющим УТ. Выявлены значимые различия по шкалам: «Интерес к работе», «Удовлетворённость достижениями в работе», «Удовлетворённость взаимоотношениями с коллегами», «Удовлетворённость взаимоотношениями с руководством», «Предпочтение содержания работы заработку», «Удовлетворённость условиями труда» в соответствии со следующим распределением показателей по этим шкалам: НУТ<СУТ<ВУТ (рис. 1). Также выявлено, что у операторов с ВУТ показатели шкалы «Профессиональная ответственность» выше, чем у операторов с НУТ и СУТ. Нет различий только по шкале «Уровень притязаний в профессиональной деятельности». Таким образом, различия общего уровня УТ испытуемых обусловлены целым комплексом её составляющих, связанных с оценкой организационных условий, интересом к работе и возможностей самореализации.

Оценка значимости различных сфер жизни и терминальных ценностей для групп по данным ОТеЦ-2 и их сравнения представлены на рисунке 2.

Как видно, у всех групп выявлены значения выше нормы по шкале «высокое материальное положение», указывающие на проявленность стремления к материальному благосостоянию как основному условию жизненного благополучия. У операторов с ВУТ также выше нормы значения по шкалам «обучение и образование», «общественная жизнь», «увлечения», «достижения», что указывает на значимость для них получения новых знаний, расширения кругозора («обучение и образование»), достижения ощутимых результатов в течение всей жизни, которые служат основанием высокой самооценки («достижения»), включения во все виды общественно-политической деятельности («общественная жизнь»), посвящения существенного количества времени хобби («увлечения»).

Статистическое сравнение выявило ряд значимых различий по шкалам ОТеЦ-2 между группами с разным уровнем УТ (рис. 2). Показатели шкал «обучение и образование» и «профессиональная жизнь» у операторов с ВУТ статистически значимо выше, чем у

Таблица 3 / Table 3

Сравнение групп операторов с разным общим уровнем УТ по полу, возрасту и стажу / Comparison of different job satisfaction level operators' groups by their sex, age and seniority

Группирующая переменная	Значение критерия χ^2 -квadrat Пирсона	Асимптотическая значимость (двусторонняя)
Пол	1.676	.433
Возраст	.397	.820
Стаж	1.946	.378

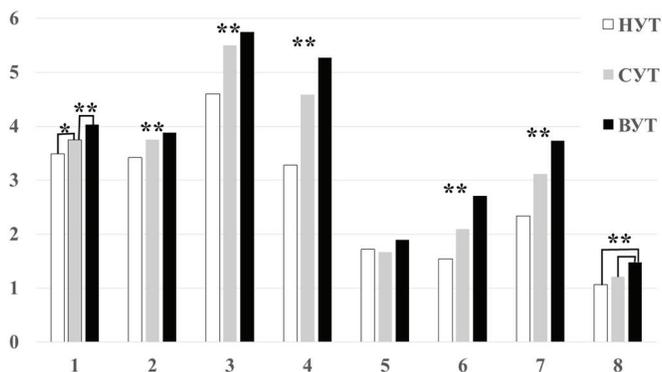

Рис. 1. / Fig. 1. Уровень отдельных составляющих УТ для групп операторов (средний балл): 1 – интерес к работе, 2 – удовлетворённость достижениями в работе, 3 – удовлетворённость взаимоотношениями с коллегами, 4 – удовлетворённость взаимоотношениями с руководством, 5 – уровень притязаний в профессиональной деятельности, 6 – предпочтение выполняемой работы зарплатку, 7 – удовлетворённость условиями труда, 8 – профессиональная ответственность. Различия между группами значимы на уровне * – $p < 0.05$, ** – $p < 0.01$ / Job satisfaction components' level for operators' groups (mean): 1 – job interest, 2 – job achievement satisfaction, 3 – satisfaction with communication with colleagues, 4 – satisfaction with communication with management, 5 – level of professional claim, 6 – preference of work to salary, 7 – job condition satisfaction, 8 – professional responsibility. Groups' differences are significant at the level * – $p < 0.05$, ** – $p < 0.01$

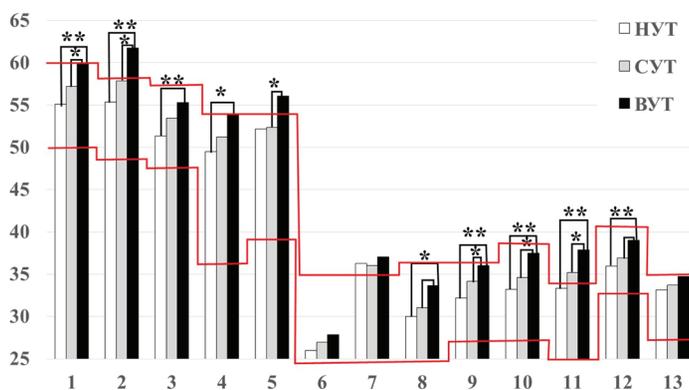

Рис. 2 / Fig. 2. Значимость различных сфер жизни и терминальных ценностей для операторов с разным уровнем УТ (средние баллы): 1 – профессиональная жизнь, 2 – обучение и образование, 3 – семейная жизнь, 4 – общественная жизнь, 5 – увлечения, 6 – собственный престиж, 7 – высокое материальное положение, 8 – креативность, 9 – активные социальные контакты, 10 – развитие себя, 11 – достижения, 12 – духовное удовлетворение, 13 – сохранение собственной индивидуальности. Различия между группами значимы на уровне * – $p < 0.05$, ** – $p < 0.01$. Красными линиями обозначены границы нормативных значений для шкал / Different life sphere and terminal value meaning levels for operators' groups (means): 1 – professional life, 2 – study and education, 3 – family, 4 – social life, 5 – hobbies, 6 – self-prestige, 7 – high financial status, 8 – creativity, 9 – active social contacts, 10 – self-development, 11 – achievements, 12 – inner satisfaction, 13 – self-individuality retention. Groups' differences are significant at the level * – $p < 0.05$, ** – $p < 0.01$. Red lines are frontiers of statistical norm for population

других групп, т. е. они больше стремятся к получению новых знаний и включению во все виды производственного процесса. Семейная и общественная жизнь для специалистов с ВУТ важнее, чем для специалистов с НУТ. В группе с ВУТ значимо выше, чем в других группах, баллы по шкалам «креативность», «активные социальные контакты», «развитие себя», «достижения» и «духовное удовлетворение». Это означает, что операторы с ВУТ чаще других проявляют стремление к разнообразию в жизни, избеганию стереотипов, реализации своих творческих способностей («креативность»), установлению благоприятных взаимоотношений и взаимодействия с окружающими, общению («активные социальные контакты»), самосовершенствованию и наиболее полной самореализации в жизни («развитие себя»), стремлению делать то, что интересно и приносит моральное удовлетворение («духовное удовлетворение»), стремлению к конкретным осязаемым результатам в жизни через её тщательное планирование и следование к поставленным целям («достижения»). Таким образом, можно сказать, что общий уровень УТ групп соотносится со степенью важности для них учебной и профессиональной сфер жизни и рядом ценностей, выступающих требованием к развитию практически во всех профессиональных сферах.

По данным теста Холланда, у операторов наиболее проявлен социальный профессиональный тип, для которого характерно стремление работать с людьми, ответственность, эмпатия, терпение, ориентация на социальные нормы и отсутствие приоритетности материального благополучия. Также

высокие значения получены для предприимчивого и артистического типов. Предприимчивый тип характеризуется энергичностью, эффективным межличностным общением, уверенностью в себе, настойчивостью в достижении целей, самостоятельностью, высоким уровнем притязаний и стремлением к материальному достатку, желанием работать с людьми и идеями. Для артистического типа же свойственны склонность к творческой деятельности, эмоциональность, чувствительность к переживаниям других, самостоятельность, стремление к идеалу и свободе, отсутствие интереса к внешнему одобрению и следованию социальным нормам. Специфика труда оператора системы-112 (приём вызова от абонента и организация помощи людям) больше соответствует социальному и чуть менее предприимчивому типам. Сравнение групп операторов с разным уровнем УТ между собой (критерий Манна-Уитни) не выявило различий между ними по общей выраженности ни одного из шести профессиональных типов, но применение критерия Уилкоксона для связанных выборок показало, что у специалистов с СУТ и ВУТ социальный тип проявлен значимо сильнее предприимчивого и артистического, а у операторов с НУТ нет различий по проявленности ни одного из выделенных типов (рис. 3). Таким образом, можно сделать вывод, что операторы с НУТ не имеют выраженной профессиональной направленности, в то время как у операторов с СУТ и ВУТ преобладает социальный профессиональный тип.

Результаты, полученные с помощью методики МИС, представлены на рисунке 4. Показано, что для всех групп

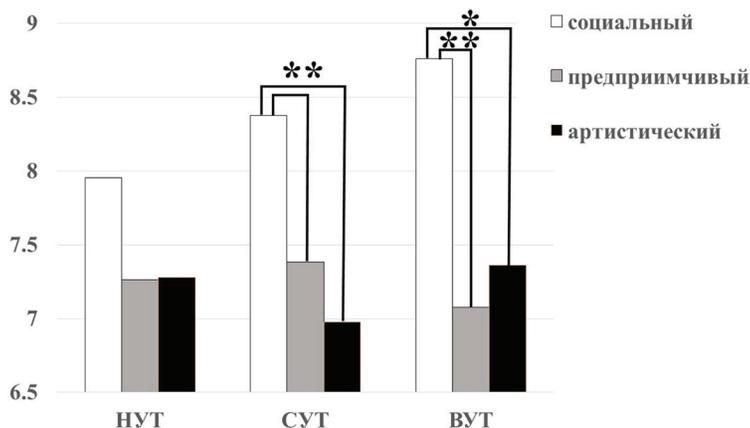

Рис. 3 / Fig. 3. Преобладающие профессиональные типы для групп операторов (средний балл). Различия между группами значимы на уровне * - $p < 0.05$, ** - $p < 0.01$ / Preferred professional types for operators' groups (mean). Groups' differences are significant at the level * - $p < 0.05$, ** - $p < 0.01$

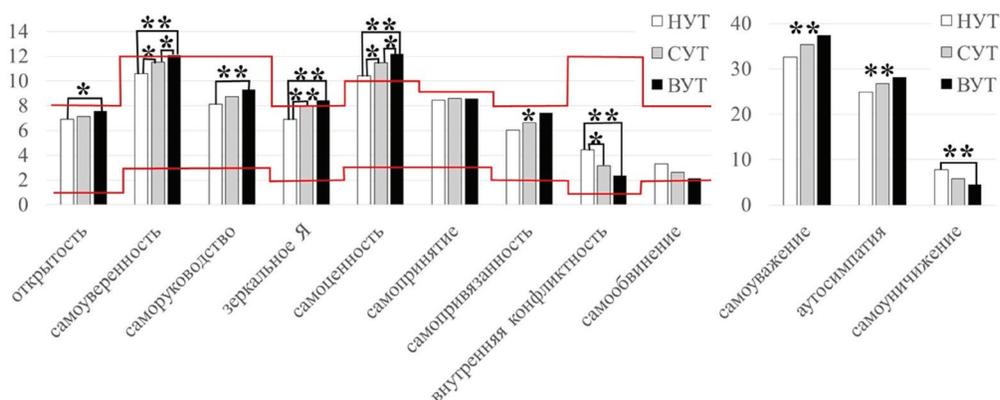

Рис. 4 / Fig. 4. Показатели самоотношения для групп операторов (средние значения). Различия между группами значимы на уровне * - $p < 0.05$, ** - $p < 0.01$. Красными линиями обозначены границы нормативных значений для шкал / Self-attitude score level for operators' groups (mean). Groups' differences are significant at the level * - $p < 0.05$, ** - $p < 0.01$. Red lines are frontiers of statistical norm for population

характерны высокие значения по шкале «самоценность», что отражает их значительную заинтересованность в собственном «Я», ощущение ценности своей личности и ожидание аналогичного отношения к себе от окружающих. У группы с ВУТ высокие значения

по шкале «саморуководство» (представление о себе как самостоятельном источнике собственной активности и достижений) и «зеркальное Я» (ожидание позитивного отношения к себе со стороны окружающих), что в целом характеризует их, как людей с высоким

уровнем саморегуляции и позитивным самоотношением.

Анализ статистически значимых различий между группами позволяет говорить о том, что:

1) по мере увеличения УТ в выделенных группах отмечается рост позитивного самоотношения;

2) по мере увеличения УТ в выделенных группах наблюдается ступенчатое усиление таких качеств, как представление о себе как уверенном, волевом, энергичном человеке, заслуживающем уважения («самоуважение»), высокой эмоциональной оценки богатства собственного внутреннего мира и духовности («самоценность»), положительной, но ригидной позиции по отношению к себе («самопривязанность»);

3) у операторов с ВУТ в сравнении операторами с НУТ выше «саморукводство» (организованность), «открытость» (нежелание осознавать значимую информацию о себе) и ниже «самоуничжение» (внутренняя неустроенность личности);

4) у операторов с ВУТ в сравнении с другими ниже «внутренняя конфликтность» (меньше сомнений, несогласия с собой, чувства вины),

5) показатели «зеркального Я» операторов с НУТ ниже, чем в других группах, что может говорить об отсутствии ожиданий позитивной оценки себя другими.

Суммируя результаты, полученные с помощью методики МИС, можно заключить, что операторы с НУТ в целом демонстрируют более низкий уровень личностного благополучия в сравнении с операторами с СУТ и ВУТ.

По результатам опросника СПВЛ субъективная оценка операторов по

всем составляющим профессиональной востребованности также градуально растёт в группах от НУТ к ВУТ (рис. 5).

Значимые различия между группами операторов выявлены по всем шкалам опросника за исключением шкал «принадлежности к профессиональному сообществу» и «самоотношение», где нет различий между группами с НУТ и СУТ (но есть различия между группами с СУТ и ВУТ, с ВУТ и НУТ). Таким образом, с ростом УТ у операторов отмечается рост признания реализации своего профессионального потенциала («удовлетворённость реализацией профессионального потенциала»), степени развития представления о себе как представителе конкретной профессии и принятии себя в этой роли, а также ценностей и людей этой профессии («принадлежность к профессиональному сообществу», «профессиональная самореализация»), оценки своей профессиональной квалификации («профессиональная компетентность») и её признания другими («профессиональная авторитетность»), положительной оценки результатов своего профессионального труда и ожидание симметричного отношения со стороны близких, коллег, руководства («оценка результатов профессиональной деятельности», «отношение других») и позитивное профессиональное самоотношение оператора как результат интереса близких к его труду и признания ими его профессионального авторитета («самоотношение»). Большое количество значимых различий между группами мы связываем с тем, что заложенные в диагностические методики конструкты интегральной УТ и СПВЛ частично пере-

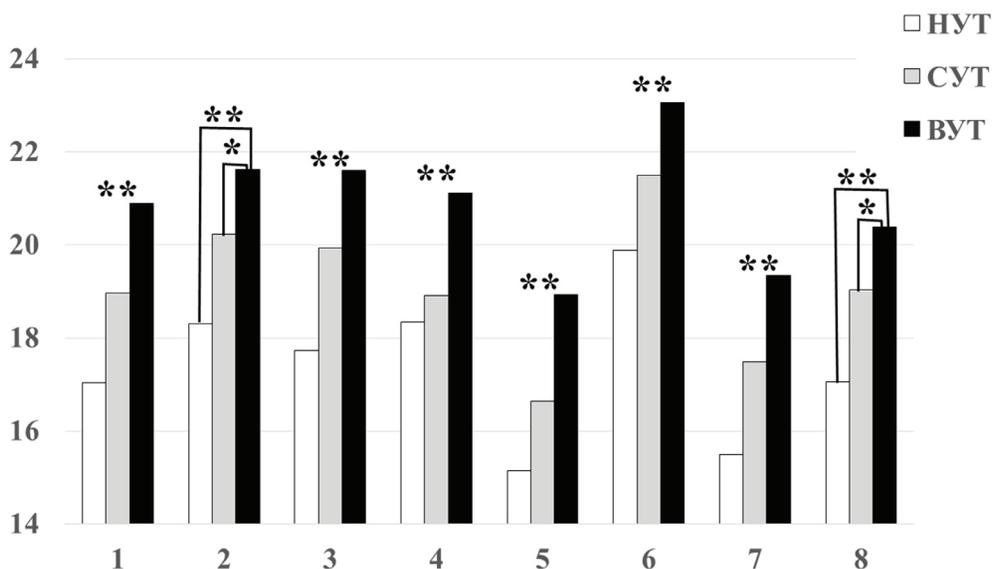

Рис. 5. / Fig. 5. Показатели социально-профессиональной востребованности личности (средние значения) для групп операторов: 1 – удовлетворённость реализации профессионального потенциала, 2 – принадлежность к профессиональному сообществу, 3 – профессиональные самореализации, 4 – профессиональная компетентность, 5 – профессиональная авторитетность, 6 – оценка результативности профессиональной деятельности, 7 – отношение других, 8 – самоотношение. Различия между группами значимы на уровне * - $p < 0.05$, ** - $p < 0.01$ / Social professional demand score level for operators' groups (means): 1 – professional potential actualization satisfaction, 2 – professional society membership, 3 – professional self-actualization, 4 – professional competence, 5 – professional authority, 6 – professional effectiveness estimation, 7 – respect of others, 8 – self-respect. Groups' differences are significant at the level * - $p < 0.05$, ** - $p < 0.01$

секаются, что, вероятно, отразилось на полученных результатах.

С помощью корреляционного анализа были выявлены значимые взаимосвязи между шкалами использованных в исследовании методик. У операторов с НУТ шкала «уровень результативности профессиональной деятельности» опросника СПВЛ прямо связана со шкалой МИС «самоуважение» ($r = 0.527$, $p < 0.001$), т. е. чем ниже они оценивают себя с точки зрения социально-нормативных критериев (моральности, успешности, воли, целеустремлённости, социального одо-

бления), тем ниже они оценивают и результаты своего труда. У операторов с ВУТ шкала «профессиональная самореализация» опросника СПВЛ обратно связана со шкалами «самоуничтожение» ($r = -0.518$, $p < 0.001$) и «внутренняя конфликтность» ($r = -0.520$, $p < 0.001$). Это может говорить о том, что чем меньше у них переживаний по поводу невозможности профессиональной самореализации, тем меньше у них сомнений, внутреннего несогласия с собой, тревожно-депрессивных переживаний и внутренней неустроенности личности в целом. У операторов с СУТ

значимых корреляций между шкалами применённых методик не было выявлено.

Обсуждение результатов

Согласно научным данным, УТ представляет собой обобщающую оценку профессионально-трудовой ситуации специалистом по ряду критериев [2], которые содержательно совпадают с ценностно-смысловой и профессиональной направленностями субъекта труда [5; 10; 15; 19]. Авторами показано, что уровень УТ отражает соответствие желаемого, возможного (как в целом, так и для конкретного человека) и реального в настоящий момент [2; 7; 19]. Данные подходы позволяют рассмотреть УТ как частный случай общей системы отношений человека и предположить, что у профессионалов с разным уровнем УТ будут различия в отношении к себе и окружающему миру, что мы проверили в своём исследовании на примере специалистов по организации оказания многопрофильной помощи (операторов системы-112). Собранные нами данные позволили описать отличительные особенности групп специалистов-операторов с разным уровнем УТ с точки зрения их отношения к себе и к миру, в том числе в профессиональной сфере.

У операторов с НУТ одинаково выражены сразу три профессиональных типа: социальный, предприимчивый и артистический, последний из которых мало соотносится с требованиями профессиональной деятельности специалистов по организации оказания многопрофильной помощи. Для представителей этой группы характерна более низкая (в сравнении с другими

группами) значимость учебной и профессиональной сфер жизни, а также более низкий уровень стремления к осязаемым достижениям в жизни, саморазвитию и получению внутреннего удовлетворения от того, что они делают. Специалисты с НУТ более склонны проявлять индифферентную позицию по отношению к окружающей реальности (хотя в целом всё это в пределах нормы для популяции). У них также самые низкие показатели внутренней устроенности личности и субъективной оценки себя как компетентного, востребованного, признанного и самореализующегося специалиста. Операторы с НУТ менее других удовлетворены рабочими взаимоотношениями, условиями, результатами деятельности и больше других отдадут предпочтение размеру заработка, а не содержанию своего труда.

У операторов с СУТ наиболее выражен социальный профессиональный тип. Хотя значимость профессиональной сферы жизни, саморазвития, достижений, духовного удовлетворения от своей активности у них в целом такая же, как у операторов с НУТ, она ниже, чем у операторов с ВУТ. В то же время для этой группы характерны оценки самооценки, своей социально-профессиональной востребованности и профессиональной самооценки, а также оценки отдельных сторон своего труда (взаимоотношений в коллективе, условий труда и т. п.) выше, чем у операторов с НУТ, но ниже, чем у операторов с ВУТ.

У операторов с ВУТ также преобладает социальный профессиональный тип. Показатели ценности учебной и профессиональной жизни, увлечений, стремления к достижениям, коммуни-

кации, развитию и желание получать от своей деятельности удовлетворение у них выше, чем в других группах, т. е. они более «заинтересованные» в различных проявлениях жизни. Для данной группы выявлены показатели внутренней устроенности и субъективной оценки себя как профессионала выше, чем в остальных группах. Однако, стоит заметить, что и показатели ригидности личности на фоне общего позитивного самоотношения у них также выше, чем у других, что в перспективе может препятствовать дальнейшему развитию личности. Общая ВУТ специалистов этой группы обусловлена их наиболее высокими показателями удовлетворённости содержанием, условиями, достижениями в работе и рабочими взаимоотношениями.

Анализ полученных данных позволяет выделить три основные критерия, с которыми связаны различия между группами специалистов с разным уровнем УТ в нашем исследовании: 1) степень дифференциации профессиональной направленности, 2) уровень значимости учебной, профессиональной сфер жизни и таких ценностей, как достижения, саморазвитие и духовное удовлетворение, 3) самоотношение личности, её благополучие. С учётом литературных данных мы полагаем, что первый и отчасти второй критерии задают вектор приложения усилий человека как субъекта труда. Третий критерий указывает на веру человека в возможность достижения им желаемого при приложении усилий в этом направлении и в сочетании со вторым критерием также определяет величину этих усилий. У специалистов с разным уровнем УТ в настоящем ис-

следовании обнаружены разные сочетания «значений» этих критериев.

Возвращаясь к вопросу о взаимосвязи УТ, профессиональной пригодности и профессиональной адаптации, стоит отметить, что выявленными отличительными особенностями операторов с НУТ указывают на их низкий потенциал адаптации к помогающей профессиональной деятельности. При этом мы скорее склонны рассматривать СУТ как наиболее желательный для профессионала с точки зрения благополучия и развития его личности, в т. ч. профессионального, но это требует эмпирической проверки. Поскольку по полученным нами данным группы специалистов с разным уровнем УТ различаются в первую очередь по устойчивым личностным качествам, то можно предположить, что эти особенности predisполагают человека как субъекта труда к разному уровню УТ и, соответственно, профессиональной адаптации. Это предположение также следует проверить эмпирически на разных видах трудовой деятельности.

В целом полученные нами результаты согласуются с описанными ранее в литературе. Так, О. В. Охотенко установил положительную взаимосвязь между уровнем УТ и показателями позитивного самоотношения личности (прежде всего, самооценки, саморукводства, уверенности в себе) и её профессионального самосознания [10]. А. А. Обознов с коллегами изучал факторы профессионального благополучия, близкого по содержанию к УТ, и отметил высокий вклад в него профессиональной самооценки, оценки реализации ожидания профессионального роста, достижений и рабочих взаи-

моотношений [20]. Р. М. Шамионов показал положительную взаимосвязь УТ со стремлением к новым знаниям, ценностными ориентациями и по результатам своей работы УТ, собой и жизнью отнёс к критериям профессиональной социализации, прямо пропорциональным величине её движущих сил [18]. Отметим, что, хотя в нашем исследовании УТ не связана с полом, возрастом и стажем испытуемых, а в работах Г. А. Фофановой [16], О. Я. Пономаревой [12] показано обратное, однако они использовали другой инструментарий для оценки УТ, и их выборка существенно отличалась от нашей по социально-демографическому критерию.

Таким образом, у специалистов с разным уровнем УТ выявлены различия по их личностным особенностям, выраженным в их отношении к себе и миру, т. е. выдвинутая нами гипотеза нашла эмпирическое подтверждение.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что УТ специа-

листов по организации оказания многопрофильной помощи (операторов системы-112) не связана с их социально-демографическими показателями, а определяется личностным профилем специалистов, характеризующим их отношение к себе и к окружающему миру, причём как в целом, так и в профессиональной сфере.

Для развития исследований на тему профессиональной пригодности и профессиональной адаптации специалистов помогающих профессий кажется перспективным поиск более конкретных ценностно-смысловых предикторов разного уровня УТ. Также интересно проверить, насколько универсальны для разных видов профессий выявленные нами различия личностных особенностей специалистов с разным уровнем УТ.

Полученные результаты дополняют наши теоретические представления о личности профессионала и её адаптации и могут быть применены на практике при профотборе и сопровождении специалистов помогающих профессий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алдашева А. А. Влияние исходной структуры личности на выбор индивидуальных стратегий адаптации к экстремальным условиям природной и социальной среды // Физиология экстремального состояния и индивидуальная защита человека: тезисы докладов Всесоюзной конференции. М.: Институт психологии РАН, 1986. С. 58–62.
2. Бодров В. А. Удовлетворённость работой как субъективный показатель профессиональной пригодности // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2007. №3 (40). С. 24–26.
3. Блохина Л. Н., Аминова Н. А. К вопросу об объективных критериях оценки социальных видов труда // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2015. №44. С. 93–97.
4. Голубева Н. А. Успешность профессиональной деятельности и удовлетворённость трудом социального работника // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2011. Т. 17. №4. С. 244–248.

5. Грачев А. А. Организационные факторы удовлетворённости трудом и жизнью рабочих и служащих // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. №62. С. 225–230.
6. Емелин В. А., Рассказова Е. И., Иванова Т. Ю. Профессиональная идентичность и удовлетворённость профессиональной деятельностью как факторы благополучия на рабочем месте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. №4. С. 115–135. DOI: 10.11621/vsp.2022.04.05.
7. Ильясов Ф. Н. О целесообразности исследований удовлетворённости трудом // Социологический журнал. 2013. №3. С. 130–138.
8. Лубягина А. Ф., Гурская С. П., Мельникова Н. Н. Параметры профессионального выбора и удовлетворённость молодых специалистов карьерой и трудом // Психология. Психофизиология. 2020. Т. 13. №4. С. 5–12. DOI: 10.14529/jpps200401.
9. Макеева О. В. Адаптация и удовлетворённость трудом: эмпирические исследования, обобщения и результаты // Библиосфера. 2015. №3. С. 87–95.
10. Охотенко О. В. Влияние ценностно-смысловых ориентаций и самосознания на удовлетворённость трудом учителя средней школы: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2010. 24 с.
11. Пантилеев С. Р. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993. 29 с.
12. Пономарева О. Я., Никитина О. Ю. Удовлетворённость трудом как показатель качества человеческого капитала организации в условиях цифровизации // Цифровая трансформация общества, экономики, менеджмента и образования: материалы Международной конференции / Екатеринбург, 5–6 декабря 2019 года. Sedlčany: Ústav personalistiky, 2020. С. 67–74.
13. Платонина Е. А. Удовлетворённость профессиональной военной деятельностью // Человеческий капитал. 2021. №10 (154). С. 50–56. DOI: 10.25629/НС.2021.10.07.
14. Сенин И. Г. Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ): Руководство. Ярославль: Содействие, 1991. 20 с.
15. Сerezкина А. Е. Диагностика удовлетворённости трудом сотрудников предприятий НГКХ // Управление устойчивым развитием. 2020. №6 (31). С. 57–63.
16. Фофанова Г. А., Мамедова А. С. Удовлетворённость трудом сотрудников социэкономических профессий // София. 2018. №2. С. 13–19.
17. Харитоновна Е. В. Психология социально-профессиональной востребованности личности. М.: Институт психологии РАН, 2014. 411 с.
18. Шамионов Р. М. Самоактуализация учителей и удовлетворённость жизнедеятельностью и собой // Мир психологии: научно-методический журнал. 2020. №2 (30). С. 143–148.
19. Ядов В. А., Киссель А. А. Удовлетворённость работой: анализ эмпирических обобщений и попытка их теоретического истолкования // Социологическое исследование. 1974. №1. С. 78–87.
20. Oboznov A. A., Petrovich D. L., Kozhanova I. V., Bessonova Yu. V. The construct of subjective occupational well-being: Russian sample testing // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. №2. С. 247–262. DOI: 10.22363/2313-1683-2020-17-2-247-262.

REFERENCES

1. Aldasheva A. A. [Influence of the initial personality structure on the choice of individual adaptation strategies to extreme conditions of the natural and social environment]. In: *Fiziologiya ekstremal'nogo sostoyaniya i individual'naya zashchita cheloveka: tezisy dokladov*

- Vsesoyuznoj konferencii* [Physiology of extreme conditions and individual human protection: abstracts of reports of the All-Union conference]. Moscow, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 1986, pp. 58–62.
2. Bodrov V. A. [Job satisfaction as a subjective indicator of professional suitability]. In: *Chelovecheskij faktor: problemy psichologii i ergonomiki* [Human factor: problems of psychology and ergonomics], 2007, no. 3 (40), pp. 24–26.
 3. Blohina L. N., Aminova N. A. [On the issue of objective criteria for assessing socioeconomic types of work]. In: *Psichologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya* [Psychology and pedagogy: methods and problems of practical application], 2015, no. 44, pp. 93–97.
 4. Golubeva N. A. [Success in professional activity and satisfaction with work of a social worker]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Pedagogika. Psichologiya. Social'naya rabota. Yuvenologiya. Sociokinetika* [Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov. Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics], 2011, vol. 17, no. 4, pp. 244–248.
 5. Grachev A. A. [Organizational factors of satisfaction with work and life of workers and employees]. In: *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen], 2008, no. 62, pp. 225–230.
 6. Emelin V. A., Rasskazova E. I., Ivanova T. Yu. [Professional identity and satisfaction with professional activity as factors of well-being in the workplace]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psichologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology], 2022, no. 4, pp. 115–135. DOI: 10.11621/vsp.2022.04.05.
 7. Ilyasov F. N. [On the Feasibility of Researching Job Satisfaction]. In: *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 2013, no. 3, pp. 130–138.
 8. Lubyagina A. F., Gurskaya S. P., Melnikova N. N. [Parameters of Professional Choice and Satisfaction of Young Professionals with Career and Job]. In: *Psichologiya. Psihofiziologiya* [Psychology. Psychophysiology], 2020, vol. 13, no. 4, pp. 5–12. DOI: 10.14529/jpps200401.
 9. Makeeva O. V. [Adaptation and job satisfaction: empirical studies, generalizations and results]. In: *Bibliosfera* [Bibliosphere], 2015, no. 3, pp. 87–95.
 10. Ohotenko O. V. *Vliyanie cennostno-smyslovyyh orientacij i samosoznaniya na udovletvoryonost' trudom uchitelya srednej shkoly: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk* [The influence of value-semantic orientations and self-awareness on job satisfaction of a secondary school teacher: abstract of Cand. Sci. thesis in Psychology]. Moscow, 2010. 24 p.
 11. Pantileev S. R. *Metodika issledovaniya samootnosheniya* [Methodology for studying self-attitude]. Moscow, Smysl Publ., 1993. 29 p.
 12. Ponomareva O. Ya., Nikitina O. Yu. [Job satisfaction as an indicator of the quality of an organization's human capital in the context of digitalization]. In: *Cifrovaya transformaciya obshchestva, ekonomiki, menedzhmenta i obrazovaniya: materialy Mezhdunarodnoj konferencii / Ekaterinburg, 5–6 dekabrya 2019 goda* [Digital transformation of society, economy, management and education: materials of the International conference / Yekaterinburg, December 5–6, 2019]. Sedlčany, Ústav personalistiky Publ., 2020, pp. 67–74.
 13. Platonina E. A. [Satisfaction with professional military activities]. In: *Chelovecheskij kapital* [Human capital], 2021, no. 10 (154), pp. 50–56. DOI: 10.25629/HC.2021.10.07.
 14. Senin I. G. *Oprosnik terminal'nyh cennostej (OTeC): Rukovodstvo* [Questionnaire of terminal values (OTeC): Manual]. Yaroslavl, Sodejstvie Publ., 1991. 20 p.
 15. Serezhkina A. E. [Diagnostics of job satisfaction of employees of oil and gas industry enterprises]. In: *Upravlenie ustojchivym razvitiem* [Management of sustainable development], 2020, no. 6 (31), pp. 57–63.

16. Fofanova G. A., Mamedova A. S. [Job satisfaction of employees of socio-economic professions]. In: *Sofiya* [Sofia], 2018, no. 2, pp. 13–19.
17. Haritonova E. V. *Psihologiya social'no-professional'noj vobrebovannosti lichnosti* [Psychology of social and professional demand for an individual]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2014. 411 p.
18. Shamionov R. M. [Self-actualization of teachers and satisfaction with life and oneself]. In: *Mir psihologii: nauchno-metodicheskij zhurnal* [The world of psychology: scientific and methodological journal], 2020, no. 2 (30), pp. 143–148.
19. Yadov V. A., Kissel A. A. [Job satisfaction: analysis of empirical generalizations and an attempt at their theoretical interpretation]. In: *Sociologicheskoe issledovanie* [Sociological research], 1974, no. 1, pp. 78–87.
20. Oboznov A. A., Petrovich D. L., Kozhanova I. V., Bessonova Yu. V. The construct of subjective occupational well-being: Russian sample testing. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy], 2020, vol. 17, no. 2, pp. 247–262. DOI: 10.22363/2313-1683-2020-17-2-247-262.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулина Юлия Александровна (Москва) – аспирант лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии Института психологии РАН; e-mail: abdulina-youlia-27@yandex.ru; ORCID: 0009-0009-6147-5118

Алдашева Айгуль Абдулхаевна (Москва) – доктор психологических наук, ведущий научный специалист лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии Института психологии РАН; e-mail: aigulmama@mail.ru; ORCID:0000-0003-3768-9887

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yulia A. Abdulina (Moscow) – Postgraduate student of Laboratory of Labour Psychology, Ergonomics, Engineer and Organizational Psychology of Institute of Psychology of RAS; e-mail: abdulina-youlia-27@yandex.ru; ORCID: 0009-0009-6147-5118

Aigul A. Aldasheva (Moscow) – Dr. Sci. (Psychology), Leading Researcher of Laboratory of Labour Psychology, Ergonomics, Engineer and Organizational Psychology, Institute of Psychology of RAS; e-mail: aigulmama@mail.ru; ORCID:0000-0003-3768-9887

Научная статья

УДК 159.942.2

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-141-150

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И УДОВЛЕТВОРЁННОСТИ ТРУДОМ РЕСПОНДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМИ ФОРМАМИ ЗАНЯТОСТИ

Баркова Е. В., Емельяненко А. В.

Ульяновский государственный университет; 432017, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, д 42, Российская Федерация; e-mail: annaemelyanenkova@gmail.com

Поступила в редакцию 16.05.2024

После доработки 28.05.2024

Принята к публикации 30.05.2024

Аннотация

Цель. Изучить особенности проявления психологического благополучия и удовлетворённости трудом при традиционной и прекарной (неустойчивой) формах занятости с учётом стажа работы.

Процедура и методы. Проводилось сравнение результатов диагностики двух групп: респондентов с традиционной формой занятости (осуществляющих деятельность по трудовому договору) и респондентов с прекарными формами занятости (самозанятые, фрилансеры и т. д.) со стажем работы до пяти и более пяти лет. Диагностическим инструментарием выступили методики К. Риффа «Шкалы психологического благополучия» в адаптации Н. Н. Лепешинского и А. В. Батаршева «Интегральная удовлетворённость трудом». Полученные данные проверялись на значимость различий с помощью U-критерия Манна–Уитни.

Результаты. Были получены статистически достоверные различия проявлений психологического благополучия у респондентов с различными формами занятости. Лица с прекарными формами занятости имеют более низкие показатели по автономии, управлению окружающей средой, личностному росту, самопринятию, удовлетворённости условиями труда. С увеличением стажа работы разница в уровне психологического благополучия и удовлетворённости трудом становится менее существенной.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сформулированы рекомендации для специалистов прекарных форм занятости с разным стажем работы с точки зрения повышения удовлетворённости трудом и ощущения психологического благополучия.

Ключевые слова: прекарная занятость, психологическое благополучие, стаж работы, удовлетворённость трудом

Для цитирования: Баркова Е. В., Емельяненко А. В. Особенности психологического благополучия и удовлетворённости трудом респондентов с различными формами занятости // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. №4. С. 141–150. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-141-150

Original Research Article

FEATURES OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING AND JOB SATISFACTION OF RESPONDENTS WITH DIFFERENT FORMS OF EMPLOYMENT

E. Barkova, A Emelyanenkova

Ulyanovsk State University; 432017, Ulyanovsk, ul. Lva Tolstogo, 42, Russian Federation; e-mail: annaemelyanenkova@gmail.com

Received by the editorial office 16.05.2024

Revised by the author 28.05.2024

Accepted for publication 30.05.2024

Abstract

Aim. The study of the peculiarities of the manifestation of psychological well-being and job satisfaction in traditional and precarious (unstable) forms of employment, taking into account work experience.

Methodology. The results of the diagnosis of two groups were compared: respondents with a traditional form of employment (working in an organization under an employment contract), and respondents with precarious forms of employment (self-employed, freelancers, etc.) with work experience of up to 5 years or more. The diagnostic tools were the methods of K. Ryff “Psychological Well-Being Scale” adapted by N. N. Lepeshinsky and A. V. Batarshv “Integral Job Satisfaction”. The obtained data were tested for the significance of differences using the Mann-Whitney U-test.

Results. Statistically significant differences in the manifestations of psychological well-being among respondents with different forms of employment were obtained. People with precarious forms of employment have lower indicators of autonomy, environmental management, personal growth, self-acceptance, and satisfaction with working conditions. With an increase in work experience, the difference in the level of psychological well-being and job satisfaction becomes less significant.

Research implications. Recommendations have been formulated for specialists in precarious forms of employment with different work experience from the point of view of increasing job satisfaction and a sense of psychological well-being.

Keywords: precarious employment, psychological well-being, work experience, job satisfaction

For citation: Barkova E. V., Emelyanenkova A. V. Features of psychological well-being and job satisfaction of respondents with different forms of employment. In: Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2024, no. 4, pp. 141–150. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-4-141-150

Введение

Психологическое благополучие личности является одним из главных качеств жизни человека, которое определяется как состояние удовлетворённости всеми аспектами жизни. Это феномен человеческой психики,

связанный с природным стремлением человека к ощущению счастья и комфорта, к внутреннему равновесию. В последние десятилетия исследования психологического благополучия становятся всё более популярными в академической психологии и востре-

бованными в психологической практике. Говорить о психологическом благополучии личности имеет смысл лишь тогда, когда человек удовлетворён всеми сферами своей жизни: семейной, учебной, социальной, трудовой и т. д. Вместе с тем в современный период особое значение приобретает психологическое благополучие личности в сфере труда [6; 10; 15]. Это связано с современными мировыми процессами, оказывающими негативное воздействие на трудовую сферу жизни людей (пандемия, компьютеризация, информатизация), которые стали причинами появления и распространения прекарных форм занятости, среди которых такие, как самозанятость, фриланс, удалённая или дистанционная занятость.

Разумеется, что и традиционные, и прекарные формы обладают как достоинствами, так и недостатками. Из последних для традиционных форм занятости выделяют низкий уровень оплаты труда, проблемы в отношениях с коллективом и руководством, высокая загруженность, применение руководством токсичных практик управления персоналом, некомфортные условия труда [5; 12]. Негативными факторами прекарных форм занятости являются отсутствие стабильности работы и заработка, отсутствие социальных и трудовых гарантий, проблемы с организацией рабочего места и процесса, проблемы сочетания работы с семейными обязанностями [1].

Указанные проблемы могут оказывать деструктивное воздействие на психологическое благополучие личности, поскольку человек испытывает постоянный стресс, связанный с переживаниями о настоящем и будущем. Так, по

исследованиям немецких учёных, было выявлено, что сотрудники социальных служб, которые испытывали двусмысленность своих профессиональных ролей, имели значимо меньшую удовлетворённость работой [16], у них чаще проявлялись симптомы эмоционального возбуждения и деперсонализации, а 40% опрошенных высказались о дальнейшей смене своей работы [13]. Многочисленные исследования не просто подчёркивают высокий уровень развития синдрома эмоционального выгорания среди людей, не удовлетворённых своим трудом, наличие которого уже не позволяет сказать о психологическом благополучии личности [7; 9], но и делают вывод о долгосрочных негативных проявлениях за рамками рабочей деятельности [14].

Процедура и методы исследования

В нашей работе мы ориентировались на выявление уровня сформированности у респондентов критериев психологического благополучия и удовлетворённости трудом. Исследование проводилось на базе предприятия ООО «Автокомпонент» и Ульяновского центра «Мой бизнес». В нём приняли участие 200 человек – 98 человек с традиционной формой занятости и 102 человека с прекарными формами занятости. В ходе проведения исследования из-за особенностей выбранной нами базы исследования и поставленных целей нами было выделено две группы испытуемых в зависимости от форм занятости: лица с традиционной формой занятости и лица с прекарными формами занятости. Каждая из групп также была подразделена на подгруппы в целях проведения анализа динамики степени сформир-

рованности и выраженности компонентов психологического благополучия личности в зависимости от стажа работы человека в сфере конкретной формы занятости: специалисты со стажем до и более 5 лет. Анализировались 4 группы, которые сравнивались между собой.

Диагностическим инструментарием в нашем исследовании выступили методики К. Риффа «Шкалы психологического благополучия» в адаптации Н. Н. Лепешинского [8] и А. В. Батаршева «Интегральная удовлетворённость трудом» [4; 11]. Полученные данные в дальнейшем были проверены на значимость различий с помощью U-критерия Манна-Уитни. Оценка результатов эмпириче-

ского исследования включала в себя комплексный количественный и качественный анализ уровней выраженности и сформированности у респондентов проявлений психологического благополучия/неблагополучия, удовлетворённости/неудовлетворённости трудовой деятельностью.

Результаты и обсуждение

Методика К. Риффа «Шкалы психологического благополучия» [8] позволяет получить результаты по общему уровню психологического благополучия и степень выраженности каждого из компонентов (табл. 1). Результаты, представленные в таблице 1, показывают, что уровень психологического благополучия респондентов с тради-

Таблица 1 / Table 1

Показатели проявления психологического благополучия у респондентов традиционной и precarious форм занятости с разным стажем работы (критерий Манна-Уитни) / Indicators of psychological well-being among respondents of traditional and precarious forms of employment with different work experience (Mann-Whitney criterion)

Уровни	Стаж до 5 лет					Стаж больше 5 лет				
	1 гр.	2 гр.	U _{эмп}	U _{кр} 0,05	U _{кр} 0,001	1 гр.	2 гр.	U _{эмп}	U _{кр} 0,05	U _{кр} 0,001
<i>Шкала «Позитивное отношение к окружающим»</i>										
Низкий	5	5	929	946	852	3	7	1 118	1 076	972
Средний	33	41				41	40			
Высокий	9	4				7	5			
<i>Шкала «Автономия»</i>										
Низкий	0	4	354,5	946	852	10	0	463	1 076	972
Средний	41	46				41	51			
Высокий	6	0				0	1			
<i>Шкала «Управление окружающей средой»</i>										
Низкий	0	18	180,5	946	852	7	22	635	1 076	972
Средний	40	31				44	30			
Высокий	7	1				0	0			
<i>Шкала «Личностный рост»</i>										
Низкий	8	24	523,5	946	852	0	2	906,5	1 076	972
Средний	37	26				47	47			
Высокий	2	0				4	3			

Окончание табл. 1

Уровни	Стаж до 5 лет					Стаж больше 5 лет				
	1 гр.	2 гр.	U _{эмп}	U _{кр} 0,05	U _{кр} 0,001	1 гр.	2 гр.	U _{эмп}	U _{кр} 0,05	U _{кр} 0,001
<i>Шкала «Цель в жизни»</i>										
Низкий	0	5	1 006	946	852	0	7	801,5	1 076	972
Средний	45	42				50	45			
Высокий	2	3				1	0			
<i>Шкала «Самопринятие»</i>										
Низкий	3	8	814	946	852	2	11	675	1 076	972
Средний	42	40				46	41			
Высокий	2	2				3	0			
<i>Шкала «Общий уровень психологического благополучия»</i>										
Низкий	1	11	464,5	946	852	3	5	965,5	1 076	972
Средний	42	38				46	46			
Высокий	4	1				2	1			

ционными формами занятости (1-я группа) выше, чем у испытуемых с прекарными формами занятости (2-я группа) практически по всем шкалам методики. Вместе с тем различия на общем уровне психологического благополучия у лиц со стажем работы до 5 лет более существенные, чем у лиц со стажем работы более 5 лет.

Далее показатели были проверены с помощью U - критерия Манна-Уитни на значимость различий, и они подтвердили их по ряду шкал: «автономия», «управление окружающей средой», «личностный рост», «самопринятие».

Обобщая и интерпретируя полученные результаты, можно сформулировать несколько выводов:

Во-первых, специалисты прекарной формы занятости демонстрируют более низкий уровень контроля над событиями, происходящими в их жизни, что не противоречит их более высокому уровню зависимости от окружающей среды. Они испытывают чувство неуверенности в будущем в связи с от-

сутствием постоянства работы, оплаты их труда. Такие проявления являются причинами постоянного нахождения испытуемых в стрессовой ситуации, что негативно влияет на общий уровень психологического благополучия.

Во-вторых, лица с прекарными формами занятости испытывают трудности в принятии себя, удовлетворённости своей деятельностью и её результатами, в совершенствовании своих навыков и знаний. Они чаще остальных недовольны своими достижениями, считают, что способны сделать лучше и больше.

В-третьих, разница в уровне психологического неблагополучия у лиц с прекарными и традиционными формами занятости становится менее выраженной с увеличением стажа работы. Причиной этому, на первый взгляд, является адаптация к особенностям прекарной занятости. Вместе с тем, нам бы хотелось отметить и вероятность того, что участвующие в нашем исследовании респонденты со стажем более 5 лет – те, кто оказался более

успешным и результативным в этой сфере деятельности, изначально (т. е. и в первые годы своей работы) были более удовлетворены такой формой занятости и видели перспективы развития и своей профессиональной деятельности, и саморазвития.

Исходя из результатов, полученных при проведении методики «Интегральная удовлетворённость трудом» [4; 11] выявлено, что у респондентов с precarious формами занятости более низкий уровень удовлетворённости трудом (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Показатели проявления удовлетворённости трудом у респондентов традиционной и precarious форм занятости с разным стажем работы (критерий Манна-Уитни) / Indicators of job satisfaction among respondents of traditional and precarious forms of employment with different work experience (Mann-Whitney criterion)

Уровни	Стаж до 5 лет					Стаж больше 5 лет				
	1 гр.	2 гр.	$U_{эмп}$	$U_{кр} 0,05$	$U_{кр} 0,001$	1 гр.	2 гр.	$U_{эмп}$	$U_{кр} 0,05$	$U_{кр} 0,001$
<i>Шкала «Интерес к работе»</i>										
Низкий	9	6	1 148,5	946	852	7	9	1 154,5	1 076	972
Средний	25	32				30	35			
Высокий	13	12				14	8			
<i>Шкала «Удовлетворённость достижениями в работе»</i>										
Низкий	11	18	1 005	946	852	15	11	1 146	1 076	972
Средний	21	19				27	27			
Высокий	16	13				9	14			
<i>Шкала «Удовлетворённость взаимоотношениями с коллегами»</i>										
Низкий	14	14	1 145,5	946	852	16	14	1 286,5	1 076	972
Средний	23	22				25	28			
Высокий	11	14				10	10			
<i>Шкала «Удовлетворённость взаимоотношениями с менеджментом»</i>										
Низкий	8	12	1 013,5	946	852	10	12	1 265,5	1 076	972
Средний	29	32				33	32			
Высокий	10	6				8	8			
<i>Шкала «Уровень притязаний в профессии»</i>										
Низкий	6	14	1 024	946	852	6	19	1 084,5	1 076	972
Средний	26	21				31	19			
Высокий	15	15				14	14			
<i>Шкала «Предпочтение содержания работы высокому заработку»</i>										
Низкий	15	9	931	946	852	13	16	1 199,5	1 076	972
Средний	22	23				28	25			
Высокий	10	18				10	11			
<i>Шкала «Удовлетворённость условиями работы»</i>										
Низкий	6	13	917	946	852	13	17	1 289,5	1 076	972
Средний	25	27				30	25			
Высокий	16	10				8	10			

Окончание табл. 2

Уровни	Стаж до 5 лет					Стаж больше 5 лет				
	1 гр.	2 гр.	U _{эмп}	U _{кр} 0,05	U _{кр} 0,001	1 гр.	2 гр.	U _{эмп}	U _{кр} 0,05	U _{кр} 0,001
<i>Шкала «Профессиональная ответственность»</i>										
Низкий	3	4	1 137	946	852	4	4	1 226,5	1 076	972
Средний	35	34				32	37			
Высокий	9	12				15	11			
<i>Шкала «Общая удовлетворённость трудом»</i>										
Низкий	8	19	884	946	852	8	20	960	1 076	972
Средний	24	17				29	31			
Высокий	15	14				14	11			

С помощью U-критерия Манна–Уитни у испытуемых со стажем работы до 5 лет выявлены различия в следующих критериях: предпочтение содержания работы высокому заработку, удовлетворённость условиями работы.

У респондентов с precariousной формой занятости, в отличие от занятых по трудовому договору, более выражен уровень предпочтения содержания работы высокому заработку, однако, с увеличением стажа работы он снижается и становится одинаковым с лицами, занятыми по трудовому договору. Уровень удовлетворённости условиями работы, наоборот, более высокий у респондентов, занятых по трудовому договору. У лиц, занятых по трудовому договору, со стажем работы более 5 лет удовлетворённость трудом снижается и становится примерно одинаковой с представителями precariousных форм занятости.

Обобщая результаты исследования, можно сделать вывод, что общий уровень удовлетворённости трудом у испытуемых с precariousными формами занятости на начальном этапе профессиональной деятельности ниже, что

связано с отсутствием у респондентов необходимого опыта, неуверенностью в себе и результатах своей деятельности.

По результатам проведённого исследования можно сделать вывод о том, что общий уровень психологического благополучия личности выше у лиц, занятых по трудовому договору. Precariousные формы занятости, имеющие особенности в условиях и организации рабочей деятельности, оказывают непосредственное воздействие на уровень психологического благополучия личности. Неправильно организованная работа, её однотипность, непостоянность оказывают усиление развития стресса, апатии, дезадаптации и синдрома эмоционального выгорания личности [2; 3]. Для предотвращения развития психологического неблагополучия лицам с различными формами занятости необходимо более тщательно и последовательно планировать свою деятельность, осуществлять постоянно саморазвитие и самосовершенствование во всех сферах жизнедеятельности, развивать стрессоустойчивость.

Заключение

Для постановки проблемы исследования важную роль сыграли как недостаточная разработанность феноменов психологического неблагополучия, стресса и эмоционального выгорания у профессионалов с различными формами занятости, так и отсутствие эффективных технологий профилактики и психокоррекции психологического неблагополучия у специалистов с прекарными формами занятости.

Для диагностики уровня психологического благополучия/неблагополучия были использованы такие показатели, как общий уровень психологического благополучия и его составляющие, интегральный уровень удовлетворённости трудом и его составляющие.

По результатам проведения исследования было установлено, что специалисты с прекарной занятостью испытывают большую зависимость от

окружающей среды, чувство неуверенности в своих силах и своём будущем; более низкий уровень контроля над событиями, которые происходят в их жизни, удовлетворённости своей деятельностью и её результатами. Вместе с тем, при стаже работы более пяти лет, психологическое неблагополучие и неудовлетворённость трудом ими испытывается в меньшей степени, что возможно объясняется как адаптацией, так и тем, что продолжают работу в той сфере наиболее успешные специалисты, у которых изначально выше были изучаемые показатели.

Таким образом, лицам с прекарными формами занятости необходимо больше внимания уделять уровню своего психологического благополучия, развивать в себе качества, позволяющие быстро и успешно преодолевать неблагоприятные воздействия внешних и внутренних факторов психологического неблагополучия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белгов А. И. Противоречия и конфликты прекарной занятости // Академическая публицистика. 2022. № 4-1. С. 269–273.
2. Главатских О. Б. Профессиональное выгорание как актуальная проблема в управлении персоналом // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2020. №4 (43). С. 24–30.
3. Дёмин А. Н. Психология прекарной занятости: становление предметной области, основные проблемы и подходы к их изучению // Организационная психология. 2021. №2. С. 98–123.
4. Зоркова В. А. Технология оценки удовлетворённости трудом персонала современной организации // Вестник экономики, права и социологии. 2022. №3. С. 152–155.
5. Иванова Е. В. Исследование уровня сформированности эмоционального выгорания работников социальной отрасли Ставропольского края // Социальные трансформации. 2022. №33. С. 64–70.
6. Киселева К. В. Теоретический анализ понятия психологическое благополучие в отечественной и зарубежной литературе // Инновационные научные исследования в современном мире: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции / Уфа, 23 мая 2019 года. Уфа: Уфимский государственный университет, 2019. С. 160–164.
7. Колузаева Т. В. Эмоциональное выгорание: причины, последствия, способы профилактики // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2020. №1 (31). С. 122–130.

8. Лепешинский Н. Н. Адаптация опросника «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф // Психологический журнал. 2007. №3. С. 24–37.
9. Панченко Л. Л. Диагностика стресса. Владивосток: Морской государственный университет, 2005. 35 с.
10. Рябов В. Б. Качество трудовой жизни и профессиональное благополучие // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. №2. С. 79–95.
11. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов, Бутенко Г. А. М.: Издательство Института психотерапии, 2002. 362 с.
12. Шевченко Е. И., Светлолобова М. А. Оценка психоэмоциональных рисков офисных работников // XXI век. Техносферная безопасность. 2020. №4 (20). С. 421–432.
13. Hollenderer A. Working conditions, health and exhaustion among social workers in Germany // European Journal of Social Work. 2022. Vol. 25. №5. P. 792–803. DOI: 10.1080/13691457.2022.2063813.
14. Lennie S. J., Sarah E. C., Sutton A. Robocop-The depersonalisation of police officers and their emotions: A diary study of emotional labor and burnout in front line British police officers // International Journal of Law, Crime and Justice. 2020. №61. 13 p. DOI: 10.1016/j.ijlcrj.2019.100365.
15. Riff C. D., Keyes C., Lee M. The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69. №4. P. 719–727.
16. Wirth T., Vandeleur D., Dulon M. Sick leave and industrial accidents of social workers in Germany: analysis of routine data // International Archives of Occupational and Environmental Health. 2019. Vol. 92. №2. P. 175–184. DOI: 10.1007/s00420-018-1370.

REFERENCES

1. Belgov A. I. [Contradictions and conflicts of precarious employment]. In: *Akademicheskaya publicistika* [Academic journalism], 2022, no. 4-1, pp. 269–273.
2. Glavatskih O. B. [Professional burnout as a pressing problem in personnel management]. In: *Social'no-ekonomicheskoe upravlenie: teoriya i praktika* [Socio-economic management: theory and practice], 2020, no. 4 (43), pp. 24–30.
3. Dyomin A. N. [Psychology of precarious employment: formation of the subject area, main problems and approaches to their study]. In: *Organizacionnaya psihologiya* [Organizational psychology], 2021, no. 2, pp. 98–123.
4. Zorkova V. A. [Technology for assessing job satisfaction of personnel of a modern organization]. In: *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology], 2022, no. 3, pp. 152–155.
5. Ivanova E. V. [Study of the level of formation of emotional burnout of workers in the social sector of the Stavropol Territory]. In: *Social'nye transformacii* [Social transformations], 2022, no. 33, pp. 64–70.
6. Kiseleva K. V. [Theoretical analysis of the concept of psychological well-being in domestic and foreign literature]. In: *Innovacionnye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire: sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Ufa, 23 maya 2019 goda* [Innovative scientific research in the modern world: a collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference / Ufa, May 23, 2019]. Ufa, Ufa State University Publ., 2019, pp. 160–164.
7. Koluzaeva T. V. [Emotional burnout: causes, consequences, methods of prevention]. In: *Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova* [Bulletin of the Khakass State University named after N. F. Katanov], 2020, no. 1 (31), pp. 122–130.

8. Lepeshinskij N. N. [Adaptation of the questionnaire "Scale of psychological well-being" by K. Riff]. In: *Psichologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2007, no. 3, pp. 24–37.
9. Panchenko L. L. *Diagnostika stressa* [Stress diagnostics]. Vladivostok, Maritime State University Publ., 2005. 35 p.
10. Ryabov V. B. [Quality of working life and professional well-being]. In: *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and psychology of labor], 2018, no. 2, pp. 79–95.
11. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manujlov G. M., G. A. Butenko. *Social'no-psihologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malyh grupp* [Social and psychological diagnostics of personality and small group development]. Moscow, Publishing house of the Institute of Psychotherapy, 2002. 362 p.
12. Shevchenko E. I., Svetlolobova M. A. [Assessment of psycho-emotional risks of office workers]. In: *XXI vek. Tekhnosfernaya bezopasnost* [XXI century. Technosphere safety], 2020, no. 4 (20), pp. 421–432.
13. Holleder A. Working conditions, health and exhaustion among social workers in Germany. In: *European Journal of Social Work*, 2022, vol. 25, no. 5, pp. 792–803. DOI:10.1080/13691457.2022.2063813.
14. Lennie S. J., Sarah E. C., Sutton A. Robocop-The depersonalisation of police officers and their emotions: A diary study of emotional labor and burnout in front line British police officers. In: *International Journal of Law, Crime and Justice*, 2020, no. 61, 13 p. DOI:10.1016/j.ijlcrj.2019.100365.
15. Riff C. D., Keyes C., Lee M. The structure of psychological well-being revisited. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 1995, vol. 69, no. 4, pp. 719–727.
16. Wirth T., Vandeleur D., Dulon M. Sick leave and industrial accidents of social workers in Germany: analysis of routine data. In: *International Archives of Occupational and Environmental Health*, 2019, vol. 92, no. 2, pp. 175–184. DOI:10.1007/s00420-018-1370.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Баркова Елена Владимировна (Ульяновск) – лаборант кафедры психологии и педагогики Ульяновского государственного университета;
e-mail: melenavl@yahoo.com; ORCID: 0009-0009-6248-8471

Емельяненко Анна Валерьевна (Ульяновск) – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Ульяновского государственного университета;
e-mail: annaemelyanenkova@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3896-8354

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Barkova (Ulyanovsk) – Laboratory Assistant, Department of Psychology and Pedagogy of Ulyanovsk State University;
e-mail: melenavl@yahoo.com; ORCID: 0009-0009-6248-8471

Anna V. Emelyanenkova (Ulyanovsk) – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Psychology and Pedagogy, Ulyanovsk state University;
e-mail: annaemelyanenkova@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3896-8354

ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
2024. № 4

Над номером работали:
Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик В. А. Дворянов
Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин
Корректор В. М. Пастарнак

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
Сайты: www.psymgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9,5, уч.-изд. л. 9,7

Подписано в печать: 05.12.2024 г. Дата выхода в свет: 06.12.2024 г. Заказ № 2024/12-01.
Отпечатано в типографии Государственного университета просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А